
ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ
Аркадий Гайдар
ТИМУР
И ЕГО КОМАНДА
МИФ

Тимур и его команда

Аркадий Петрович Гайдар

Аннотация
Аркадий Гайдар. Тимур и его команда. Сборник
Тимур и его команда
Комендант снежной крепости (Киносценарий)
Клятва Тимура (Киносценарий)
  Слава
  Бунт
  В разные стороны
  Новые времена
Над книгой работали

Аннотация

На чердаке старого сарая соседской дачи Тимур и его друзья тайно устраиваю свой штаб. Здесь они придумывают, как помочь тем, чьи родственники ушли на фронт. Хозяева дачи принимают команду Тимура за банду хулиганов, но тимуровцы, вопреки всему, приходят им на помощь, а заодно разоблачают настоящих бандитов и получают заслуженное признание.

Серия «МИФ. Внеклассное чтение» – это лучшие художественные произведения из программы начальной и средней школы в современном оформлении.

Аркадий Гайдар
Тимур и его команда
Сборник

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Печатается по изданию: Гайдар А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.: Детская литература, 1972.

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

Тимур и его команда

Вот уже три месяца, как командир бронедивизиона полковник Александров не был дома. Вероятно, он был на фронте.

В середине лета он прислал телеграмму, в которой предложил своим дочерям Ольге и Жене остаток каникул провести под Москвой на даче.

Сдвинув на затылок цветную косынку и опираясь на палку щетки, насупившаяся Женя стояла перед Ольгой, а та ей говорила:

— Я поехала с вещами, а ты приберешь квартиру. Можешь бровями не дергать и губы не облизывать. Потом запри дверь. Книги отнеси в библиотеку. К подругам не заходи, а отправляйся прямо на вокзал. Оттуда пошли папе вот эту телеграмму. Затем садись в поезд и приезжай на дачу… Евгения, ты меня должна слушаться. Я твоя сестра…

— И я твоя тоже.

— Да… но я старше… и, в конце концов, так велел папа.

Когда во дворе зафырчала отъезжающая машина, Женя вздохнула и оглянулась. Кругом был разор и беспорядок. Она подошла к пыльному зеркалу, в котором отражался висевший на стене портрет отца.

Хорошо! Пусть Ольга старше и пока ее нужно слушаться. Но зато у нее, у Жени, такие же, как у отца, нос, рот, брови. И, вероятно, такой же, как у него, будет характер.

Она туже перевязала косынкой волосы. Сбросила сандалии. Взяла тряпку. Сдернула со стола скатерть, сунула под кран ведро и, схватив щетку, поволокла к порогу груду мусора.

Вскоре запыхтела керосинка и загудел примус.

Пол был залит водой. В бельевом цинковом корыте шипела и лопалась мыльная пена. А прохожие с улицы удивленно поглядывали на босоногую девчонку в красном сарафане, которая, стоя на подоконнике третьего этажа, смело протирала стекла распахнутых окон.

Грузовик мчался по широкой солнечной дороге. Поставив ноги на чемодан и опираясь на мягкий узел, Ольга сидела в плетеном кресле. На коленях

у нее лежал рыжий котенок и теребил лапами букет васильков.

У тридцатого километра их нагнала походная красноармейская мотоколонна. Сидя на деревянных скамьях рядами, красноармейцы держали направленные дулом к небу винтовки и дружно пели.

При звуках этой песни шире распахивались окна и двери в избах. Из-за заборов, из калиток вылетали обрадованные ребятишки. Они махали руками, бросали красноармейцам еще недозрелые яблоки, кричали вдогонку «ура» и тут же затевали бои, сражения, врубаясь в полынь и крапиву стремительными кавалерийскими атаками.

Грузовик свернул в дачный поселок и остановился перед небольшой, укрытой плющом дачей.

Шофер с помощником откинули борта и взялись сгружать вещи, а Ольга открыла застекленную террасу.

Отсюда был виден большой запущенный сад. В глубине сада торчал неуклюжий двухэтажный сарай, и над крышею этого сарая развевался маленький красный флаг.

Ольга вернулась к машине. Здесь к ней подско-

чила бойкая старая женщина — это была соседка, молочница. Она вызвалась прибрать дачу, вымыть окна, полы и стены.

Пока соседка разбирала тазы и тряпки, Ольга взяла котенка и прошла в сад.

На стволах обклеванных воробьями вишен блестела горячая смола. Крепко пахло смородиной, ромашкой и полынью. Замшелая крыша сарая была в дырах, и из этих дыр тянулись поверху и исчезали в листве деревьев какие-то тонкие веревочные провода.

Ольга пробралась через орешник и смахнула с лица паутину.

Что такое? Красного флага над крышей уже не было, и там торчала только палка.

Тут Ольга услышала быстрый, тревожный шепот. И вдруг, ломая сухие ветви, тяжелая лестница — та, что была приставлена к окну чердака сарая, — с треском полетела вдоль стены и, подминая лопухи, гулко брякнулась о землю.

Веревочные провода над крышей задрожали. Царапнув руки, котенок кувыркнулся в крапиву. Недоумевая, Ольга остановилась, осмотрелась, прислушалась. Но ни среди зелени, ни за чужим забором, ни в черном квадрате окна сарая никого не было ни видно, ни слышно.

Она вернулась к крыльцу.

— Это ребятишки по чужим садам озоруют, — объяснила Ольге молочница. — Вчера у соседей две яблони обтрясли, сломали грушу. Такой народ пошел… хулиганы. Я, дорогая, сына в Красную армию служить проводила. И как пошел, вина не пил. «Прощай, — говорит, — мама». И пошел и засвистел, милый. Ну, к вечеру, как положено, взгрустнулось, всплакнула. А ночью просыпаюсь, и чудится мне, что по двору шныряет кто-то, шмыгает. Ну, думаю, человек я теперь одинокий, заступиться некому… А много ли мне, старой, надо? Кирпичом по голове стукни — вот я и готова. Однако бог миловал — ничего не украли. Пошмыгали, пошмыгали и ушли. Кадка у меня во дворе стояла — дубовая, вдвоем не своротишь, — так ее шагов на двадцать к воротам подкатили. Вот и все. А что был за народ, что за люди — дело темное.

В сумерки, когда уборка была закончена, Ольга вышла на крыльцо. Тут из кожаного футляра бережно достала она белый, сверкающий перламутром аккордеон — подарок отца, который он прислал ей ко дню рождения.

Она положила аккордеон на колени, перекинула ремень через плечо и стала подбирать музыку

к словам недавно услышанной ею песенки:

Ах, если б только раз
Мне вас еще увидеть,
Ах, если б только… раз
И два… и три…
А вы и не поймете
На быстром самолете,
Как вас ожидала я до утренней зари.
Да!
Летчики-пилоты! Бомбы-пулеметы!
Вот и улетели в дальний путь.
Вы когда вернетесь?
Я не знаю, скоро ли,
Только возвращайтесь… хоть когда-нибудь.

Еще в то время, когда Ольга напевала эту песенку, несколько раз бросала она короткие настороженные взгляды в сторону темного куста, который рос во дворе у забора. Закончив играть, она быстро поднялась и, повернувшись к кусту, громко спросила:

— Послушайте! Зачем вы прячетесь и что вам здесь надо?

Из-за куста вышел человек в обыкновенном белом костюме. Он наклонил голову и вежливо ей ответил:

— Я не прячусь. Я сам немного артист. Я не хотел вам мешать. И вот я стоял и слушал.

— Да, но вы могли стоять и слушать с улицы. Вы же для чего-то перелезли через забор.

— Я?.. Через забор?.. — обиделся человек. — Извините, я не кошка. Там, в углу забора, выломаны доски, и я с улицы проник через это отверстие.

— Понятно! — усмехнулась Ольга. — Но вот калитка. И будьте добры проникнуть через нее обратно на улицу.

Человек был послушен. Не говоря ни слова, он прошел через калитку, запер за собой задвижку, и это Ольге понравилось.

— Погодите! — спускаясь со ступени, остановила его она. — Вы кто? Артист?

— Нет, — ответил человек. — Я инженер-механик, но в свободное время я играю и пою в нашей заводской опере.

— Послушайте, — неожиданно просто предложила ему Ольга. — Проводите меня до вокзала. Я жду младшую сестренку. Уже темно, поздно, а ее все нет и нет. Помните, я никого не боюсь, но я еще не знаю здешних улиц. Однако постойте,

зачем же вы открываете калитку? Вы можете подождать меня и у забора.

Она отнесла аккордеон, накинула на плечи платок и вышла на темную, пахнувшую росой и цветами улицу.

Ольга была сердита на Женю и поэтому со своим спутником по дороге говорила мало. Он же сказал ей, что его зовут Георгий, фамилия его Гараев и он работает инженером-механиком на автомобильном заводе.

Поджидая Женю, они пропустили уже два поезда, наконец прошел и третий, последний.

— С этой негодной девчонкой хлебнешь горя! — огорченно воскликнула Ольга. — Ну, если бы еще мне было лет сорок или хотя бы тридцать. А то ей тринадцать, мне — восемнадцать, и поэтому она меня совсем не слушается.

— Сорок не надо! — решительно отказался Георгий. — Восемнадцать куда как лучше! Да вы зря не беспокойтесь. Ваша сестра приедет рано утром.

Перрон опустел. Георгий вынул портсигар. Тут же к нему подошли два молодцеватых подростка и, дожидаясь огня, вынули свои папиросы.

— Молодой человек, — зажигая спичку и озаряя

лицо старшего, сказал Георгий. — Прежде чем тянуться ко мне с папиросой, надо поздороваться, ибо я уже имел честь с вами познакомиться в парке, где вы трудолюбиво выламывали доску из нового забора. Вас зовут Михаил Квакин. Не так ли?

Мальчишка засопел, попятился, а Георгий потушил спичку, взял Ольгу за локоть и повел ее к дому.

Когда они отошли, то второй мальчишка сунул замусоленную папиросу за ухо и небрежно спросил:

— Это еще что за пропагандист выискался? Здешний?

— Здешний, — нехотя ответил Квакин. — Это Тимки Гараева дядя. Тимку бы поймать, излупить надо. Он подобрал себе компанию, и они, кажется, гнут против нас дело.

Тут оба приятеля заметили под фонарем в конце платформы седого почтенного джентльмена, который, опираясь на палку, спускался по лесенке.

Это был местный житель, доктор Ф. Г. Колокольчиков. Они помчались за ним вдогонку, громко спрашивая, нет ли у него спичек. Но их вид и голоса никак не понравились этому джентльмену,

потому что, обернувшись, он погрозил им суковатой палкой и степенно пошел своей дорогой.

С московского вокзала Женя не успела послать телеграмму отцу, и поэтому, сойдя с дачного поезда, она решила разыскать поселковую почту.

Проходя через старый парк и собирая колокольчики, она незаметно вышла на перекресток двух огороженных садами улиц, пустынный вид которых ясно показывал, что попала она совсем не туда, куда ей было надо.

Невдалеке она увидела маленькую проворную девчонку, которая с ругательствами волокла за рога упрямую козу.

— Скажи, дорогая, пожалуйста, — закричала ей Женя, — как мне пройти отсюда на почту?

Но тут коза рванулась, крутанула рогами и галопом понеслась по парку, а девчонка с воплем помчалась за ней следом. Женя огляделась: уже смеркалось, а людей вокруг видно не было. Она открыла калитку чьей-то серой двухэтажной дачи и по тропинке прошла к крыльцу.

— Скажите, пожалуйста, — не открывая дверь, громко, но очень вежливо спросила Женя, — как бы мне отсюда пройти на почту?

Ей не ответили. Она постояла, подумала, открыла дверь и через коридор прошла в комнату.

Хозяев дома не было. Тогда, смутившись, она повернулась, чтобы выйти, но тут из-под стола бесшумно выползла большая светло-рыжая собака. Она внимательно оглядела оторопевшую девчонку и, тихо зарычав, легла поперек пути у двери.

— Ты, глупая! — испуганно растопыривая пальцы, закричала Женя. — Я не вор! Я у вас ничего не взяла. Это вот ключ от нашей квартиры. Это телеграмма папе. Мой папа — командир. Тебе понятно?

Собака молчала и не шевелилась. А Женя, потихоньку подвигаясь к распахнутому окну, продолжала:

— Ну вот! Ты лежишь? И лежи… Очень хорошая собачка… такая с виду умная, симпатичная.

Но едва Женя дотронулась рукой до подоконника, как симпатичная собака с грозным рычанием вскочила, и, в страхе прыгнув на диван, Женя поджала ноги.

— Очень странно, — чуть не плача, заговорила она. — Ты лови разбойников и шпионов, а я… человек. Да! — Она показала собаке язык. — Дура!

Женя положила ключ и телеграмму на край стола. Надо было дожидаться хозяев.

Но прошел час, другой… Уже стемнело. Через открытое окно доносились далекие гудки паровозов, лай собак и удары волейбольного мяча. Где-то играли на гитаре. И только здесь, около серой дачи, все было глухо и тихо.

Положив голову на жесткий валик дивана, Женя тихонько заплакала.

Наконец она крепко уснула.

Она проснулась только утром.

За окном шумела пышная, омытая дождем листва. Неподалеку скрипело колодезное колесо. Где-то пилили дрова, но здесь, на даче, было по-прежнему тихо.

Под головой у Жени лежала теперь мягкая кожаная подушка, а ноги ее были накрыты легкой простыней. Собаки на полу не было.

Значит, сюда ночью кто-то приходил!

Женя вскочила, откинула волосы, одернула помятый сарафанчик, взяла со стола ключ, неотправленную телеграмму и хотела бежать.

И тут на столе она увидела лист бумаги, на котором крупно синим карандашом было написано:

«Девочка, когда будешь уходить, захлопни крепче дверь». Ниже стояла подпись: «Тимур».

«Тимур? Кто такой Тимур? Надо бы повидать и поблагодарить этого человека».

Она заглянула в соседнюю комнату. Здесь стоял письменный стол, на нем чернильный прибор, пепельница, небольшое зеркало. Справа, возле кожаных автомобильных краг, лежал старый, ободранный револьвер. Тут же у стола в облупленных и исцарапанных ножнах стояла кривая турецкая сабля. Женя положила ключ и телеграмму, потрогала саблю, вынула ее из ножен, подняла клинок над своей головой и посмотрелась в зеркало.

Вид получился суровый, грозный. Хорошо бы так сняться и потом притащить в школу карточку! Можно было бы соврать, что когда-то отец брал ее с собой на фронт. В левую руку можно взять револьвер. Вот так. Это будет еще лучше. Она до отказа стянула брови, сжала губы и, целясь в зеркало, надавила курок.

Грохот ударил по комнате. Дым заволок окна. Упало на пепельницу настольное зеркало. И, оставив на столе и ключ и телеграмму, оглушенная Женя вылетела из комнаты и помчалась прочь от этого странного и опасного дома.

Каким-то путем она очутилась на берегу речки. Теперь у нее не было ни ключа от московской квартиры, ни квитанции на телеграмму, ни самой телеграммы. И теперь Ольге надо было

рассказывать все: и про собаку, и про ночевку в пустой даче, и про турецкую саблю, и, наконец, про выстрел. Скверно! Был бы папа, он бы понял. Ольга не поймет. Ольга рассердится или, чего доброго, заплачет. А это еще хуже. Плакать Женя и сама умела. Но при виде Ольгиных слез ей всегда хотелось забраться на телеграфный столб, на высокое дерево или на трубу крыши.

Для храбрости Женя выкупалась и тихонько пошла отыскивать свою дачу.

Когда она поднималась по крылечку, Ольга стояла на кухне и разводила примус. Заслышав шаги, Ольга обернулась и молча враждебно уставилась на Женю.

— Оля, здравствуй! — останавливаясь на верхней ступеньке и пытаясь улыбнуться, сказала Женя. — Оля, ты ругаться не будешь?

— Буду! — не сводя глаз с сестры, ответила Ольга.

— Ну, ругайся, — покорно согласилась Женя. — Такой, знаешь ли, странный случай, такое необычайное приключение! Оля, я тебя прошу, ты бровями не дергай, ничего страшного, я просто ключ от квартиры потеряла, телеграмму папе не отправила…

Женя зажмурила глаза и перевела дух, соби-

раясь выпалить все разом. Но тут калитка перед домом с треском распахнулась. Во двор заскочила, вся в репьях, лохматая коза и, низко опустив рога, помчалась в глубь сада. А за нею с воплем пронеслась уже знакомая Жене босоногая девчонка.

Воспользовавшись таким случаем, Женя прервала опасный разговор и кинулась в сад выгонять козу. Она нагнала девчонку, когда та, тяжело дыша, держала козу за рога.

— Девочка, ты ничего не потеряла? — быстро сквозь зубы спросила у Жени девчонка, не переставая колошматить козу пинками.

— Нет, — не поняла Женя.

— А это чье? Не твое? — И девчонка показала ей ключ от московской квартиры.

— Мое, — шепотом ответила Женя, робко оглядываясь в сторону террасы.

— Возьми ключ, записку и квитанцию, а телеграмма уже отправлена, — все так же быстро и сквозь зубы пробормотала девчонка.

И, сунув Жене в руку бумажный сверток, она ударила козу кулаком.

Коза поскакала к калитке, а босоногая девчонка прямо через колючки, через крапиву, как тень, понеслась следом. И разом за калиткою они ис-

чезли.

Сжав плечи, как будто бы поколотили ее, а не козу, Женя раскрыла сверток: «Это ключ. Это телеграфная квитанция. Значит, кто-то телеграмму отцу отправил. Но кто? Ага, вот записка! Что же это такое?»

В этой записке крупно синим карандашом было написано: «Девочка, никого дома не бойся. Все в порядке, и никто от меня ничего не узнает». А ниже стояла подпись: «Тимур».

Как завороженная, тихо сунула Женя записку в карман. Потом выпрямила плечи и уже спокойно пошла к Ольге.

Ольга стояла все там же, возле неразожженного примуса, и на глазах ее уже выступили слезы.

— Оля! — горестно воскликнула тогда Женя. — Я пошутила. Ну за что ты на меня сердишься? Я прибрала всю квартиру, я протерла окна, я старалась, я все тряпки, все полы вымыла. Вот тебе ключ, вот квитанция от папиной телеграммы. И дай лучше я тебя поцелую. Знаешь, как я тебя люблю! Хочешь, я для тебя в крапиву с крыши спрыгну?

И, не дожидаясь, пока Ольга что-либо ответит, Женя бросилась к ней на шею.

— Да… но я беспокоилась, — с отчаянием заго-

ворила Ольга. — И вечно нелепые у тебя шутки… А мне папа велел… Женя, оставь! Женька, у меня руки в керосине! Женька, налей лучше молоко и поставь кастрюлю на примус!

— Я… без шуток не могу, — бормотала Женя в то время, когда Ольга стояла возле умывальника.

Она бухнула кастрюлю с молоком на примус, потрогала лежавшую в кармане записку и спросила:

— Оля, Бог есть?

— Нету, — ответила Ольга и подставила голову под умывальник.

— А кто есть?

— Отстань! — с досадой ответила Ольга. — Никого нет!

Женя помолчала и опять спросила:

— Оля, а кто такой Тимур?

— Это не Бог, это один царь такой, — намыливая себе лицо и руки, неохотно ответила Ольга, — злой, хромой, из средней истории.

— А если не царь, не злой и не из средней, тогда кто?

— Тогда не знаю. Отстань! И на что это тебе Тимур дался?

— А на то, что, мне кажется, я очень люблю этого человека.

— Кого? — И Ольга недоуменно подняла покрытое мыльной пеной лицо. — Что ты все там бормочешь, выдумываешь, не даешь спокойно умыться! Вот погоди, приедет папа, и он в твоей любви разберется.

— Что ж, папа! — скорбно, с пафосом воскликнула Женя. — Если он и приедет, то так ненадолго. И он, конечно, не будет обижать одинокого и беззащитного человека.

— Это ты-то одинокая и беззащитная? — недоверчиво спросила Ольга. — Ох, Женька, не знаю я, что ты за человек и в кого только ты уродилась!

Тогда Женя опустила голову и, разглядывая свое лицо, отражавшееся в цилиндре никелированного чайника, гордо и не раздумывая ответила:

— В папу. Только. В него. Одного. И больше ни в кого на свете.

Пожилой джентльмен, доктор Ф. Г. Колокольчиков, сидел в своем саду и чинил стенные часы.

Перед ним с унылым выражением лица стоял его внук Коля.

Считалось, что он помогает дедушке в работе. На самом же деле вот уже целый час, как он держал в руке отвертку, дожидаясь, пока дедушке этот инструмент понадобится.

Но стальная спиральная пружина, которую

нужно было вогнать на свое место, была упряма, а дедушка был терпелив. И казалось, что конца-края этому ожиданию не будет. Это было обидно, тем более что из-за соседнего забора вот уже несколько раз высовывалась вихрастая голова Симы Симакова, человека очень расторопного и сведущего. И этот Сима Симаков языком, головой и руками подавал Коле знаки, столь странные и загадочные, что даже пятилетняя Колина сестра Татьянка, которая, сидя под липою, сосредоточенно пыталась затолкать репей в пасть лениво развалившейся собаке, неожиданно завопила и дернула дедушку за штанину, после чего голова Симы Симакова мгновенно исчезла.

Наконец пружина легла на свое место.

— Человек должен трудиться, — поднимая влажный лоб и обращаясь к Коле, наставительно произнес седой джентльмен Ф. Г. Колокольчиков. — У тебя же такое лицо, как будто бы я угощаю тебя касторкой. Подай отвертку и возьми клещи. Труд облагораживает человека. Тебе же душевного благородства как раз не хватает. Например, вчера ты съел четыре порции мороженого, а с младшей сестрой не поделился.

— Она врет, бессовестная! — бросая на Татьян-

ку сердитый взгляд, воскликнул оскорбленный Коля. — Три раза я давал ей откусить по два раза. Она же пошла на меня жаловаться да еще по дороге стянула с маминого стола четыре копейки.

— А ты ночью по веревке из окна лазил, — не поворачивая головы, хладнокровно ляпнула Татьянка. — У тебя под подушкой есть фонарь. А в спальню к нам вчера какой-то хулиган кидал камнем. Кинет да посвистит, кинет да еще свистнет.

Дух захватило у Коли Колокольчикова при этих наглых словах бессовестной Татьянки. Дрожь пронизала тело от головы до пяток. Но, к счастью, занятый работой дедушка на такую опасную клевету внимания не обратил или просто ее не расслышал. Очень кстати в сад тут вошла с бидонами молочница и, отмеривая кружками молоко, начала жаловаться:

— А у меня, батюшка Федор Григорьевич, жулики ночью чуть было дубовую кадку со двора не своротили. А сегодня люди говорят, что чуть свет у меня на крыше двух человек видели: сидят на трубе, проклятые, и ногами болтают.

— То есть как на трубе? С какой же это, позвольте, целью? — начал было спрашивать удивленный джентльмен.

Но тут со стороны курятника раздался лязг и звон. Отвертка в руке седого джентльмена дрогнула, и упрямая пружина, вылетев из своего гнезда, с визгом брякнулась о железную крышу. Все, даже Татьянка, даже ленивая собака, разом обернулись, не понимая, откуда звон и в чем дело. А Коля Колокольчиков, не сказав ни слова, метнулся, как заяц, через морковные грядки и исчез за забором.

Он остановился возле коровьего сарая, изнутри которого, так же как из курятника, доносились резкие звуки, как будто бы кто-то бил гирей по отрезку стального рельса. Здесь-то он и столкнулся с Симой Симаковым, у которого взволнованно спросил:

— Слушай… Я не пойму. Это что?.. Тревога?

— Да нет! Это, кажется, по форме номер один позывной сигнал общий.

Они перепрыгнули через забор, нырнули в дыру ограды парка. Здесь с ними столкнулся широкоплечий, крепкий мальчуган Гейка. Следом подскочил Василий Ладыгин. Еще и еще кто-то. И бесшумно, проворно, одними только им знакомыми ходами они неслись к какой-то цели, на бегу коротко переговариваясь:

— Это тревога?

— Да нет! Это форма номер один позывной общий.

— Какой позывной? Это не «три — стоп», «три — стоп». Это какой-то болван кладет колесом десять ударов кряду.

— А вот посмотрим!

— Ага, проверим!

— Вперед! Молнией!

А в это время в комнате той самой дачи, где ночевала Женя, стоял высокий темноволосый мальчуган лет тринадцати. На нем были легкие черные брюки и темно-синяя безрукавка с вышитой красной звездой.

К нему подошел седой лохматый старик. Холщовая рубаха его была бедна. Широченные штаны — в заплатках. К колену его левой ноги ремнями была пристегнута грубая деревяшка. В одной руке он держал записку, другой сжимал старый, ободранный револьвер.

— «Девочка, когда будешь уходить, захлопни крепче дверь», — насмешливо прочел старик. — Итак, может быть, ты мне все-таки скажешь, кто ночевал у нас сегодня на диване?

— Одна знакомая девочка, — неохотно ответил мальчуган. — Ее без меня задержала собака.

— Вот и врешь! — рассердился старик. — Ес-

ли бы она была тебе знакомая, то здесь, в записке, ты назвал бы ее по имени.

— Когда я писал, то я не знал. А теперь я ее знаю.

— Не знал. И ты оставил ее утром одну… в квартире? Ты, друг мой, болен, и тебя надо отправить в сумасшедший. Эта дрянь разбила зеркало, расколотила пепельницу. Ну хорошо, что револьвер был заряжен холостыми. А если бы в нем были патроны боевые?

— Но, дядя… боевых патронов у тебя не бывает, потому что у врагов твоих ружья и сабли… просто деревянные.

Похоже было на то, что старик улыбнулся. Однако, тряхнув лохматой головой, он строго сказал:

— Ты смотри! Я все замечаю. Дела у тебя, как я вижу, темные, и как бы за них я не отправил тебя назад, к матери.

Пристукивая деревяшкой, старик пошел вверх по лестнице. Когда он скрылся, мальчуган подпрыгнул, схватил за лапы вбежавшую в комнату собаку и поцеловал ее в морду.

— Ага, Рита! Мы с тобой попались. Ничего, он сегодня добрый. Он сейчас петь будет.

И точно. Сверху из комнаты послышалось от-

кашливание. Потом этакое тра-ля-ля!.. И наконец низкий баритон запел:

Я третью ночь не сплю, мне чудится все то же

Движенье тайное в угрюмой тишине…

— Стой, сумасшедшая собака! — крикнул Тимур. — Что ты мне рвешь штаны и куда ты меня тянешь?

Вдруг он с шумом захлопнул дверь, которая вела наверх, к дяде, и через коридор вслед за собакой выскочил на веранду.

В углу веранды возле небольшого телефона дергался, прыгал и колотился о стену подвязанный к веревке бронзовый колокольчик.

Мальчуган зажал его в руке, замотал бечевку на гвоздь. Теперь вздрагивающая бечевка ослабла — должно быть, где-то лопнула. Тогда, удивленный и рассерженный, он схватил трубку телефона.

Часом раньше, чем все это случилось, Ольга сидела за столом. Перед нею лежал учебник физики. Вошла Женя и достала пузырек с йодом.

— Женя, — недовольно спросила Ольга, — откуда у тебя на плече царапина?

— А я шла, — беспечно ответила Женя, — а там

стояло на пути что-то такое колючее или острое. Вот так и получилось.

— Отчего же это у меня на пути не стоит ничего колючего или острого? — передразнила ее Ольга.

— Неправда! У тебя на пути стоит экзамен по математике. Он и колючий, и острый. Вот, посмотри, срежешься!.. Олечка, не ходи на инженера, ходи на доктора, — заговорила Женя, подсовывая Ольге настольное зеркало. — Ну, погляди: какой из тебя инженер? Инженер должен быть — вот... вот... и вот... (Она сделала три энергичные гримасы.) А у тебя — вот... вот... и вот... — Тут Женя повела глазами, приподняла брови и очень нежно улыбнулась.

— Глупая! — обнимая ее, целуя и легонько отталкивая, сказала Ольга. — Уходи, Женя, и не мешай. Ты бы лучше сбегала к колодцу за водой.

Женя взяла с тарелки яблоко, отошла в угол, постояла у окна, потом расстегнула футляр аккордеона и заговорила:

— Знаешь, Оля! Подходит ко мне сегодня какой-то дяденька. Так с виду ничего себе — блондин, в белом костюме, и спрашивает: «Девочка, тебя как зовут?» Я говорю: «Женя...»

— Женя, не мешай и инструмент не трогай, — не оборачиваясь и не отрываясь от книги, ска-

зала Ольга.

— «А твою сестру, — доставая аккордеон, продолжала Женя, — кажется, зовут Ольгой?»

— Женька, не мешай и инструмент не трогай! — невольно прислушиваясь, повторила Ольга.

— «Очень, — говорит он, — твоя сестра хорошо играет. Она не хочет ли учиться в консерватории?» — Женя достала аккордеон и перекинула ремень через плечо. — «Нет, — говорю я ему, — она уже учится по железобетонной специальности». А он тогда говорит: «А-а!» (Тут Женя нажала один клавиш.) А я ему говорю: «Бэ-э!» — Тут Женя нажала другой клавиш.

— Негодная девчонка! Положи инструмент на место! — вскакивая, крикнула Ольга. — Кто тебе разрешает вступать в разговоры с какими-то дяденьками?

— Ну и положу, — обиделась Женя. — Я и не вступала. Это вступил он. Хотела я тебе рассказать дальше, а теперь не буду. Вот погоди, приедет папа, он тебе покажет!

— Мне? Это тебе покажет. Ты мешаешь мне заниматься.

— Нет, тебе! — хватая пустое ведро, уже с крыльца откликнулась Женя. — Я ему расскажу, как ты

меня по сто раз в день то за керосином, то за мылом, то за водой гоняешь! Я тебе не грузовик, не конь и не трактор.

Она принесла воды, поставила ведро на лавку, но, так как Ольга, не обратив на это внимания, сидела, склонившись над книгой, обиженная Женя ушла в сад.

Выбравшись на лужайку перед старым двухэтажным сараем, Женя вынула из кармана рогатку и, натянув резинку, запустила в небо маленького картонного парашютиста.

Взлетев кверху ногами, парашютист перевернулся. Над ним раскрылся голубой бумажный купол, но тут крепче рванул ветер, парашютиста поволокло в сторону, и он исчез за темным чердачным окном сарая.

Авария! Картонного человечка надо было выручать. Женя обошла сарай, через дырявую крышу которого разбегались во все стороны тонкие веревочные провода. Она подтащила к окну трухлявую лестницу и, взобравшись по ней, спрыгнула на пол чердака.

Очень странно! Этот чердак был обитаем. На стене висели мотки веревок, фонарь, два скрещенных сигнальных флага и карта поселка, вся исчерченная непонятными знаками. В углу

лежала покрытая мешковиной охапка соломы. Тут же стоял перевернутый фанерный ящик. Возле дырявой замшелой крыши торчало большое, похожее на штурвальное, колесо. Над колесом висел самодельный телефон.

Женя заглянула через щель. Перед ней, как волны моря, колыхалась листва густых садов. В небе играли голуби. И тогда Женя решила: пусть голуби будут чайками, этот старый сарай с его веревками, фонарями и флагами — большим кораблем. Она же сама будет капитаном.

Ей стало весело. Она повернула штурвальное колесо. Тугие веревочные провода задрожали, загудели. Ветер зашумел и погнал зеленые волны. А ей показалось, что это ее корабль-сарай медленно и спокойно по волнам разворачивается.

— Лево руля на борт! — громко скомандовала Женя и крепче налегла на тяжелое колесо.

Прорвавшись через щели крыши, узкие прямые лучи солнца упали ей на лицо и платье. Но Женя поняла, что это неприятельские суда нащупывают ее своими прожекторами, и она решила дать им бой.

С силой управляла она скрипучим колесом, маневрируя вправо и влево, и властно выкрикивала слова команды.

Но вот острые прямые лучи прожектора поблекли, погасли. И это, конечно, не солнце зашло за тучу. Это разгромленная вражья эскадра шла ко дну.

Бой был окончен. Пыльной ладонью Женя вытерла лоб, и вдруг на стене задребезжал звонок телефона. Этого Женя не ожидала; она думала, что этот телефон просто игрушка. Ей стало не по себе. Она сняла трубку.

Голос, звонкий и резкий, спрашивал:

— Алло! Алло! Отвечайте. Какой осел обрывает провода и подает сигналы, глупые и непонятные?

— Это не осел, — пробормотала озадаченная Женя. — Это я, Женя!

— Сумасшедшая девчонка! — резко и почти испуганно прокричал тот же голос. — Оставь штурвальное колесо и беги прочь. Сейчас примчатся… люди, и они тебя поколотят.

Женя бросила трубку, но было уже поздно. Вот на свету показалась чья-то голова: это был Гейка, за ним Сима Симаков, Коля Колокольчиков, а вслед лезли еще и еще мальчишки.

— Кто вы такие? — отступая от окна, в страхе спросила Женя. — Уходите!.. Это наш сад. Я вас сюда не звала.

Но плечо к плечу, плотной стеной ребята молча шли на Женю. И, очутившись прижатой к углу, Женя вскрикнула.

В то же мгновение в просвете мелькнула еще одна тень. Все обернулись и расступились. И перед Женей встал высокий темноволосый мальчуган в синей безрукавке, на груди которой была вышита красная звезда.

— Тише, Женя! — громко сказал он. — Кричать не надо. Никто тебя не тронет. Мы с тобой знакомы. Я — Тимур.

— Ты Тимур?! — широко раскрывая полные слез глаза, недоверчиво воскликнула Женя. — Это ты укрыл меня ночью простынею? Ты оставил мне на столе записку? Ты отправил папе на фронт телеграмму, а мне прислал ключ и квитанцию? Но зачем? За что? Откуда ты меня знаешь?

Тогда он подошел к ней, взял ее за руку и ответил:

— А вот оставайся с нами! Садись и слушай, и тогда тебе все будет понятно.

На покрытой мешками соломе вокруг Тимура, который разложил перед собой карту поселка, расположились ребята.

У отверстия выше слухового окна повис на веревочных качелях наблюдатель. Через его шею

был перекинут шнурок с помятым театральным биноклем.

Неподалеку от Тимура сидела Женя и настороженно прислушивалась и приглядывалась ко всему, что происходит на совещании этого никому не известного штаба. Говорил Тимур:

— Завтра, на рассвете, пока люди спят, я и Колокольчиков исправим оборванные ею — он показал на Женю — провода.

— Он проспит, — хмуро вставил большеголовый, одетый в матросскую тельняшку Гейка. — Он просыпается только к завтраку и к обеду.

— Клевета! — вскакивая и заикаясь, вскричал Коля Колокольчиков. — Я встаю вместе с первым лучом солнца.

— Я не знаю, какой у солнца луч первый, какой второй, но он проспит обязательно, — упрямо продолжал Гейка.

Тут болтавшийся на веревках наблюдатель свистнул. Ребята повскакивали.

По дороге в клубах пыли мчался конно-артиллерийский дивизион. Могучие, одетые в ремни и железо кони быстро волокли за собою зеленые зарядные ящики и укрытые серыми чехлами пушки.

Обветренные, загорелые ездовые, не качнув-

шись в седле, лихо заворачивали за угол, и одна за другой батареи скрывались в роще. Дивизион умчался.

— Это они на вокзал, на погрузку поехали, — важно объяснил Коля Колокольчиков. — Я по их обмундированию вижу: когда они скачут на учение, когда на парад, а когда и еще куда.

— Видишь — и молчи! — остановил его Гейка. — Мы и сами с глазами. Вы знаете, ребята, этот болтун хочет убежать в Красную армию!

— Нельзя, — вмешался Тимур. — Это затея совсем пустая.

— Как нельзя? — покраснев, спросил Коля. — А почему же раньше мальчишки всегда на фронт бегали?

— То раньше! А теперь крепко-накрепко всем начальникам и командирам приказано гнать оттуда нашего брата по шее.

— Как по шее? — вспылив и еще больше покраснев, вскричал Коля Колокольчиков. — Это… своих-то?

— Да вот!.. — И Тимур вздохнул. — Это своих-то! А теперь, ребята, давайте к делу.

Все расселись по местам.

— В саду дома номер тридцать четыре по Кривому переулку неизвестные мальчишки обтрясли

яблоню, — обиженно сообщил Коля Колокольчиков. — Они сломали две ветки и помяли клумбу.

— Чей дом? — И Тимур заглянул в клеенчатую тетрадь. — Дом красноармейца Крюкова. Кто у нас здесь бывший специалист по чужим садам и яблоням?

— Я, — раздался сконфуженный голос.

— Кто это мог сделать?

— Это работал Мишка Квакин и его помощник, под названием «Фигура». Яблоня — мичуринка, сорт «золотой налив», и, конечно, взята на выбор.

— Опять и опять Квакин! — Тимур задумался. — Гейка! У тебя с ним разговор был?

— Был.

— Ну и что же?

— Дал ему два раза по шее.

— А он?

— Ну и он сунул мне раза два тоже.

— Эк у тебя все — «дал» да «сунул»... А толку что-то нету. Ладно! Квакиным мы займемся особо. Давайте дальше.

— В доме номер двадцать пять у старухи молочницы взяли в кавалерию сына, — сообщил из угла кто-то.

— Вот хватил! — И Тимур укоризненно качнул

головой. — Да там на воротах еще третьего дня наш знак поставлен. А кто ставил? Колокольчиков, ты?

— Я.

— Так почему же у тебя верхний левый луч звезды кривой, как пиявка? Взялся сделать — сделай хорошо. Люди придут — смеяться будут. Давайте дальше.

Вскочил Сима Симаков и зачастил уверенно, без запинки:

— В доме номер пятьдесят четыре по Пушкаревой улице коза пропала. Я иду, вижу — старуха девчонку колотит. Я кричу: «Тетенька, бить не по закону!» Она говорит: «Коза пропала. Ах, будь ты проклята!» — «Да куда же она пропала?» — «А вон там, в овраге за перелеском, обгрызла мочалу и провалилась, как будто ее волки съели!»

— Погоди! Чей дом?

— Дом красноармейца Павла Гурьева. Девчонка — его дочь, зовут Нюркой. Колотила ее бабка. Как зовут, не знаю. Коза серая, со спины черная. Зовут Манька.

— Козу разыскать! — приказал Тимур. — Пойдет команда в четыре человека. Ты… ты и ты. Ну все, ребята?

— В доме номер двадцать два девчонка пла-

чет, — как бы нехотя сообщил Гейка.

— Чего же она плачет?

— Спрашивал — не говорит.

— А ты спросил бы получше. Может быть, кто-нибудь ее поколотил… обидел?

— Спрашивал — не говорит.

— А велика ли девчонка?

— Четыре года.

— Вот еще беда! Кабы человек… а то — четыре года! Постой, а чей это дом?

— Дом лейтенанта Павлова. Того, что недавно убили на границе.

— «Спрашивал — не говорит», — огорченно передразнил Гейку Тимур. Он нахмурился, подумал. — Ладно… Это я сам. Вы к этому делу не касайтесь.

— На горизонте показался Мишка Квакин! — громко доложил наблюдатель. — Идет по той стороне улицы. Жрет яблоко. Тимур! Выслать команду: пусть дадут ему тычка или взашеину!

— Не надо. Все оставайтесь на местах. Я вернусь скоро.

Он прыгнул из окна на лестницу и исчез в кустах. А наблюдатель сообщил снова:

— У калитки, в поле моего зрения, неизвестная девица, красивого вида, стоит с кувшином и по-

купает молоко. Это, наверно, хозяйка дачи.

— Это твоя сестра? — дергая Женю за рукав, спросил Коля Колокольчиков. И, не получив ответа, он важно и обиженно предостерег: — Ты смотри не вздумай ей отсюда крикнуть.

— Сиди! — выдергивая рукав, насмешливо ответила ему Женя. — Тоже ты мне начальник…

— Не лезь к ней, — поддразнил Гейка Колю, — а то она тебя поколотит.

— Меня? — Коля обиделся. — У нее что? Когти? А у меня — мускулатура. Вот… ручная, ножная!

— Она поколотит тебя вместе с ручною и ножною. Ребята, осторожно! Тимур подходит к Квакину.

Легко помахивая сорванной веткой, Тимур шел Квакину наперерез. Заметив это, Квакин остановился. Плоское лицо его не показывало ни удивления, ни испуга.

— Здорово, комиссар! — склонив голову набок, негромко сказал он. — Куда так торопишься?

— Здорово, атаман! — в тон ему ответил Тимур. — К тебе навстречу.

— Рад гостю, да угощать нечем. Разве вот это? — Он сунул руку за пазуху и протянул Тимуру яблоко.

— Ворованные? — спросил Тимур, надкусывая

яблоко.

— Они самые, — объяснил Квакин. — Сорт «золотой налив». Да вот беда: нет еще настоящей спелости.

— Кислятина! — бросая яблоко, сказал Тимур. — Послушай, ты на заборе дома номер тридцать четыре вот такой знак видел? — И Тимур показал на звезду, вышитую на своей синей безрукавке.

— Ну, видел, — насторожился Квакин. — Я, брат, и днем и ночью все вижу.

— Так вот: если ты днем или ночью еще раз такой знак где-либо увидишь, ты беги прочь от этого места, как будто бы тебя кипятком ошпарили.

— Ой, комиссар! Какой ты горячий! — растягивая слова, сказал Квакин. — Хватит, поговорили!

— Ой, атаман, какой ты упрямый, — не повышая голоса, ответил Тимур. — А теперь запомни сам и передай всей шайке, что этот разговор у нас с вами последний.

Никто со стороны и не подумал бы, что это разговаривают враги, а не два теплых друга. И поэтому Ольга, державшая в руках кувшин, спросила молочницу, кто этот мальчишка, который совещается о чем-то с хулиганом Квакиным.

— Не знаю, — с сердцем ответила молочни-

ца. — Наверное, такой же хулиган и безобразник. Он что-то все возле вашего дома околачивается. Ты смотри, дорогая, как бы они твою сестренку не отколошматили.

Беспокойство охватило Ольгу. С ненавистью взглянула она на обоих мальчишек, прошла на террасу, поставила кувшин, заперла дверь и вышла на улицу разыскивать Женю, которая вот уже два часа как не показывала глаз домой.

...Вернувшись на чердак, Тимур рассказал о своей встрече ребятам. Было решено завтра отправить всей шайке письменный ультиматум.

Бесшумно соскакивали ребята с чердака и через дыры в заборах, а то и прямо через заборы разбегались по домам в разные стороны. Тимур подошел к Жене.

— Ну что? — спросил он. — Теперь тебе все понятно?

— Все, — ответила Женя, — только еще не очень. Ты объясни мне проще.

— А тогда спускайся вниз и иди за мной. Твоей сестры все равно сейчас нет дома.

Когда они слезли с чердака, Тимур повалил лестницу.

Уже стемнело, но Женя доверчиво пошла за ним следом.

Они остановились у домика, где жила старуха молочница. Тимур оглянулся. Людей вблизи не было. Он вынул из кармана свинцовый тюбик с масляной краской и подошел к воротам, где была нарисована звезда, верхний левый луч которой действительно изгибался, как пиявка.

Уверенно лучи он обровнял, заострил и выпрямил.

— Скажи, зачем? — спросила его Женя. — Ты объясни мне проще: что все это значит?

Тимур сунул тюбик в карман. Сорвал лист лопуха, вытер закрашенный палец и, глядя Жене в лицо, сказал:

— А это значит, что из этого дома человек ушел в Красную армию. И с этого времени этот дом находится под нашей охраной и защитой. У тебя отец в армии?

— Да! — с волнением и гордостью ответила Женя. — Он командир.

— Значит, и ты находишься под нашей охраной и защитой тоже.

Они остановились перед воротами другой дачи. И здесь на заборе была начерчена звезда. Но прямые светлые лучи ее были обведены широкой черной каймой.

— Вот! — сказал Тимур. — И из этого дома че-

ловек ушел в Красную армию. Но его уже нет. Это дача лейтенанта Павлова, которого недавно убили на границе. Тут живет его жена и та маленькая девочка, у которой добрый Гейка так и не добился, отчего она часто плачет. И если тебе случится, то сделай ей, Женя, что-нибудь хорошее.

Он сказал все это очень просто, но мурашки пробежали по груди и по рукам Жени, а вечер был теплый и даже душный.

Она молчала, наклонив голову. И только для того, чтобы хоть что-нибудь сказать, она спросила:

— А разве Гейка добрый?

— Да, — ответил Тимур. — Он сын моряка, матроса. Он часто бранит малыша и хвастунишку Колокольчикова, но сам везде и всегда за него заступается.

Окрик резкий и даже гневный заставил их обернуться. Неподалеку стояла Ольга.

Женя дотронулась до руки Тимура: она хотела подвести его и познакомить с ним Ольгу.

Но новый окрик, строгий и холодный, заставил ее от этого отказаться.

Виновато кивнув Тимуру головой и недоуменно пожав плечами, она пошла к Ольге.

— Евгения! — тяжело дыша, со слезами в голосе

сказала Ольга. — Я запрещаю тебе разговаривать с этим мальчишкой. Тебе понятно?

— Но, Оля, — пробормотала Женя, — что с тобою?

— Я запрещаю тебе подходить к этому мальчишке, — твердо повторила Ольга. — Тебе тринадцать, мне восемнадцать. Я твоя сестра... Я старше. И когда папа уезжал, он мне велел...

— Но, Оля, ты ничего, ничего не понимаешь! — с отчаянием воскликнула Женя. Она вздрагивала. Она хотела объяснить, оправдаться. Но она не могла. Она была не вправе. И, махнув рукой, она не сказала сестре больше ни слова.

Сразу же она легла в постель. Но уснуть не могла долго. А когда уснула, то так и не слыхала, как ночью постучали в окно и подали от отца телеграмму.

...Рассвело. Пропел деревянный рог пастуха. Старуха молочница открыла калитку и погнала корову к стаду. Не успела она завернуть за угол, как из-за куста акации, стараясь не греметь пустыми ведрами, выскочило пятеро мальчуганов, и они бросились к колодцу.

— Качай!

— Давай!

— Бери!

— Хватай!

Обливая холодной водой босые ноги, мальчишки мчались во двор, опрокидывали ведра в дубовую кадку и, не задерживаясь, неслись обратно к колодцу.

К взмокшему Симе Симакову, который без передышки ворочал рычагом колодезного насоса, подбежал Тимур и спросил:

— Вы Колокольчикова здесь не видали? Нет? Значит, он проспал. Скорей, торопитесь! Старуха пойдет сейчас обратно.

Очутившись в саду перед дачей Колокольчиковых, Тимур стал под деревом и свистнул. Не дождавшись ответа, он полез на дерево и заглянул в комнату. С дерева ему была видна только половина придвинутой к подоконнику кровати да завернутые в одеяло ноги.

Тимур кинул на кровать кусочек коры и тихонько позвал:

— Коля, вставай! Колька!

Спящий не пошевельнулся. Тогда Тимур вынул нож, срезал длинный прут, заострил на конце сучок, перекинул прут через подоконник и, зацепив сучком одеяло, потащил его на себя.

Легкое одеяло поползло через подоконник. В комнате раздался хрипловатый изумленный

вопль. Вытаращив заспанные глаза, с кровати соскочил седой джентльмен в нижнем белье и, хватая рукой уползающее одеяло, подбежал к окну.

Очутившись лицом к лицу с почтенным стариком, Тимур разом слетел с дерева.

А седой джентльмен, бросив на постель отвоеванное одеяло, сдернул со стены двустволку, поспешно надел очки и, выставив ружье из окна дулом к небу, зажмурил глаза и выстрелил.

...Только у колодца перепуганный Тимур остановился. Вышла ошибка. Он принял спящего джентльмена за Колю, а седой джентльмен, конечно, принял его за жулика.

Тут Тимур увидел, что старуха молочница с коромыслом и ведрами выходит из калитки за водой. Он юркнул за акацию и стал наблюдать. Вернувшись от колодца, старуха подняла ведро, опрокинула его в бочку и сразу отскочила, потому что вода с шумом и брызгами выплеснулась из уже наполненной до краев бочки прямо ей под ноги.

Охая, недоумевая и оглядываясь, старуха обошла бочку. Она опустила руку в воду и поднесла ее к носу. Потом побежала к крыльцу проверить, цел ли замок у двери. И, наконец, не зная, что

и думать, она стала стучать в окно соседке.

Тимур засмеялся и вышел из своей засады. Надо было спешить. Уже поднималось солнце. Коля Колокольчиков не явился, и провода все еще исправлены не были.

…Пробираясь к сараю, Тимур заглянул в распахнутое, выходящее в сад окно.

У стола возле кровати в трусах и майке сидела Женя и, нетерпеливо откидывая сползавшие на лоб волосы, что-то писала.

Увидав Тимура, она не испугалась и даже не удивилась. Она только погрозила ему пальцем, чтобы он не разбудил Ольгу, сунула недоконченное письмо в ящик и на цыпочках вышла из комнаты.

Здесь, узнав от Тимура, какая с ним сегодня случилась беда, она позабыла все Ольгины наставления и охотно вызвалась помочь ему наладить ею же самой оборванные провода.

Когда работа была закончена и Тимур уже стоял по ту сторону изгороди, Женя ему сказала:

— Не знаю за что, но моя сестра тебя очень ненавидит.

— Ну вот, — огорченно ответил Тимур, — и мой дядя тебя тоже!

Он хотел уйти, но она его остановила:

— Постой, причешись. Ты сегодня очень лохматый.

Она вынула гребенку, протянула ее Тимуру, и тотчас же позади, из окна, раздался негодующий окрик Ольги:

— Женя! Что ты делаешь?

…Сестры стояли на террасе.

— Я тебе знакомых не выбираю, — с отчаянием защищалась Женя. — Каких? Очень простых. В белых костюмах. «Ах, как ваша сестра прекрасно играет!» Прекрасно! Вы бы лучше послушали, как она прекрасно ругается. Вот смотри! Я уже обо всем пишу папе.

— Евгения! Этот мальчишка — хулиган, а ты глупа, — холодно выговаривала, стараясь казаться спокойной, Ольга. — Хочешь, пиши папе, пожалуйста, но если я хоть еще раз увижу тебя с этим мальчишкой рядом, то в тот же день я брошу дачу, и мы уедем отсюда в Москву. А ты знаешь, что у меня слово бывает твердое?

— Да… мучительница! — со слезами ответила Женя. — Это-то я знаю.

— А теперь возьми и читай. — Ольга положила на стол полученную ночью телеграмму и вышла.

В телеграмме было написано:

«На днях проездом несколько часов буду Москве число часы телеграфирую дополнительно тчк Папа».

Женя вытерла слезы, приложила телеграмму к губам и тихо пробормотала:

— Папа, приезжай скорей! Папа! Мне, твоей Женьке, очень трудно.

Во двор того дома, откуда пропала коза и где жила бабка, которая поколотила бойкую девчонку Нюрку, привезли два воза дров.

Ругая беспечных возчиков, которые свалили дрова как попало, кряхтя и охая, бабка начала укладывать поленницу. Но эта работа была ей не под силу. Откашливаясь, она села на ступеньку, отдышалась, взяла лейку и пошла в огород. Во дворе остался теперь только трехлетний братишка Нюрки — человек, как видно, энергичный и трудолюбивый, потому что едва бабка скрылась, как он поднял палку и начал колотить ею по скамье и по перевернутому кверху дном корыту.

Тогда Сима Симаков, только что охотившийся за беглой козой, которая скакала по кустам и оврагам не хуже индийского тигра, одного человека из своей команды оставил на опушке, а с четырьмя другими вихрем ворвался во двор.

Он сунул малышу в рот горсть земляники, всучил ему в руки блестящее перо из крыла галки, и вся четверка рванулась укладывать дрова в поленницу.

Сам Сима Симаков понесся кругом вдоль забора, чтобы задержать на это время бабку в огороде. Остановившись у забора, возле того места, где к нему вплотную примыкали вишни и яблони, Сима заглянул в щелку.

Бабка набрала в подол огурцов и собиралась идти во двор.

Сима Симаков тихонько постучал по доскам забора.

Бабка насторожилась. Тогда Сима поднял палку и начал ею шевелить ветви яблони.

Бабке тотчас же показалось, что кто-то тихонько лезет через забор за яблоками. Она высыпала огурцы на межу, выдернула большой пук крапивы, подкралась и притаилась у забора.

Сима Симаков опять заглянул в щель, но бабки теперь он не увидел. Обеспокоенный, он подпрыгнул, схватился за край забора и осторожно стал подтягиваться. Но в то же время бабка с торжествующим криком выскочила из своей засады и ловко стегнула Симу Симакова по рукам крапивой. Размахивая обожженными руками, Сима

помчался к воротам, откуда уже выбегала закончившая свою работу четверка.

Во дворе опять остался только один малыш. Он поднял с земли щепку, положил ее на край поленницы, потом поволок туда же кусок бересты.

За этим занятием и застала его вернувшаяся из огорода бабка. Вытаращив глаза, она остановилась перед аккуратно сложенной поленницей и спросила:

— Это кто же тут без меня работает?

Малыш, укладывая бересту в поленницу, важно ответил:

— А ты, бабушка, не видишь — это я работаю.

Во двор вошла молочница, и обе старухи оживленно начали обсуждать эти странные происшествия с водой и с дровами. Пробовали они добиться ответа у малыша, однако добились немногого. Он объяснил им, что прискочили из ворот люди, сунули ему в рот сладкой земляники, дали перо и еще пообещали поймать ему зайца с двумя ушами и с четырьмя ногами. А потом дрова покидали и опять ускочили.

В калитку вошла Нюрка.

— Нюрка, — спросила ее бабка, — ты не видала, кто к нам сейчас во двор заскакивал?

— Я козу искала, — уныло ответила Нюрка. — Я

все утро по лесу да по оврагам сама скакала.

— Украли! — горестно пожаловалась бабка молочнице. — А какая была коза! Ну, голубь, а не коза. Голубь!

— Голубь, — отодвигаясь от бабки, огрызнулась Нюрка. — Как почнет шнырять рогами, так не знаешь, куда и деваться. У голубей рогов не бывает.

— Молчи, Нюрка! Молчи, разиня бестолковая! — закричала бабка. — Оно, конечно, коза была с характером. И я ее, козушку, продать хотела. А теперь вот моей голубушки и нету.

Калитка со скрипом распахнулась. Низко опустив рога, во двор вбежала коза и устремилась прямо на молочницу.

Подхватив тяжелый бидон, молочница с визгом вскочила на крыльцо, а коза, ударившись рогами о стену, остановилась.

И тут все увидали, что к рогам козы крепко прикручен фанерный плакат, на котором крупно было выведено:

Я коза-коза,
Всех людей гроза.
Кто Нюрку будет бить,
Тому худо будет жить.

А на углу за забором хохотали довольные ребятишки.

Воткнув в землю палку, притопывая вокруг нее, приплясывая, Сима Симаков гордо пропел:

Мы не шайка и не банда,
Не ватага удальцов,
Мы веселая команда
Пионеров-молодцов.
У-ух ты!

И, как стайка стрижей, ребята стремительно и бесшумно умчались прочь.

Работы на сегодня было еще немало, но, главное, сейчас надо было составить и отослать Мишке Квакину ультиматум.

Как составляются ультиматумы, этого еще никто не знал, и Тимур спросил об этом у дяди.

Тот объяснил ему, что каждая страна пишет ультиматум на свой манер, но в конце для вежливости полагается приписать:

«Примите, господин министр, уверение в совершеннейшем к Вам почтении».

Затем ультиматум через аккредитованного посла вручается правителю враждебной державы.

Но это дело ни Тимуру, ни его команде не понравилось. Во-первых, никакого почтения хулигану Квакину они передавать не хотели; во-вторых, ни постоянного посла, ни даже посланника при этой шайке у них не было. И, посоветовавшись, они решили отправить ультиматум попроще, на манер того послания запорожцев к турецкому султану, которое каждый видел на картине, когда читал о том, как смелые казаки боролись с турками, татарами и ляхами.

За серыми воротами с черно-красной звездой, в тенистом саду того дома, что стоял напротив дачи, где жили Ольга и Женя, по песчаной аллейке шла маленькая белокурая девчушка. Ее мать, женщина молодая, красивая, но с лицом печальным и утомленным, сидела в качалке возле окна, на котором стоял пышный букет полевых цветов. Перед ней лежала груда распечатанных телеграмм и писем — от родных и от друзей, знакомых и незнакомых. Письма и телеграммы эти были теплые и ласковые. Они звучали издалека, как лесное эхо, которое никуда путника не зовет, ничего не обещает и все же подбадривает и подсказывает ему, что люди близко и в темном лесу он не одинок.

Держа куклу кверху ногами, так, что дере-

вянные руки и пеньковые косы ее волочились по песку, белокурая девочка остановилась перед забором. По забору спускался раскрашенный, вырезанный из фанеры заяц. Он дергал лапой, тренькая по струнам нарисованной балалайки, и мордочка у него была грустновато-смешная.

Восхищенная таким необъяснимым чудом, равного которому, конечно, и нет на свете, девочка выронила куклу, подошла к забору, и добрый заяц послушно опустился ей прямо в руки. А вслед за зайцем выглянуло лукавое и довольное лицо Жени.

Девочка посмотрела на Женю и спросила:

— Это ты со мной играешь?

— Да, с тобой. Хочешь, я к тебе спрыгну?

— Здесь крапива, — подумав, предупредила девочка. — И здесь я вчера обожгла себе руку.

— Ничего, — спрыгивая с забора, сказала Женя, — я не боюсь. Покажи, какая тебя вчера обожгла крапива? Вот эта? Ну, смотри: я ее вырвала, бросила, растоптала ногами и на нее плюнула. Давай с тобой играть: ты держи зайца, а я возьму куклу.

Ольга видела с крыльца террасы, как Женя вертелась около чужого забора, но она не хотела мешать сестренке, потому что та и так сегодня

утром много плакала. Но когда Женя полезла на забор и спрыгнула в чужой сад, обеспокоенная Ольга вышла из дома, подошла к воротам и открыла калитку. Женя и девчурка стояли уже у окна, возле женщины, и та улыбалась, когда дочка показывала ей, как грустный смешной заяц играет на балалайке.

По встревоженному лицу Жени женщина угадала, что вошедшая в сад Ольга недовольна.

— Вы на нее не сердитесь, — негромко сказала Ольге женщина. — Она просто играет с моей девчуркой. У нас горе… — Женщина помолчала. — Я плачу, а она, — женщина показала на свою крохотную дочку и тихо добавила: — а она и не знает, что ее отца недавно убили на границе.

Теперь смутилась Ольга, а Женя издалека посмотрела на нее горько и укоризненно.

— А я одна, — продолжала женщина. — Мать у меня в горах, в тайге, очень далеко, братья в армии, сестер нет.

Она тронула за плечо подошедшую Женю и, указывая на окно, спросила:

— Девочка, этот букет ночью не ты мне на крыльцо положила?

— Нет, — быстро ответила Женя. — Это не я. Но это, наверное, кто-нибудь из наших.

— Кто? — И Ольга непонимающе взглянула на Женю.

— Я не знаю, — испугавшись, заговорила Женя, — это не я. Я ничего не знаю. Смотрите, сюда идут люди.

За воротами послышался шум машины, а по дорожке от калитки шли два летчика-командира.

— Это ко мне, — сказала женщина. — Они, конечно, опять будут предлагать мне уехать в Крым, на Кавказ, на курорт, в санаторий…

Оба командира подошли, приложили руки к пилоткам, и, очевидно, расслышав ее последние слова, старший — капитан — сказал:

— Ни в Крым, ни на Кавказ, ни на курорт, ни в санаторий. Вы хотели повидать вашу маму? Ваша мать сегодня поездом выезжает к вам из Иркутска. До Иркутска она была доставлена на специальном самолете.

— Кем? — радостно и растерянно воскликнула женщина. — Вами?

— Нет, — ответил летчик-капитан, — нашими и вашими товарищами.

Подбежала маленькая девчурка, смело посмотрела на пришедших, и видно, что синяя форма эта ей была хорошо знакома.

— Мама, — попросила она, — сделай мне

качели, и я буду летать туда-сюда, туда-сюда. Далеко-далеко, как папа.

— Ой, не надо! — подхватывая и сжимая дочурку, воскликнула ее мать. — Нет, не улетай так далеко… как твой папа.

…На Малой Овражной, позади часовни с облупленной росписью, изображавшей суровых волосатых старцев и чисто выбритых ангелов, правей картины Страшного суда с котлами, смолой и юркими чертями, на ромашковой поляне ребята из компании Мишки Квакина играли в карты.

Денег у игроков не было, и они резались «на тычка», «на щелчка» и на «оживи покойника». Проигравшему завязывали глаза, клали его спиной на траву и давали ему в руки свечку, то есть длинную палку. И этой палкой он должен был вслепую отбиваться от добрых собратий своих, которые, сожалея усопшего, старались вернуть его к жизни, усердно настегивая крапивой по его голым коленям, икрам и пяткам.

Игра была в самом разгаре, когда за оградой раздался резкий звук сигнальной трубы.

Это снаружи у стены стояли посланцы от команды Тимура.

Штаб-трубач Коля Колокольчиков сжимал в ру-

ке медный блестящий горн, а босоногий суровый Гейка держал склеенный из оберточной бумаги пакет.

— Это что же тут за цирк или комедия? — перегибаясь через ограду, спросил паренек, которого звали Фигурой. — Мишка! — оборачиваясь, заорал он. — Брось карты, тут к тебе какая-то церемония пришла!

— Я тут, — залезая на ограду, отозвался Квакин. — Эге, Гейка, здорово! А это еще что с тобой за хлюпик?

— Возьми пакет, — протягивая ультиматум, сказал Гейка. — Сроку на размышление вам двадцать четыре часа дадено. За ответом приду завтра в такое же время.

Обиженный тем, что его назвали хлюпиком, штаб-трубач Коля Колокольчиков вскинул горн и, раздувая щеки, яростно протрубил отбой. И, не сказав больше ни слова, под любопытными взглядами рассыпавшихся по ограде мальчишек оба парламентера с достоинством удалились.

— Это что же такое? — переворачивая пакет и оглядывая разинувших рты ребят, спросил Квакин. — Жили-жили, ни о чем не тужили… Вдруг… труба, гроза! Я, братцы, право, ничего не понимаю!..

Он разорвал пакет, и, не слезая с ограды, стал читать:

— «Атаману шайки по очистке чужих садов Михаилу Квакину…» Это мне, — громко объяснил Квакин. — С полным титулом, по всей форме! «…И его, — продолжал он читать, — гнуснопрославленному помощнику Петру Пятакову, иначе именуемому просто Фигурой…» Это тебе, — с удовлетворением объяснил Квакин Фигуре. — Эк они завернули: «гнуснопрославленный»! Это уж что-то очень по-благородному, могли бы дурака назвать и попроще, «…а также ко всем членам этой позорной компании ультиматум». Это что такое, я не знаю, — насмешливо объявил Квакин. — Вероятно, ругательство или что-нибудь в этом смысле.

— Это такое международное слово. Бить будут, — объяснил стоявший рядом с Фигурой бритоголовый мальчуган Алешка.

— А, так бы и писали! — сказал Квакин. — Читаю дальше. Пункт первый: «Ввиду того что вы по ночам совершаете налеты на сады мирных жителей, не щадя и тех домов, на которых стоит наш знак — красная звезда, и даже тех, на которых стоит звезда с траурной черной каймою, вам, трусливым негодяям, мы приказываем…»

— Ты посмотри, как, собаки, ругаются! — смутившись, но пытаясь улыбнуться, продолжал Квакин. — А какой дальше слог, какие запятые! Да! «…Приказываем: не позже чем завтра утром Михаилу Квакину и гнусноподобной личности Фигуре явиться на место, которое им гонцами будет указано, имея на руках список всех членов вашей позорной шайки. А в случае отказа мы оставляем за собой полную свободу действий».

То есть в каком смысле свободу? — опять переспросил Квакин. — Мы их, кажется, пока никуда не запирали.

— Это такое международное слово. Бить будут, — опять объяснил бритоголовый Алешка.

— А, тогда так бы и говорили! — с досадой сказал Квакин. — Жаль, что ушел Гейка; видно, он давно не плакал.

— Он не заплачет, — сказал бритоголовый, — у него брат — матрос.

— Ну?

— У него и отец был матросом. Он не заплачет.

— А тебе-то что?

— Вот дурак — заладил! — рассердился Квакин. — То отец, то брат, то дядя. А что к чему — неизвестно. Отрасти, Алеша, волосы, а то тебе солнце напекло затылок. А ты что там мычишь,

Фигура?

— Гонцов надо завтра изловить, а Тимку и его компанию излупить, — коротко и угрюмо предложил обиженный ультиматумом Фигура.

На том и порешили. Отойдя в тень часовни и остановившись вдвоем возле картины, где проворные мускулистые черти ловко волокли в пекло воющих и упирающихся грешников, Квакин спросил у Фигуры:

— Слушай, это ты в тот сад лазил, где живет девчонка, у которой отца убили?

— Ну, я.

— Так вот… — с досадой пробормотал Квакин, тыкая пальцем в стену. — Мне, конечно, на Тимкины знаки наплевать, и Тимку я всегда бить буду…

— Хорошо, — согласился Фигура. — А что ты мне пальцем на чертей тычешь?

— А то, — скривив губы, ответил ему Квакин, — что ты мне хоть и друг, Фигура, но никак на человека не похож ты, а скорей вот на этого толстого и поганого черта.

Утром молочница не застала дома троих постоянных покупателей. На базар было идти уже поздно, и, взвалив бидон на плечи, она отправилась по квартирам.

Она ходила долго без толку и наконец остановилась возле дачи, где жил Тимур.

За забором она услышала густой приятный голос: кто-то негромко пел. Значит, хозяева были дома и здесь можно было ожидать удачи.

Пройдя через калитку, старуха нараспев закричала:

— Молока не надо ли, молока?

— Две кружки! — раздался в ответ басистый голос. Скинув с плеча бидон, молочница обернулась и увидела выходящего из кустов косматого, одетого в лохмотья хромоногого старика, который держал в руке кривую обнаженную саблю.

— Я, батюшка, говорю, молочка не надо ли? — оробев и попятившись, предложила молочница. — Экий ты, отец мой, с виду серьезный! Ты что ж это, саблей траву косишь?

— Две кружки. Посуда на столе, — коротко ответил старик и воткнул саблю клинком в землю.

— Ты бы, батюшка, купил косу, — торопливо наливая молоко в кувшин и опасливо поглядывая на старика, говорила молочница. — А саблю лучше брось. Этакой саблей простого человека и до смерти напугать можно.

— Платить сколько? — засовывая руку в карман широченных штанов, спросил старик.

— Как у людей, — ответила ему молочница. — По рубль сорок — всего два восемьдесят. Лишнего мне не надо.

Старик пошарил и достал из кармана большой ободранный револьвер.

— Я, батюшка, потом… — подхватывая бидон и поспешно удаляясь, заговорила молочница. — Ты, дорогой мой, не трудись! — прибавляя ходу и не переставая оборачиваться, продолжала она. — Мне, золотой, деньги не к спеху.

Она выскочила за калитку, захлопнула ее и сердито с улицы закричала:

— В больнице тебя, старого черта, держать надо, а не пускать по воле. Да, да! На замке, в больнице.

Старик пожал плечами, сунул обратно в карман вынутую оттуда трешницу и тотчас же спрятал револьвер за спину, потому что в сад вошел пожилой джентльмен, доктор Ф. Г. Колокольчиков.

С лицом сосредоточенным и серьезным, опираясь на палку, прямою, несколько деревянною походкой он шагал по песчаной аллее.

Увидав чудного старика, джентльмен кашлянул, поправил очки и спросил:

— Не скажешь ли ты, любезный, где мне найти владельца этой дачи?

— На этой даче живу я, — ответил старик.

— В таком случае, — прикладывая руку к соломенной шляпе, продолжал джентльмен, — вы мне скажите: не приходится ли вам некий мальчик, Тимур Гараев, родственником?

— Да, приходится, — ответил старик. — Этот некий мальчик — мой племянник.

— Мне очень прискорбно, — откашливаясь и недоуменно косясь на торчавшую в земле саблю, начал джентльмен, — но ваш племянник сделал вчера утром попытку ограбить наш дом.

— Что?! — изумился старик. — Мой Тимур хотел ваш дом ограбить?

— Да, представьте! — заглядывая старику за спину и начиная волноваться, продолжал джентльмен. — Он сделал попытку во время моего сна похитить укрывавшее меня байковое одеяло.

— Кто? Тимур вас ограбил? Похитил байковое одеяло? — растерялся старик. И спрятанная у него за спиной рука с револьвером невольно опустилась.

Волнение овладело почтенным джентльменом, и, с достоинством пятясь к выходу, он заговорил:

— Я, конечно, не утверждал бы, но факты… факты! Милостивый государь! Я вас прошу, вы

ко мне не приближайтесь. Я, конечно, не знаю, чему приписать… Но ваш вид, ваше странное поведение…

— Послушайте, — шагая к джентльмену, произнес старик, — но все это, очевидно, недоразумение.

— Милостивый государь! — не спуская глаз с револьвера и не переставая пятиться, вскричал джентльмен. — Наш разговор принимает нежелательное и, я бы сказал, недостойное нашего возраста направление.

Он выскочил за калитку и быстро пошел прочь, повторяя:

— Нет, нет, нежелательное и недостойное направление…

Старик подошел к калитке как раз в ту минуту, когда шедшая купаться Ольга поравнялась с взволнованным джентльменом.

Тут вдруг старик замахал руками и закричал Ольге, чтобы она остановилась. Но джентльмен проворно, как козел, перепрыгнул через канаву, схватил Ольгу за руку, и оба они мгновенно скрылись за углом.

Тогда старик расхохотался. Возбужденный и обрадованный, бойко притопывая своей деревяшкой, он пропел:

А вы и не поймете
На быстром самолете,
Как вас ожидала я до утренней зари.
Да!

Он отстегнул ремень у колена, швырнул на траву деревянную ногу и, на ходу сдирая парик и бороду, помчался к дому.

Через десять минут молодой и веселый инженер Георгий Гараев сбежал с крыльца, вывел мотоцикл из сарая, крикнул собаке Рите, чтобы она караулила дом, нажал стартер и, вскочив в седло, помчался к реке разыскивать напуганную им Ольгу.

В одиннадцать часов Гейка и Коля Колокольчиков отправились за ответом на ультиматум.

— Ты иди ровно, — ворчал Гейка на Колю. — Ты шагай легко, твердо. А ты ходишь, как цыпленок за червяком скачет. И все у тебя, брат, хорошо — и штаны, и рубаха, и вся форма, а виду у тебя все равно нет. Ты, брат, не обижайся, я тебе дело говорю. Ну, вот скажи: зачем ты идешь и языком губы мусолишь? Ты запихай язык в рот, и пусть он там и лежит на своем месте... А ты зачем появился? — спросил Гейка, увидав выскочившего наперерез Симу Симакова.

— Меня Тимур послал для связи, — затараторил Симаков. — Так надо, и ты ничего не понимаешь. Вам свое, а у меня свое дело. Коля, дай-ка я дудану в трубу. Экий ты сегодня важный! Гейка, дурак! Идешь по делу — надел бы сапоги, ботинки. Разве послы босиком ходят? Ну ладно, вы туда, а я сюда. Гоп-гоп, до свиданья!

— Этакий балабон! — покачал головой Гейка. — Скажет сто слов, а можно бы четыре. Труби, Николай, вот и ограда.

— Подавай наверх Михаила Квакина! — приказал Гейка высунувшемуся сверху мальчишке.

— А заходите справа! — закричал из-за ограды Квакин. — Там для вас нарочно ворота открыты.

— Не ходи, — дергая за руку Гейку, прошептал Коля. — Они нас поймают и поколотят.

— Это все на двоих-то? — надменно спросил Гейка. — Труби, Николай, громче. Нашей команде везде дорога.

Они прошли через ржавую железную калитку и очутились перед группой ребят, впереди которых стояли Фигура и Квакин.

— Ответ на письмо давайте, — твердо сказал Гейка.

Квакин улыбался, Фигура хмурился.

— Давай поговорим, — предложил Квакин. —

Ну, сядь, посиди, куда торопишься?

— Ответ на письмо давайте, — холодно повторил Гейка. — А разговаривать с вами будем мы после.

И было странно, непонятно: играет ли он, шутит ли, этот прямой, коренастый мальчишка в матросской тельняшке, возле которого стоит маленький, уже побледневший трубач? Или, прищурив строгие серые глаза свои, босоногий, широкоплечий, он и на самом деле требует ответа, чувствуя за собою и право, и силу?

— На, возьми, — протягивая бумагу, сказал Квакин.

Гейка развернул лист. Там был грубо нарисован кукиш, под которым стояло ругательство.

Спокойно, не изменившись в лице, Гейка разорвал бумагу. В ту же минуту он и Коля крепко были схвачены за плечи и за руки.

Они не сопротивлялись.

— За такие ультиматумы надо бы вам набить шею, — подходя к Гейке, сказал Квакин. — Но… мы люди добрые. До ночи мы запрем вас вот сюда, — он показал на часовню, — а ночью мы обчистим сад под номером двадцать четыре наголо.

— Этого не будет, — ровно ответил Гейка.

— Нет, будет! — крикнул Фигура и ударил Гейку по щеке.

— Бей хоть сто раз, — зажмурившись и вновь открывая глаза, сказал Гейка. — Коля, — подбадривающе буркнул он, — ты не робей. Чую я, что будет сегодня у нас позывной сигнал по форме номер один общий.

Пленников втолкнули внутрь маленькой часовни с наглухо закрытыми железными ставнями. Обе двери за ними закрыли, задвинули засов и забили его деревянным клином.

— Ну что? — подходя к двери и прикладывая ко рту ладонь, закричал Фигура. — Как оно теперь: по-нашему или по-вашему выйдет?

И из-за двери глухо, едва слышно донеслось:

— Нет, бродяги, теперь по-вашему уже никогда и ничего не выйдет.

Фигура плюнул.

— У него брат — матрос, — хмуро объяснил бритоголовый Алешка. — Они с моим дядей на одном корабле служат.

— Ну, — угрожающе спросил Фигура, — а ты кто — капитан, что ли?

— У него руки схвачены, а ты его бьешь. Это хорошо ли?

— На и тебе тоже! — обозлился Фигура и ударил

Алешку наотмашь.

Тут оба мальчишки покатились на траву. Их тянули за руки, за ноги, разнимали…

И никто не посмотрел наверх, где в густой листве липы, что росла близ ограды, мелькнуло лицо Симы Симакова.

Винтом соскользнул он на землю. И напрямик, через чужие огороды, помчался к Тимуру, к своим на речку.

Прикрыв голову полотенцем, Ольга лежала на горячем песке пляжа и читала.

Женя купалась. Неожиданно кто-то обнял ее за плечи.

Она обернулась.

— Здравствуй, — сказала ей высокая темноглазая девочка. — Я приплыла от Тимура. Меня зовут Таней, и я тоже из его команды. Он жалеет, что тебе из-за него от сестры попало. У тебя сестра, наверное, очень злая?

— Пусть он не жалеет, — покраснев, пробормотала Женя. — Ольга совсем не злая, у нее такой характер. — И, всплеснув руками, Женя с отчаянием добавила: — Ну, сестра, сестра и сестра! Вот погодите, приедет папа…

Они вышли из воды и забрались на крутой берег, левей песчаного пляжа. Здесь они наткну-

лись на Нюрку.

— Девочка, ты меня узнала? — как всегда быстро и сквозь зубы, спросила она у Жени. — Да! Я тебя узнала сразу. А вон Тимур! — сбросив платье, показала она на усыпанный ребятами противоположный берег. — Я знаю, кто мне поймал козу, кто нам уложил дрова и кто дал моему братишке землянику. И тебя я тоже знаю, — обернулась она к Тане. — Ты один раз сидела на грядке и плакала. А ты не плачь. Что толку?.. Гей! Сиди, чертовка, или я тебя сброшу в реку! — закричала она на привязанную к кустам козу. — Девочки, давайте в воду прыгнем!

Женя и Таня переглянулись. Очень уж она была смешная, эта маленькая, загорелая, похожая на цыганку Нюрка.

Взявшись за руки, они подошли к самому краю обрыва, под которым плескалась ясная голубая вода.

— Ну, прыгнули?

— Прыгнули!

И они разом бросились в воду.

Но не успели девчонки вынырнуть, как вслед за ними бултыхнулся кто-то четвертый.

Это, как он был — в сандалиях, трусах и майке, — Сима Симаков с разбегу кинулся в реку. И,

отряхивая слипшиеся волосы, отплевываясь и отфыркиваясь, длинными саженками он поплыл на другой берег.

— Беда, Женя! Беда! — прокричал он обернувшись. — Гейка и Коля попали в засаду!

...Читая книгу, Ольга поднималась в гору. И там, где крутая тропка пересекала дорогу, ее встретил стоявший возле мотоцикла Георгий. Они поздоровались.

— Я ехал, — объяснил ей Георгий, — смотрю, вы идете. Дай, думаю, подожду и подвезу, если по дороге.

— Неправда! — не поверила Ольга. — Вы стояли и ожидали меня нарочно.

— Ну, верно, — согласился Георгий. — Хотел соврать, да не вышло. Я должен перед вами извиниться за то, что напугал вас утром. А ведь хромой старик у калитки — это был я. Это я в гриме готовился к репетиции. Садитесь, я подвезу вас на машине.

Ольга отрицательно качнула головой.

Он положил ей букет на книгу.

Букет был хорош. Ольга покраснела, растерялась и... бросила его на дорогу.

Этого Георгий не ожидал.

— Послушайте! — огорченно сказал он. — Вы

хорошо играете, поете, глаза у вас прямые, светлые. Я вас ничем не обидел. Но мне думается, что так, как вы, не поступают люди… даже самой железобетонной специальности.

— Цветов не надо! — сама испугавшись своего поступка, виновато ответила Ольга. — Я… и так, без цветов, с вами поеду.

Она села на кожаную подушку, и мотоцикл полетел вдоль дороги.

Дорога раздваивалась, но, минуя ту, что сворачивала к поселку, мотоцикл вырвался в поле.

— Вы не туда повернули, — крикнула Ольга, — нам надо направо!

— Здесь дорога лучше, — отвечал Георгий, — здесь дорога веселая.

Опять поворот, и они промчались через шумливую тенистую рощу. Выскочила из стада и затявкала, пытаясь догнать их, собака. Но нет! Куда там! Далеко.

Как тяжелый снаряд, прогудела встречная грузовая машина. И когда Георгий и Ольга вырвались из поднятых клубов пыли, то под горой увидали дым, трубы, башни, стекло и железо какого-то незнакомого города.

— Это наш завод! — прокричал Ольге Георгий. — Три года тому назад я сюда ездил собирать

грибы и землянику.

Почти не уменьшая хода, машина круто развернулась.

— Прямо! — предостерегающе кричала Ольга. — Давайте только прямо домой.

Вдруг мотор заглох, и они остановились.

— Подождите, — соскакивая, сказал Георгий, — маленькая авария.

Он положил машину на траву под березой, достал из сумки ключ и принялся что-то подвертывать и подтягивать.

— Вы кого в вашей опере играете? — присаживаясь на траву, спросила Ольга. — Почему у вас грим такой суровый и страшный?

— Я играю старика инвалида, — не переставая возиться у мотоцикла, ответил Георгий. — Он бывший партизан, и он немного… не в себе. Он живет близ границы, и ему все кажется, что враги нас перехитрят и обманут. Он стар, но он осторожен. Красноармейцы же молодые — смеются, после караула в волейбол играют. Девчонки там у них разные… Катюши!

Георгий нахмурился и тихо запел:

За тучами опять померкнула луна.
Я третью ночь не сплю в глухом до-

зоре.

Ползут в тиши враги. Не спи, моя страна!

Я стар. Я слаб. О, горе мне… о, горе!

Тут Георгий переменил голос и, подражая хору, пропел:

Старик, спокойно… спокойно!

— Что значит «спокойно»? — утирая платком запыленные губы, спросила Ольга.

— А это значит, — продолжая стучать ключом по втулке, объяснял Георгий, — это значит, что спи спокойно, старый дурак! Давно уже все бойцы и командиры стоят на своем месте… Оля, ваша сестренка о моей с ней встрече вам говорила?

— Говорила, я ее выругала.

— Напрасно. Очень забавная девочка. Я ей говорю «а», она мне «бэ»!

— С этой забавной девочкой хлебнешь горя, — снова повторила Ольга. — К ней привязался какой-то мальчишка, зовут Тимур. Он из компании хулигана Квакина. И никак я его от нашего дома не могу отвадить.

— Тимур!.. Гм… — Георгий смущенно кашлянул. — Разве он из компании? Он, кажется, не того… не очень… Ну ладно! Вы не беспокой-

тесь... Я его от вашего дома отважу. Оля, почему вы не учитесь в консерватории? Подумаешь — инженер! Я и сам инженер, а что толку?

— Разве вы плохой инженер?

— Зачем плохой? — подвигаясь к Ольге и начиная теперь стучать по втулке переднего колеса, ответил Георгий. — Совсем не плохой, но вы очень хорошо играете и поете.

— Послушайте, Георгий, — смущенно отодвигаясь, сказала Ольга. — Я не знаю, какой вы инженер, но... чините вы машину как-то очень странно.

И Ольга помахала рукой, показывая, как он постукивает ключом то по втулке, то по ободу.

— Ничего не странно. Все делается так, как надо. — Он вскочил и стукнул ключом по раме. — Ну, вот и готово! Оля, ваш отец командир?

— Да.

— Это хорошо. Я и сам командир тоже.

— Кто вас разберет! — пожала плечами Ольга. — То вы инженер, то вы актер, то командир. Может быть, к тому же вы еще и летчик?

— Нет, — усмехнулся Георгий. — Летчики глушат бомбами по головам сверху, а мы с земли через железо и бетон бьем прямо в сердце.

И опять перед ними замелькали, роясь, поля,

рощи, речки. Наконец вот и дача.

На треск мотоцикла с террасы выскочила Женя. Увидав Георгия, она смутилась, но когда он умчался, то, глядя ему вслед, Женя подошла к Ольге, обняла ее и с завистью сказала:

— Ох, какая ты сегодня счастливая!

Условившись встретиться неподалеку от сада дома № 24, мальчишки из-за ограды разбежались.

Задержался только один Фигура. Его злило и удивляло молчание внутри часовни. Пленники не кричали, не стучали и на вопросы и окрики Фигуры не отзывались.

Тогда Фигура пустился на хитрость. Открыв наружную дверь, он вошел в каменный простенок и замер, как будто бы его здесь не было.

И так, приложив к замку ухо, он стоял до тех пор, пока наружная железная дверь не захлопнулась с таким грохотом, как будто бы по ней ударили бревном.

— Эй, кто там? — бросаясь к двери, рассердился Фигура. — Эй, не балуй, а то дам по шее!

Но ему не отвечали. Снаружи послышались чужие голоса. Заскрипели петли ставен. Кто-то через решетку окна переговаривался с пленниками.

Затем внутри часовни раздался смех. И от этого смеха Фигуре стало плохо.

Наконец наружная дверь распахнулась. Перед Фигурой стояли Тимур, Симаков и Ладыгин.

— Открой второй засов! — не двигаясь, приказал Тимур. — Открой сам, или будет хуже!

Нехотя Фигура отодвинул засов. Из часовни вышли Коля и Гейка.

— Лезь на их место! — приказал Тимур. — Лезь, гадина, быстро! — сжимая кулаки, крикнул он. — Мне с тобой разговаривать некогда!

Захлопнули за Фигурой обе двери. Наложили на петлю тяжелую перекладину и повесили замок. Потом Тимур взял лист бумаги и синим карандашом коряво написал:

«Квакин, караулить не надо. Я их запер, ключ у меня. Я приду прямо на место, к саду, вечером».

Затем все скрылись. Через пять минут за ограду зашел Квакин. Он прочел записку, потрогал замок, ухмыльнулся и пошел к калитке, в то время как запертый Фигура отчаянно колотил кулаками и пятками по железной двери.

От калитки Квакин обернулся и равнодушно пробормотал:

— Стучи, Гейка, стучи! Нет, брат, ты еще до вечера настучишься.

Дальше события развертывались так.

Перед заходом солнца Тимур и Симаков сбегали на рыночную площадь. Там, где в беспорядке выстроились ларьки — квас, воды, овощи, табак, бакалея, мороженое, — у самого края торчала неуклюжая пустая будка, в которой по базарным дням работали сапожники.

В будке этой Тимур и Симаков пробыли недолго.

В сумерки на чердаке сарая заработало штурвальное колесо. Один за одним натягивались крепкие веревочные провода, передавая туда, куда надо, и те, что надо, сигналы.

Подходили подкрепления. Собрались мальчишки, их было уже много — двадцать — тридцать. А через дыры заборов тихо и бесшумно проскальзывали все новые и новые люди.

Таню и Нюрку отослали обратно. Женя сидела дома. Она должна была задерживать и не пускать в сад Ольгу.

На чердаке у колеса стоял Тимур.

— Повтори сигнал по шестому проводу, — озабоченно попросил просунувшийся в окно Симаков. — Там что-то не отвечают.

Двое мальчуганов чертили по фанере какой-то плакат. Подошло звено Ладыгина.

Наконец пришли разведчики. Шайка Квакина собиралась на пустыре близ сада дома № 24.

— Пора, — сказал Тимур. — Всем приготовиться!

Он выпустил из рук колесо, взялся за веревку.

И над старым сараем под неровным светом бегущей меж облаков луны медленно поднялся и заколыхался флаг команды — сигнал к бою.

…Вдоль забора дома № 24 продвигалась цепочка из десятка мальчишек. Остановившись в тени, Квакин сказал:

— Все на месте, а Фигуры нет.

— Он хитрый, — ответил кто-то. — Он, наверное, уже в саду. Он всегда вперед лезет.

Квакин отодвинул две заранее снятые с гвоздей доски и пролез через дыру. За ним полезли и остальные. На улице у дыры остался один часовой — Алешка.

Из поросшей крапивой и бурьяном канавы по другой стороне улицы выглянуло пять голов. Четыре из них сразу же спрятались. Пятая — Коли Колокольчикова — задержалась, но чья-то ладонь хлопнула ее по макушке, и голова исчезла.

Часовой Алешка оглянулся. Все было тихо, и он просунул голову в отверстие — послушать, что делается внутри сада.

От канавы отделилось трое. И в следующее мгновение часовой почувствовал, как крепкая сила рванула его за ноги, за руки. И, не успев крикнуть, он отлетел от забора.

— Гейка, — пробормотал он, поднимая лицо, — ты откуда?

— Оттуда, — прошипел Гейка. — Смотри молчи! А то я не посмотрю, что ты за меня заступался.

— Хорошо, — согласился Алешка, — я молчу. — И неожиданно он пронзительно свистнул.

Но тотчас же рот его был зажат широкой ладонью Гейки. Чьи-то руки подхватили его за плечи, за ноги и уволокли прочь.

Свист в саду услыхали. Квакин обернулся. Свист больше не повторился. Квакин внимательно оглядывался по сторонам. Теперь ему показалось, что кусты в углу сада шевельнулись.

— Фигура! — негромко окликнул Квакин. — Это ты там, дурак, прячешься?

— Мишка! Огонь! — крикнул вдруг кто-то. — Это идут хозяева!

Но это были не хозяева.

Позади, в гуще листвы, вспыхнуло не меньше десятка электрических фонарей. И, слепя глаза, они стремительно надвигались на растерявшихся налетчиков.

— Бей, не отступай! — выхватывая из кармана яблоко и швыряя по огням, крикнул Квакин. — Рви фонари с руками! Это идет он… Тимка!

— Там Тимка, а здесь Симка! — гаркнул, вырываясь из-за куста, Симаков.

И еще десяток мальчишек рванулись с тылу и с фланга.

— Эге! — заорал Квакин. — Да у них сила! За забор вылетай, ребята!

Попавшая в засаду шайка в панике метнулась к забору.

Толкаясь, сшибаясь лбами, мальчишки выскакивали на улицу и попадали прямо в руки Ладыгина и Гейки.

Луна совсем спряталась за тучи. Слышны были только голоса:

— Пусти!

— Оставь!

— Не лезь! Не тронь!

— Всем тише! — раздался в темноте голос Тимура. — Пленных не бить! Где Гейка?

— Здесь Гейка!

— Веди всех на место.

— А если кто не пойдет?

— Хватайте за руки, за ноги и тащите с почетом, как икону Богородицы.

— Пустите, черти! — раздался чей-то плачущий голос.

— Кто кричит? — гневно спросил Тимур. — Хулиганить мастера, а отвечать боитесь! Гейка, давай команду, двигай!

Пленников подвели к пустой будке на краю базарной площади. Тут их одного за другим протолкнули за дверь.

— Михаила Квакина ко мне, — попросил Тимур.

Подвели Квакина.

— Готово? — спросил Тимур.

— Все готово.

Последнего пленника втолкнули в будку, задвинули засов и просунули в пробой тяжелый замок.

— Ступай, — сказал тогда Тимур Квакину. — Ты смешон. Ты никому не страшен и не нужен.

Ожидая, что его будут бить, ничего не понимая, Квакин стоял, опустив голову.

— Ступай, — повторил Тимур. — Возьми вот этот ключ и отопри часовню, где сидит твой друг Фигура.

Квакин не уходил.

— Отопри ребят, — хмуро попросил он. — Или посади меня вместе с ними.

— Нет, — отказался Тимур, — теперь все кончено. Ни им с тобою, ни тебе с ними больше делать нечего.

Под свист, шум и улюлюканье, спрятав голову в плечи, Квакин медленно пошел прочь. Отойдя десяток шагов, он остановился и выпрямился.

— Бить буду! — злобно закричал он, оборачиваясь к Тимуру. — Бить буду тебя одного. Один на один, до смерти! — И, отпрыгнув, он скрылся в темноте.

— Ладыгин и твоя пятерка, вы свободны, — сказал Тимур. — У тебя что?

— Дом номер двадцать два, перекатать бревна, по Большой Васильковской.

— Хорошо. Работайте!

Рядом на станции заревел гудок. Прибыл дачный поезд. С него сходили пассажиры, и Тимур заторопился.

— Симаков и твоя пятерка, у тебя что?

— Дом номер тридцать восемь по Малой Петраковской. — Он рассмеялся и добавил: — Наше дело, как всегда: ведра, кадка да вода… Гоп! Гоп! До свиданья!

— Хорошо, работайте! Ну, а теперь… сюда идут люди. Остальные все по домам… Разом!

Гром и стук раздался по площади. Шарахну-

лись и остановились идущие с поезда прохожие. Стук и вой повторился. Загорелись огни в окнах соседних дач. Кто-то включил свет над ларьком, и столпившиеся люди увидели над палаткой такой плакат:

ПРОХОЖИЕ, НЕ ЖАЛЕЙ!

Здесь сидят люди, которые трусливо по ночам обирают сады мирных жителей.

Ключ от замка висит позади этого плаката, и тот, кто отопрет этих арестантов, пусть сначала посмотрит, нет ли среди них его близких или знакомых.

Поздняя ночь. И черно-красной звезды на воротах не видно. Но она тут.

Сад того дома, где живет маленькая девочка. С ветвистого дерева спустились веревки. Вслед за ними по шершавому стволу соскользнул мальчик. Он кладет доску, садится и пробует, прочны ли они, эти новые качели. Толстый сук чуть поскрипывает, листва шуршит и вздрагивает. Вспорхнула и пискнула потревоженная птица. Уже поздно. Спит давно Ольга, спит Женя. Спят и его товарищи: веселый Симаков, молчаливый Ладыгин, смешной Коля. Ворочается, конечно,

и бормочет во сне храбрый Гейка.

Часы на каланче отбивают четверти: «Был день — было дело! Дин-дон… раз, два!..»

Да, уже поздно.

Мальчуган встает, шарит по траве руками и поднимает тяжелый букет полевых цветов. Эти цветы рвала Женя.

Осторожно, чтобы не разбудить и не испугать спящих, он всходит на озаренное луною крыльцо и бережно кладет букет на верхнюю ступеньку. Это — Тимур.

Было утро выходного дня. В честь годовщины победы красных под Хасаном комсомольцы поселка устроили в парке большой карнавал — концерт и гулянье.

Девчонки убежали в рощу еще спозаранку. Ольга торопливо доканчивала гладить блузку. Перебирая платья, она тряхнула Женин сарафан, из его кармана выпала бумажка.

Ольга подняла и прочла:

«Девочка, никого дома не бойся. Все в порядке, и никто от меня ничего не узнает. Тимур».

«Чего не узнает? Почему не бойся? Что за тайна у этой скрытной и лукавой девчонки? Нет! Этому надо положить конец. Папа уезжал, и он велел… Надо действовать решительно и быстро».

В окно постучал Георгий.

— Оля, — сказал он, — выручайте! Ко мне пришла делегация. Просят что-нибудь спеть с эстрады. Сегодня такой день — отказать было нельзя. Давайте аккомпанируйте мне на аккордеоне.

— Да… Но это вам может сделать пианистка! — удивилась Ольга. — Зачем же на аккордеоне?

— Оля, я с пианисткой не хочу. Хочу с вами! У нас получится хорошо. Можно я к вам через окно прыгну? Оставьте утюг и выньте инструмент. Ну вот, я его вам сам вынул. Вам только остается нажимать на лады пальцами, а я петь буду.

— Послушайте, Георгий, — обиженно сказала Ольга, — в конце концов вы могли не лезть в окно, когда есть двери…

В парке было шумно. Вереницей подъезжали машины с отдыхающими. Тащились грузовики с бутербродами, с булками, бутылками, колбасой, конфетами, пряниками.

Стройно подходили голубые отряды ручных и колесных мороженщиков.

На полянах разноголосо вопили патефоны, вокруг которых раскинулись приезжие и местные дачники с питьем и снедью.

Играла музыка.

У ворот ограды эстрадного театра стоял дежур-

ный старичок и бранил монтера, который хотел пройти через калитку вместе со своими ключами, ремнями и железными «кошками».

— С инструментами, дорогой, сюда не пропускаем. Сегодня праздник. Ты сначала сходи домой, умойся и оденься.

— Так ведь, папаша, здесь же без билета, бесплатно!

— Все равно нельзя. Здесь пение. Ты бы еще с собой телеграфный столб приволок. И ты, гражданин, обойди тоже, — остановил он другого человека. — Здесь люди поют… музыка. А у тебя бутылка торчит из кармана.

— Но, дорогой папаша, — заикаясь, пытался возразить человек, — мне нужно… я сам тенор.

— Проходи, проходи, тенор, — показывая на монтера, отвечал старик. — Вон бас не возражает. И ты, тенор, не возражай тоже.

Женя, которой мальчишки сказали, что Ольга с аккордеоном прошла на сцену, нетерпеливо ерзала на скамье.

Наконец вышли Георгий и Ольга. Жене стало страшно: ей показалось, что над Ольгой сейчас начнут смеяться.

Но никто не смеялся.

Георгий и Ольга стояли на подмостках, такие

простые, молодые и веселые, что Жене захотелось обнять их обоих.

Но вот Ольга накинула ремень на плечо.

Глубокая морщина перерезала лоб Георгия, он ссутулился, наклонил голову. Теперь это был старик, и низким звучным голосом он запел:

Я третью ночь не сплю Мне чудится все то же

Движенье тайное в угрюмой тишине.

Винтовка руку жжет. Тревога сердце гложет,

Как двадцать лет назад ночами на войне.

Но если и сейчас я встречуся с тобою,

Наемных армий вражеский солдат,

То я, седой старик, готовый встану к бою,

Спокоен и суров, как двадцать лет назад.

— Ах, как хорошо! И как этого хромого смелого старика жалко! Молодец, молодец… — бормотала Женя. — Так, так. Играй, Оля! Жаль только, что не слышит тебя наш папа.

После концерта, дружно взявшись за руки,

Георгий и Ольга шли по аллее.

— Все так, — говорила Ольга. — Но я не знаю, куда пропала Женя.

— Она стояла на скамье, — ответил Георгий, — и кричала: «Браво, браво!» Потом к ней подошел... — тут Георгий запнулся, — какой-то мальчик, и они исчезли.

— Какой мальчик? — встревожилась Ольга. — Георгий, вы старше, скажите, что мне с ней делать? Смотрите! Утром я у нее нашла вот эту бумажку!

Георгий прочел записку. Теперь он и сам задумался и нахмурился.

— Не бойся — это значит не слушайся. Ох, и попадись мне этот мальчишка под руку, то-то бы я с ним поговорила!

Ольга спрятала записку. Некоторое время они молчали. Но музыка играла очень весело, кругом смеялись, и, опять взявшись за руки, они пошли по аллее.

Вдруг на перекрестке в упор они столкнулись с другой парой, которая, так же дружно держась за руки, шла им навстречу. Это были Тимур и Женя.

Растерявшись, обе пары вежливо на ходу раскланялись.

— Вот он! — дергая Георгия за руку, с отчаянием сказала Ольга. — Это и есть тот самый мальчишка.

— Да, — смутился Георгий, — а главное, что это и есть Тимур — мой отчаянный племянник.

— И ты… вы знали! — рассердилась Ольга. — И вы мне ничего не говорили!

Откинув его руку, она побежала по аллее. Но ни Тимура, ни Жени уже видно не было. Она свернула на узкую кривую тропку, и только тут она наткнулась на Тимура, который стоял перед Фигурой и Квакиным.

— Послушай, — подходя к нему вплотную, сказала Ольга. — Мало вам того, что вы облазили и обломали все сады, даже у старух, даже у осиротевшей девчурки; мало тебе того, что от вас бегут даже собаки, — ты портишь и настраиваешь против меня сестренку. У тебя на шее пионерский галстук, но ты просто… негодяй.

Тимур был бледен.

— Это неправда, — сказал он. — Вы ничего не знаете.

Ольга махнула рукой и побежала разыскивать Женю.

Тимур стоял и молчал.

Молчали озадаченные Фигура и Квакин.

— Ну что, комиссар? — спросил Квакин. — Вот и тебе, я вижу, бывает невесело?

— Да, атаман, — медленно поднимая глаза, ответил Тимур. — Мне сейчас тяжело, мне невесело. И лучше бы вы меня поймали, исколотили, избили, чем мне из-за вас слушать… вот это.

— Чего же ты молчал? — усмехнулся Квакин. — Ты бы сказал: это, мол, не я. Это они. Мы тут стояли, рядом.

— Да! Ты бы сказал, а мы бы тебе за это наподдали, — вставил обрадованный Фигура.

Но совсем не ожидавший такой поддержки Квакин молча и холодно посмотрел на своего товарища. А Тимур, трогая рукой стволы деревьев, медленно пошел прочь.

— Гордый, — тихо сказал Квакин. — Хочет плакать, а молчит.

— Давай-ка сунем ему по разу, вот и заплачет, — сказал Фигура и запустил вдогонку Тимуру еловой шишкой.

— Он… гордый, — хрипло повторил Квакин, — а ты… ты — сволочь! — И, развернувшись, он ляпнул Фигуре кулаком по лбу.

Фигура опешил, потом взвыл и кинулся бежать. Дважды нагоняя его, давал ему Квакин тычка в спину.

Наконец Квакин остановился, поднял оброненную фуражку; отряхивая, ударил ее о колено, подошел к мороженщику, взял порцию, прислонился к дереву и, тяжело дыша, жадно стал глотать мороженое большими кусками.

На поляне возле стрелкового тира Тимур нашел Гейку и Симу.

— Тимур! — предупредил его Сима. — Тебя ищет (он, кажется, очень сердит) твой дядя.

— Да, иду, я знаю.

— Ты сюда вернешься?

— Не знаю.

— Тима! — неожиданно мягко сказал Гейка и взял товарища за руку. — Что это? Ведь мы же ничего плохого никому не сделали. А ты знаешь, если человек прав…

— Да, знаю… то он не боится ничего на свете. Но ему все равно больно.

Тимур ушел.

К Ольге, которая несла домой аккордеон, подошла Женя.

— Оля!

— Уйди! — не глядя на сестру, ответила Ольга. — Я с тобой больше не разговариваю. Я сейчас уезжаю в Москву, и ты без меня можешь гулять с кем хочешь, хоть до рассвета.

— Но, Оля…

— Я с тобой не разговариваю. Послезавтра мы переедем в Москву. А там подождем папу.

— Да! Папа, а не ты — он все узнает! — в гневе и слезах крикнула Женя и помчалась разыскивать Тимура.

Она разыскала Гейку, Симакова и спросила, где Тимур.

— Его позвали домой, — сказал Гейка. — На него за что-то из-за тебя очень сердит дядя.

В бешенстве топнула Женя ногой и, сжимая кулаки, вскричала:

— Вот так… ни за что… и пропадают люди!

Она обняла ствол березы, но тут к ней подскочили Таня и Нюрка.

— Женька! — закричала Таня. — Что с тобой? Женя, бежим! Там пришел баянист, там начались танцы — пляшут девчонки.

Они схватили ее, затормошили и подтащили к кругу, внутри которого мелькали яркие, как цветы, платья, блузки и сарафаны.

— Женя, плакать не надо! — так же, как всегда, быстро и сквозь зубы сказала Нюрка. — Меня когда бабка колотит, и то я не плачу! Девочки, давайте лучше в круг!.. Прыгнули!

— «Пр-рыгнули»! — передразнила Нюрку Же-

ня.

И, прорвавшись через цепь, они закружились, завертелись в отчаянно веселом танце.

Когда Тимур вернулся домой, его подозвал дядя.

— Мне надоели твои ночные похождения, — говорил Георгий. — Надоели сигналы, звонки, веревки. Что это была за странная история с одеялом?

— Это была ошибка.

— Хороша ошибка! К этой девочке ты больше не лезь: тебя ее сестра не любит.

— За что?

— Не знаю. Значит, заслужил. Что это у тебя за записки? Что это за странные встречи в саду на рассвете? Ольга говорит, что ты учишь девочку хулиганству.

— Она лжет, — возмутился Тимур, — а еще комсомолка! Если ей что непонятно, она могла бы позвать меня, спросить. И я бы ей на все ответил.

— Хорошо. Но, пока ты ей еще ничего не ответил, я запрещаю тебе подходить к их даче, и вообще, если ты будешь самовольничать, то я тебя тотчас же отправлю домой к матери.

Он хотел уходить.

— Дядя, — остановил его Тимур, — а когда вы

были мальчишкой, что вы делали? Как играли?

— Мы?.. Мы бегали, скакали, лазили по крышам, бывало, что и дрались. Но наши игры были просты и всем понятны.

Чтобы проучить Женю, к вечеру, так и не сказав сестренке ни слова, Ольга уехала в Москву.

В Москве никакого дела у нее не было. И поэтому, не заезжая к себе, она отправилась к подруге, просидела у нее дотемна и только часам к десяти пришла на свою квартиру. Она открыла дверь, зажгла свет и тут же вздрогнула: к двери в квартиру была пришпилена телеграмма. Ольга сорвала телеграмму и прочла ее. Телеграмма была от папы.

К вечеру, когда уже разъезжались из парка грузовики, Женя и Таня забежали на дачу. Затевалась игра в волейбол, и Женя должна была сменить туфли на тапки.

Она завязывала шнурок, когда в комнату вошла женщина — мать белокурой девчурки. Девочка лежала у нее на руках и дремала.

Узнав, что Ольги нет дома, женщина опечалилась.

— Я хотела оставить у вас дочку, — сказала она. — Я не знала, что нет сестры… Поезд

приходит сегодня ночью, и мне надо в Москву — встретить маму.

— Оставьте ее, — сказала Женя. — Что же Ольга... А я не человек, что ли? Кладите ее на мою кровать, а я на другой лягу.

— Она спит спокойно и теперь проснется только утром, — обрадовалась мать. — К ней только изредка нужно подходить и поправлять под ее головой подушку.

Девчурку раздели, уложили. Мать ушла. Женя отдернула занавеску, чтобы видна была через окно кроватка, захлопнула дверь террасы, и они с Таней убежали играть в волейбол, условившись после каждой игры прибегать по очереди и смотреть, как спит девочка.

Только что они убежали, как на крыльцо вошел почтальон. Он стучал долго, а так как ему не откликались, то он вернулся к калитке и спросил у соседа, не уехали ли хозяева в город.

— Нет, — отвечал сосед, — девчонку я сейчас тут видел. Давай я приму телеграмму.

Сосед расписался, сунул телеграмму в карман, сел на скамью и закурил трубку. Он ожидал Женю долго.

Прошло часа полтора. Опять к соседу подошел почтальон.

— Вот, — сказал он. — И что за пожар, спешка? Прими, друг, и вторую телеграмму.

Сосед расписался. Было уже совсем темно. Он прошел через калитку, поднялся по ступенькам террасы и заглянул в окно. Маленькая девочка спала. Возле ее головы на подушке лежал рыжий котенок. Значит, хозяева были где-то около дома. Сосед открыл форточку и опустил через нее обе телеграммы. Они аккуратно легли на подоконник, и вернувшаяся Женя должна была бы заметить их сразу.

Но Женя их не заметила. Придя домой, при свете луны она поправила сползшую с подушки девчурку, турнула котенка, разделась и легла спать.

Она лежала долго, раздумывая о том: вот она какая бывает, жизнь! И она не виновата, и Ольга как будто бы тоже. А вот впервые они с Ольгой всерьез поссорились.

Было очень обидно. Спать не спалось, и Жене захотелось булки с вареньем. Она спрыгнула, подошла к шкафу, включила свет и тут увидела на подоконнике телеграммы.

Ей стало страшно. Дрожащими руками она оборвала заклейку и прочла.

В первой было:

«Буду сегодня проездом от двенадцати ночи до трех утра тчк Ждите на городской квартире папа».

Во второй:

«Приезжай немедленно ночью папа будет в городе Ольга».

С ужасом глянула на часы. Было без четверти двенадцать. Накинув платье и схватив сонного ребенка, Женя, как полоумная, бросилась к крыльцу. Одумалась. Положила ребенка на кровать. Выскочила на улицу и помчалась к дому старухи молочницы. Она грохала в дверь кулаком и ногой до тех пор, пока не показалась в окне голова соседки.

— Чего стучишь? — сонным голосом спросила она. — Чего озоруешь?

— Я не озорую, — умоляюще заговорила Женя. — Мне нужно молочницу, тетю Машу. Я хотела ей оставить ребенка.

— И что городишь? — захлопывая окно, ответила соседка. — Хозяйка еще с утра уехала в деревню гостить к брату.

Со стороны вокзала донесся гудок приближающегося поезда. Женя выбежала на улицу и столкнулась с седым джентльменом, доктором.

— Простите! — пробормотала она. — Вы не зна-

ете, какой это гудит поезд?

Джентльмен вынул часы.

— Двадцать три пятьдесят пять, — ответил он. — Это сегодня на Москву последний.

— Как — последний? — глотая слезы, прошептала Женя. — А когда следующий?

— Следующий пойдет утром, в три сорок. Девочка, что с тобой? — хватая за плечо покачнувшуюся Женю, участливо спросил старик. — Ты плачешь? Может быть, я тебе чем-нибудь смогу помочь?

— Ах нет! — сдерживая рыдания и убегая, ответила Женя. — Теперь уже мне не может помочь никто на свете.

Дома уткнулась головой в подушку, но тотчас же вскочила и гневно посмотрела на спящую девчурку. Опомнилась, одернула одеяло, столкнула с подушки рыжего котенка.

Она зажгла свет на террасе, в кухне, в комнате, села на диван и покачала головой. Так сидела она долго и, кажется, ни о чем не думала. Нечаянно она задела валявшийся тут же аккордеон. Машинально подняла его и стала перебирать клавиши. Зазвучала мелодия, торжественная и печальная. Женя грубо оборвала игру и подошла к окну. Плечи ее вздрагивали.

Нет! Оставаться одной и терпеть такую муку сил у нее больше нет. Она зажгла свечку и, спотыкаясь, через сад пошла к сараю.

Вот и чердак. Веревка, карта, мешки, флаги. Она зажгла фонарь, подошла к штурвальному колесу, нашла нужный ей провод, зацепила его за крюк и резко повернула колесо.

...Тимур спал, когда Рита тронула его за плечо лапой. Толчка он не почувствовал. И, схватив зубами одеяло, Рита стащила его на пол.

Тимур вскочил.

— Ты что? — спросил он, не понимая. — Что-нибудь случилось?

Собака смотрела ему в глаза, шевелила хвостом, мотала мордой. Тут Тимур услыхал звон бронзового колокольчика.

Недоумевая, кому он мог понадобиться глухой ночью, он вышел на террасу и взял трубку телефона.

— Да, я, Тимур, у аппарата. Это кто? Это ты... Ты, Женя?

Сначала Тимур слушал спокойно. Но вот губы его зашевелились, по липу пошли красноватые пятна. Он задышал часто и отрывисто.

— И только на три часа? — волнуясь, спросил он. — Женя, ты плачешь? Я слышу... Ты плачешь.

Не смей! Не надо! Я приду скоро…

Он повесил трубку и схватил с полки расписание поездов.

— Да, вот он, последний, в двадцать три пятьдесят пять. Следующий пойдет только в три сорок. — Он стоит и кусает губы. — Поздно! Неужели ничего нельзя сделать? Нет! Поздно!

Но красная звезда днем и ночью горит над воротами Жениного дома. Он зажег ее сам, своей рукой, и ее лучи, прямые, острые, блестят и мерцают перед его глазами.

Дочь командира в беде! Дочь командира нечаянно попала в засаду.

Он быстро оделся, выскочил на улицу, и через несколько минут он уже стоял перед крыльцом дачи седого джентльмена. В кабинете доктора еще горел свет. Тимур постучался. Ему открыли.

— Ты к кому? — сухо и удивленно спросил его джентльмен.

— К вам, — ответил Тимур.

— Ко мне? — Джентльмен подумал, потом широким жестом распахнул дверь и сказал: — Тогда… прошу пожаловать!..

Они говорили недолго.

— Вот и все, что мы делаем, — поблескивая глазами, закончил свой рассказ Тимур. — Вот

и все, что мы делаем, как играем, и вот зачем мне нужен сейчас ваш Коля.

Молча старик встал. Резким движением он взял Тимура за подбородок, поднял его голову, заглянул ему в глаза и вышел.

Он прошел в комнату, где спал Коля, и подергал его за плечо.

— Вставай, — сказал он, — тебя зовут.

— Но я ничего не знаю, — испуганно тараща глаза, заговорил Коля. — Я, дедушка, право, ничего не знаю.

— Вставай, — сухо повторил ему джентльмен. — За тобой пришел твой товарищ.

…На чердаке на охапке соломы, охватив колени руками, сидела Женя. Она ждала Тимура. Но вместо него в отверстие окна просунулась взъерошенная голова Коли Колокольчикова.

— Это ты? — удивилась Женя. — Что тебе надо?

— Я не знаю, — тихо и испуганно отвечал Коля. — Я спал. Он пришел. Я встал. Он послал. Он велел, чтобы мы с тобой спустились вниз, к калитке.

— Зачем?

— Я не знаю. У меня у самого в голове какой-то стук, гудение. Я, Женя, и сам ничего не понимаю.

…Спрашивать позволения было не у кого. Дядя

ночевал в Москве. Тимур зажег фонарь, взял топор, крикнул собаку Риту и вышел в сад. Он остановился перед закрытой дверью сарая. Он перевел взгляд с топора на замок. Да! Он знал — так делать было нельзя, но другого выхода не было. Сильным ударом он сшиб замок и вывел мотоцикл из сарая.

— Рита! — горько сказал он, становясь на колено и целуя собаку в морду. — Ты не сердись! Я не мог поступить иначе.

...Женя и Коля стояли у калитки. Издалека показался быстро приближающийся огонь. Огонь летел прямо на них, послышался треск мотора. Ослепленные, они зажмурились, попятились к забору, как вдруг огонь погас, мотор заглох и перед ними очутился Тимур.

— Коля, — сказал он, не здороваясь и ничего не спрашивая, — ты останешься здесь и будешь охранять спящую девчонку. Ты отвечаешь за нее перед всей нашей командой. Женя, садись. Вперед! В Москву!

Женя вскрикнула, что было у нее силы обняла Тимура и поцеловала.

— Садись, Женя, садись! — стараясь казаться суровым, кричал Тимур. — Держись крепче! Ну, вперед! Вперед, двигаем!

Мотор затрещал, гудок рявкнул, и вскоре красный огонек скрылся из глаз растерявшегося Коли.

Он постоял, поднял палку и, держа ее наперевес, как ружье, обошел вокруг ярко освещенной дачи.

— Да, — важно шагая, бормотал он. — Эх, и тяжела ты, солдатская служба! Нет тебе покоя днем, нет и ночью!

...Время подходило к трем ночи. Полковник Александров сидел у стола, на котором стоял остывший чайник и лежали обрезки колбасы, сыра и булки.

— Через полчаса я уеду, — сказал он Ольге. — Жаль, что так и не пришлось мне повидать Женьку. Оля, ты плачешь?

— Я не знаю, почему она не приехала. Мне ее так жалко, она тебя так ждала. Теперь она совсем сойдет с ума. А она и так сумасшедшая.

— Оля, — вставая, сказал отец, — я не знаю, я не верю, чтобы Женька могла попасть в плохую компанию, чтобы ее испортили, чтобы ею командовали. Нет! Не такой у нее характер.

— Ну вот! — огорчилась Ольга. — Ты ей только об этом скажи. Она и так заладила, что характер у нее такой же, как у тебя. А чего там такой! Она

залезла на крышу, спустила через трубу веревку. Я хочу взять утюг, а он прыгает кверху. Папа, когда ты уезжал, у нее было четыре платья. Два — уже тряпки. Из третьего она выросла, одно я ей носить пока не даю. А три новых я ей сама сшила. Но все на ней так и горит. Вечно она в синяках, в царапинах. А она, конечно, подойдет, губы бантиком сложит, глаза голубые вытаращит. Ну конечно, все думают — цветок, а не девочка. А пойди-ка. Ого! Цветок! Тронешь и обожжешься. Папа, ты не выдумывай, что у нее такой же, как у тебя, характер. Ей только об этом скажи! Она три дня на трубе плясать будет.

— Ладно, — обнимая Ольгу, согласился отец. — Я ей скажу. Я ей напишу. Ну и ты, Оля, не жми на нее очень. Ты скажи ей, что я ее люблю и помню, что мы вернемся скоро и что ей обо мне нельзя плакать, потому что она дочь командира.

— Все равно будет, — прижимаясь к отцу, сказала Ольга. — И я дочь командира. И я буду тоже.

Отец посмотрел на часы, подошел к зеркалу, надел ремень и стал одергивать гимнастерку. Вдруг наружная дверь хлопнула. Раздвинулась портьера. И, как-то угловато сдвинув плечи, точно приготовившись к прыжку, появилась Женя.

Но, вместо того чтобы вскрикнуть, подбе-

жать, прыгнуть, она бесшумно, быстро подошла и молча спрятала лицо на груди отца. Лоб ее был забрызган грязью, помятое платье в пятнах. И Ольга в страхе спросила:

— Женя, ты откуда? Как ты сюда попала?

Не поворачивая головы, Женя отмахнулась кистью руки, и это означало: «Погоди!.. Отстань!.. Не спрашивай!..»

Отец взял Женю на руки, сел на диван, посадил ее к себе на колени. Он заглянул ей в лицо и вытер ладонью ее запачканный лоб.

— Да, хорошо! Ты молодец человек, Женя!

— Но ты вся в грязи, лицо черное! Как ты сюда попала? — опять спросила Ольга.

Женя показала ей на портьеру, и Ольга увидела Тимура.

Он снимал кожаные автомобильные краги. Висок его был измазан желтым маслом. У него было влажное, усталое лицо честно выполнившего свое дело рабочего человека. Здороваясь со всеми, он наклонил голову.

— Папа! — вскакивая с колен отца и подбегая к Тимуру, сказала Женя. — Ты никому не верь! Они ничего не знают. Это Тимур — мой очень хороший товарищ.

Отец встал и, не раздумывая, пожал Тимуру ру-

ку. Быстрая и торжествующая улыбка скользнула по лицу Жени — одно мгновение испытующе глядела она на Ольгу. И та, растерявшаяся, все еще недоумевающая, подошла к Тимуру:

— Ну… тогда здравствуй…

…Вскоре часы пробили три.

— Папа, — испугалась Женя, — ты уже встаешь? Наши часы спешат.

— Нет, Женя, это точно.

— Папа, и твои часы спешат тоже. — Она подбежала к телефону, набрала «время», и из трубки донесся ровный металлический голос: — Три часа четыре минуты!

Женя взглянула на стену и со вздохом сказала:

— Наши спешат, но только на одну минуту. Папа, возьми нас с собой на вокзал, мы тебя проводим до поезда!

— Нет, Женя, нельзя. Мне там будет некогда.

— Почему? Папа, ведь у тебя билет уже есть?

— Есть.

— В мягком?

— В мягком.

— Ох, как и я хотела бы с тобой поехать далеко-далеко в мягком!..

И вот не вокзал, а какая-то станция, похожая на подмосковную товарную, пожалуй, на Сор-

тировочную. Пути, стрелки, составы, вагоны. Людей не видно. На линии стоит бронепоезд. Приоткрылось железное окно, мелькнуло и скрылось озаренное пламенем лицо машиниста. На платформе в кожаном пальто стоит отец Жени — полковник Александров. Подходит лейтенант, козыряет и спрашивает:

— Товарищ командир, разрешите отправляться?

— Да! — Полковник смотрит на часы: три часа пятьдесят три минуты. — Приказано отправляться в три часа пятьдесят три минуты.

Полковник Александров подходит к вагону и смотрит. Светает, но в тучах небо. Он берется за влажные поручни. Перед ним открывается тяжелая дверь. И, поставив ногу на ступеньку, улыбнувшись, он сам себя спрашивает:

— В мягком?

— Да! В мягком…

Тяжелая стальная дверь с грохотом захлопывается за ним. Ровно, без толчков, без лязга вся эта броневая громада трогается и плавно набирает скорость. Проходит паровоз. Плывут орудийные башни. Москва остается позади. Туман. Звезды гаснут. Светает.

…Утром, не найдя дома ни Тимура, ни мото-

цикла, вернувшийся с работы Георгий тут же решил отправить Тимура домой к матери. Он сел писать письмо, но через окно увидел идущего по дорожке красноармейца.

Красноармеец вынул пакет и спросил:

— Товарищ Гараев?

— Да.

— Георгий Алексеевич?

— Да.

— Примите пакет и распишитесь.

Красноармеец ушел. Георгий посмотрел на пакет и понимающе свистнул. Да! Вот и оно, то самое, чего он уже давно ждал. Он вскрыл пакет, прочел и скомкал начатое письмо. Теперь надо было не отсылать Тимура, а вызывать его мать телеграммой сюда, на дачу.

В комнату вошел Тимур — и разгневанный Георгий стукнул кулаком по столу. Но следом за Тимуром вошли Ольга и Женя.

— Тише! — сказала Ольга. — Ни кричать, ни стучать не надо. Тимур не виноват. Виноваты вы, да и я тоже.

— Да, — подхватила Женя, — вы на него не кричите. Оля, ты до стола не дотрагивайся. Вон этот револьвер у них очень громко стреляет.

Георгий посмотрел на Женю, потом на револь-

вер, на отбитую ручку глиняной пепельницы. Он что-то начинает понимать, он догадывается, и он спрашивает:

— Так это тогда ночью здесь была ты, Женя?

— Да, это была я. Оля, расскажи человеку все толком, а мы возьмем керосин, тряпку и пойдем чистить машину.

На следующий день, когда Ольга сидела на террасе, через калитку прошел командир. Он шагал твердо, уверенно, как будто бы шел к себе домой, и удивленная Ольга поднялась ему навстречу. Перед ней в форме капитана танковых войск стоял Георгий.

— Это что же? — тихо спросила Ольга. — Это опять… новая роль оперы?

— Нет, — отвечал Георгий. — Я на минуту зашел проститься. Это не новая роль, а просто новая форма.

— Это, — показывая на петлицы и чуть покраснев, спросила Ольга, — то самое?.. «Мы бьем через железо и бетон прямо в сердце»?

— Да, то самое. Спойте мне и сыграйте, Оля, что-нибудь на дальнюю путь-дорогу.

Он сел. Ольга взяла аккордеон:

…Летчики-пилоты! Бомбы-пулеметы!

Вот и улетели в дальний путь.

Вы когда вернетесь?

Я не знаю, скоро ли,

Только возвращайтесь... хоть когда-нибудь.

Гей! Да где б вы ни были,

На земле, на небе ли,

Над чужими ль странами –

Два крыла,

Крылья краснозвездные,

Милые и грозные,

Жду я вас по-прежнему,

Как ждала.

— Вот, — сказала она. — Но это все про летчиков, а о танкистах я такой хорошей песни не знаю.

— Ничего, — попросил Георгий. — А вы найдите мне и без песни хорошее слово.

Ольга задумалась, и, отыскивая нужное хорошее слово, она притихла, внимательно поглядывая на его серые и уже не смеющиеся глаза.

Женя, Тимур и Таня были в саду.

— Слушайте, — предложила Женя. — Георгий

сейчас уезжает. Давайте соберем ему на проводы всю команду. Давайте грохнем по форме номер один позывной сигнал общий. То-то будет переполоху!

— Не надо, — отказался Тимур.

— Почему?

— Не надо! Мы других так никого не провожали.

— Ну, не надо так не надо, — согласилась Женя. — Вы тут посидите, я пойду воды напиться.

Она ушла, а Таня рассмеялась.

— Ты чего? — не понял Тимур.

Таня рассмеялась еще громче.

— Ну и молодец, ну и хитра у нас Женька! «Я пойду воды напиться»!

— Внимание! — раздался с чердака звонкий, торжествующий голос Жени. — Подаю по форме номер один позывной сигнал общий.

— Сумасшедшая! — подскочил Тимур. — Да сейчас сюда примчится сто человек! Что ты делаешь?

Но уже закрутилось, заскрипело тяжелое колесо, вздрогнули, задергались провода: «Три — стоп», «три — стоп», остановка! И загремели под крышами сараев, в чуланах, в курятниках сигнальные звонки, трещотки, бутылки, жестян-

ки. Сто не сто, а не меньше пятидесяти ребят быстро мчались на зов знакомого сигнала.

— Оля, — ворвалась Женя на террасу, — мы пойдем провожать тоже! Нас много. Выгляни в окошко.

— Эге, — отдергивая занавеску, удивился Георгий. — Да у вас команда большая. Ее можно погрузить в эшелон и отправить на фронт.

— Нельзя! — вздохнула, повторяя слова Тимура, Женя. — Крепко-накрепко всем начальникам и командирам приказано гнать оттуда нашего брата по шее. А жаль! Я бы и то куда-нибудь там... в бой, в атаку. Пулеметы на линию огня!.. Пер-р-вая!

— Пер-р-вая... ты на свете хвастунишка и атаман! — передразнила ее Ольга, и, перекидывая через плечо ремень аккордеона, она сказала: — Ну что ж, если провожать, так провожать с музыкой.

Они вышли на улицу. Ольга играла на аккордеоне. Потом ударили склянки, жестянки, бутылки, палки — это вырвался вперед самодельный оркестр, и грянула песня.

Они шли по зеленым улицам, обрастая все новыми и новыми провожающими. Сначала посторонние люди не понимали: почему шум,

гром, визг? О чем и к чему песня? Но, разобравшись, они улыбались и кто про себя, а кто и вслух желали Георгию счастливого пути. Когда они подходили к платформе, мимо станции, не останавливаясь, проходил военный эшелон.

В первых вагонах были красноармейцы. Им замахали руками, закричали. Потом пошли открытые платформы с повозками, над которыми торчал целый лес зеленых оглобель. Потом — вагоны с конями. Кони мотали мордами, жевали сено. И им тоже закричали «ура». Наконец промелькнула платформа, на которой лежало что-то большое, угловатое, тщательно укутанное серым брезентом. Тут же, покачиваясь на ходу поезда, стоял часовой. Эшелон исчез, подошел поезд. И Тимур попрощался с дядей.

К Георгию подошла Ольга.

— Ну, до свиданья! — сказала она. — И, может быть, надолго?

Он покачал головой и пожал ей руку:

— Не знаю… Как судьба!

Гудок, шум, гром оглушительного оркестра. Поезд ушел. Ольга была задумчива. В глазах у Жени большое и ей самой непонятное счастье.

Тимур взволнован, но он крепится.

— Ну вот, — чуть изменившимся голосом

сказал он, — теперь я и сам остался один. — И, тотчас же выпрямившись, он добавил: — Впрочем, завтра ко мне приедет мама.

— А я? — закричала Женя. — А они? — Она показала на товарищей. — А это? — И она ткнула пальцем на красную звезду.

— Будь спокоен! — отряхиваясь от раздумья, сказала Тимуру Ольга. — Ты о людях всегда думал, и они тебе отплатят тем же.

Тимур поднял голову. Ах, и тут, и тут не мог он ответить иначе, этот простой и милый мальчишка!

Он окинул взглядом товарищей, улыбнулся и сказал:

— Я стою… я смотрю. Всем хорошо! Все спокойны, значит, и я спокоен тоже!

Комендант снежной крепости (Киносценарий)

Над стройной снежной крепостью с фортами, зубчатыми стенами и башнями развевается флаг — звезда с четырьмя лучами. У открытых ворот выстроился крепостной гарнизон.

Из ворот выходит Тимур — комендант снежной крепости. Он оборачивается к Коле Колокольчикову и твердо говорит:

— С сегодняшнего числа часовые у крепости будут сменяться через час, днем и ночью.

— Но… если которых дома не пустят?

— Мы подберем таких, которых всегда пустят.

* * *

В штабе военной части у дверей стоит шофер Коля Башмаков.

Капитан артиллерии Максимов кладет телефонную трубку. Встает, одергивает ремни. Шофер четко поворачивается. Но тут раздается телефонный звонок, и дежурный останавливает капитана:

— Товарищ капитан, вас просят.

Капитан слушает, а потом говорит в трубку:

— Итак, вы опять отступили? Печально… Товарищ командир дивизии, вы генерал, я же только капитан. Но я осмелюсь напомнить, что неоднократно предупреждал: дисциплина в ваших войсках хромает на обе ноги…

Дежурный в недоумении смотрит на капитана. Тот продолжает:

— Ваши подразделения лезут по сугробам без лыж, надеясь сокрушить противника только гиком, криком и диким завыванием. Кроме того, вы штурмуете крепость без плана, без подготовки, кулаками, штыками и саблями, и, конечно, противник бьет вас самой новейшей техникой. Генерал, я высоко ценю ваше личное мужество и вашу храбрость, но одного этого в современной войне для победы — увы! — никак не достаточно… Прошу извинить за прямоту… Через час я буду.

Капитан кладет трубку.

* * *

Кладет у себя дома телефонную трубку и сын капитана Максимова Саша. Он берет сигнальный горн. Перед Сашей на покрытом узорной клеенкой столе строй оловянных солдатиков.

Раздается резкий сигнал жестяной трубы. Саша трубит. Внезапно он закашлялся, схватился за грудь. Нянька торопливо передает ему платок.

В темное стекло окна глухо ударяет снежок. Нянька и Сашина сестра Женя разом оборачиваются. Саша, отбросив платок, кидается к окну. Еще удар.

— Это что же такое? — негодует нянька. — Я пойду позову дворника… Отойди от окна, Саша!

Распахивается дверь, и показывается маленькая растрепанная фигура запыхавшегося Вовки:

— О-го-го! Мы дрались, как львы, как тигры… Саша, ты слыхал, как мы «ура» кричали?

Нянька вскакивает:

— Вовка, ты с ума сошел! Скинь пальто! Саша болен, и у него температура…

— Ты не лев и не тигр, ты просто ушастый кролик, — хладнокровно замечает Вовке Женя.

— Домашняя кошка! Я вчера был ранен дважды, а сегодня четырежды! Да знаешь ли ты, что мы

подступили к самым стенам крепости?

— Мне не важно, как вы подступили, — гневно перебивает Вовку Саша, — мне важно, почему вы отступили!

— Кто? Мы отступили? — возмущается Вовка и тут же меняет тон: — Ну конечно, отступили… Мы пошли в атаку без лыж. Сугробы по пояс… А этот комендант ночью протянул под снегом проволоку.

— Проволоку?!

— Да, проволоку. А она цепляет за штаны и за валенки… Но берегись! Сегодня ночью мы с Юркой проберемся к ним в крепость!

— Ты?.. В крепость? — насмешливо говорит Женя. — Жил-был у бабушки серенький кролик…

— Я кролик? Я… орел! Улетаю! — кричит Вовка и, взмахнув руками, убегает.

Снова ударяют в окно два снежка, и Женя говорит Саше:

— Пришел чужой мальчик. Привел отряд. Построил у нас под боком крепость… И вы не можете взять ее две недели!

Из двери в соседнюю комнату выглядывает Нина, студентка, соседка:

— Саша, ты с отцом говорил по телефону?

— С папой. Он скоро придет… Он тебе нужен,

Нина?

— Он мне всегда нужен. А сейчас я хочу показать ему свою работу.

Нина входит в комнату, вносит картину и ставит ее на стол, прислонив к стене. Саша кашляет. Нина говорит ему:

— Отойди от окна, слышишь?

Саша нехотя отходит. Нянька обижена:

— Я просила — он стоял, а как она сказала — пошел… Я тебе кто, нянька? А она человек посторонний… соседка…

— Анна Егоровна, вы скажите это при Степане, — добродушно улыбается Нина.

— И скажу. Это для тебя он капитан, а я его вынянчила, и для меня он мальчик…

— И для меня мальчик, — перебивает Нина. — Особенно когда он так: губы вниз, брови вверх… Нянечка, на кого похож Степан Петрович?

— На мать, — смягчаясь, отвечает нянька. — Мать у него была из Рязани, спокойная, работящая… И отец ничего бы, да суров по старинке…

— Раз на мать — примета счастливая. Я, нянечка, тоже работящая… Рязанская, деревенская, песни знаю, плясать умею…

— Ну, пошла-поехала! Ты на свое поворотишь… У каждого командира должна быть жена, у детей

командира — мать. Я три года Степану говорила, что ему нужно жениться. Так нет! И кого ждал? — Она смотрит Нине в глаза и говорит с иронией: — Уж не тебя ли?

Нина предостерегающе косит глазами в сторону детей.

— Ты мне не мигай, я твои мысли вижу. А они, — нянька кивает на детей, — в этом деле еще ничего не понимают.

Женя говорит, не отрываясь от тетрадки:

— Мы, нянечка, всё понимаем. Правда, Саша?

— Мне твои слова неинтересны. Я командир дивизии, — холодно отвечает Саша.

Входит капитан Максимов. Он идет прямо к сыну и, положив руку на его лоб, спрашивает:

— Доктор уже был?

— Сейчас будет, — отвечает нянька.

Максимов чем-то взволнован. Он подошел к Нине и тихо сказал ей:

— Нина…

Но, заметив пристальный взгляд няньки, запнулся и посмотрел на картину. На картине нарисованы люди разных возрастов и национальностей. С плодами и цветами в руках они выходят по тропкам на широкую дорогу, которая ведет к освещенным солнцем горным верши-

нам.

— Это называется «Дорога к коммунизму»? — спрашивает Максимов.

Нина молча кивает головой и настороженно слушает, что скажет он дальше.

Максимов показывает на картину:

— Этот трактор туда идет тоже? Он не дойдет: мал бензиновый бак и велики ведущие шестеренки.

Нина вспыхивает:

— Тебе не нравится? Ну конечно, тебе бы впереди этих людей пустить разведку. По бокам — сторожевое охранение. Вот сюда посадить артиллерийского наблюдателя… Странно, Степан… это же… аллегория, фантазия…

Максимов, улыбаясь, показывает на свои артиллерийские петлицы:

— Не знаю. Очевидно, моя артиллерия твою аллегорию не понимает… Это беспечные люди возвращаются с пикника домой. — Он видит ее взволнованное лицо и успокаивающе, дружески продолжает: — Девочка, не сердись… но таких дорог к коммунизму не бывает.

Он заглядывает ей в лицо, но Нина, отступая и широко открыв глаза, спрашивает:

— Ты… ты тоже сказал, что я девочка?

— Конечно, девчонка, — не отрываясь от шитья, хладнокровно говорит нянька. — Он командир, капитан. Их дело военное. И куда какая дорога идет, он лучше знает. На это у них план… карты. А ты: коммунизм, коммунизм… А в голове, поди-ка, один ветер.

— Няня! — укоризненно останавливает старуху Максимов.

Женя дипломатично вмешивается:

— Папа, скоро каникулы, и мы устроим у нас веселую елку.

— Очень жаль, что меня на этой елке не будет. Через час-полтора я уезжаю в далекую командировку.

На лице Нины испуг. Лицо няньки настороженно. Женя растеряна. А Саша, прямо глядя отцу в глаза, показывает рукой на карту Финляндии, висящую на стене:

— Папа, неправда! Ты с батареей уходишь туда… на фронт!

Глухо ударяется в окно снежок.

Нянька оборачивается и всплескивает руками:

— Это что же такое? Нет! Людям на свете покоя нету!

Входит доктор Колокольчиков. Отряхиваясь от снега, он говорит:

— Прошу извинения, но во дворе не стихает бой, и к вам пробраться можно только на бронемашине.

Нянька показывает на Сашу:

— Вот, батюшка, у него температура.

— У каждого человека температура.

— У него сто градусов температура, — говорит Женя.

— Это не у каждого, — соглашается доктор.

— Они, батюшка, затеяли войну, — объясняет нянька, — скачут по сугробам. Ну, вот где-то он и схватил себе простуду.

— Он схватил простуду или она его схватила, это мы сейчас разберем.

Доктор подходит к Саше, который хмуро стоит возле своих оловянных солдатиков:

— Молодой человек, у тебя что?

Саша показывает на солдат:

— У меня армия.

— Да. Но ты болен.

— Я командир дивизии.

— Следовательно, вы… вы генерал. — Доктор отыскивает Сашин пульс. — Генерал должен лечь в лазарет. У генерала высокая температура.

Он уводит Сашу в его комнату. За ними идет нянька. Максимов поворачивается к Нине:

— Ты обиделась?

— Ты уезжаешь. Почему ты смеешься?

— Чтобы ты не плакала.

— Я не буду. Была Монголия. Была Польша… Мы привыкли.

В дверь стучат, и у порога останавливается осыпанный снегом мальчик в пальто, перетянутом ремнем. Он вежливо и с достоинством козыряет капитану Максимову и говорит:

— Меня зовут Тимур. Я комендант снежной крепости. Прошу извинить, если несколько наших снарядов случайно залетело на вашу нейтральную территорию.

Он показывает на окно.

На звук его голоса выходит Саша в белой рубашке с распахнутым воротом и останавливается, придерживаясь за дверь. Лицо у него бледное, гордое.

— Ваша орда сегодня отступила по всему фронту… — говорит Саше Тимур. — Но ты болен. Твой помощник Юрка командовать не умеет. И я пришел предложить тебе перемирие.

Закрыв глаза и сжав губы, Саша отрицательно мотает головой. Женя удивленно смотрит на Тимура. Тимур слегка пожимает плечами:

— Как хочешь. Но крепости вам не взять! И что-

бы вести бой, у вас должны быть лыжи, крюки, веревки и приставные лестницы… Ты мне враг, но это я тебе говорю как другу.

Саша, открывая глаза, говорит с ненавистью:

— Уходи, уйди! Крепость твою мы все равно захватим!

— Ее сожжет солнце, растопит дождь, сровняет ветер, но вашей она никогда не будет! — вспыльчиво отвечает Тимур, поворачивается и выходит.

Женя бежит за ним следом.

— Молодой комендант! — кричит вдогонку Тимуру доктор. — Я Красный Крест, и я прошу обеспечить мне свободный проход через вашу опасную территорию…

Открывая в передней Тимуру дверь, Женя спрашивает:

— Так вы с моим братом враги?

— Да. И ты на меня за это сердита?

— Нет, — вздыхает Женя. — Что же… ваше дело военное…

Закрыв дверь, Женя возвращается в столовую, где доктор и капитан Максимов разговаривают о Саше.

— У вашего сына, вероятно, воспаление легких, — говорит доктор. — Режим — постель.

Еда — легкая. Питье — кислое. Возьмите рецепт. Надо быстро сбегать в аптеку.

Нянька сует Нине в руки рецепт:

— Сходи, Нина. Мне надо собирать капитана.

Нина в замешательстве смотрит на няньку.

— Но, нянечка, можно позвонить, — рассудительно говорит Женя. — Можно послать дворника… А то за папой придет машина, и они не попрощаются.

— Успеет. С трамвая на трамвай, а там рядом, — спокойно отвечает нянька.

Нина тревожно смотрит в глаза Максимову. Он взглянул на часы и молча кивает головой.

— Нина, не ходи, — говорит из своей комнаты уже уложенный в постель Саша. — Я подожду. Мне не больно.

Нина входит к нему, наклоняется и целует в лоб:

— Спасибо, командир. Спи. Все хорошо будет.

Нина ушла. Нянька укладывает чемодан. Максимов садится на стул возле Саши, рядом с ним пристраивается Женя. У изголовья Сашиной кровати стоит стол, на нем цветок, коробочка, стакан и отряд оловянных солдатиков. Стучат. Входит шофер Коля и передает Максимову конверт:

— Товарищ капитан, есть машина… Саша,

здравствуй!

Максимов, разрывая конверт, говорит шоферу:

— Вы приехали на час раньше. — Читает приказ. — Все понятно. Дети, мне пора. Няня, скажи Нине, что я ее ждал… Ты на нее не сердись. Ты поцелуй ее от меня.

Саша привстает:

— Папа! Ты пиши мне часто… И ты, Коля, если у него бой, он занят, пиши мне тоже… — Тут он оборачивается, берет со стола оловянного солдатика и протягивает его шоферу: — На, возьми от меня на память.

Коля осторожно приближается, издали протягивая руку:

— Есть писать часто, Саша! А солдат назад вернется с медалью.

Кладет солдата в карман.

— Ты, шальная голова, там, на фронте, не очень-то с капитаном за медалями гоняйся, — строго говорит Коле нянька. — Ты, если где видишь — нельзя, опасно, постой, обожди, обвези капитана кругом.

— Есть обвозить капитана кругом!

Саша манит отца и что-то говорит ему на ухо. Отец подумал, загадочно кивнул головой, вынул из полевой сумки бумагу и что-то быстро на ней

пишет. Нянька настораживается. Максимов складывает записку и передает ее Саше. Саша взял коробочку, сунул в нее записку, положил коробочку на стол. Потом подумал и поставил около нее двух оловянных часовых.

Максимов берет сына за руку и целует его:

— Товарищ генерал! Желаю счастья, здоровья, а в боях — успеха… Пожелайте и мне того же.

Когда Нина возвращается из аптеки, капитана Максимова уже нет. В опустевшей столовой беспорядок. Не глядя на няньку, Нина тихо спрашивает:

— Анна Егоровна, Степан, уезжая, ничего не сказал? Ничего мне не передал?

— Он? — как бы припоминает нянька. — Ничего. Да! Он просил, чтобы ты отнесла его книги в полковую библиотеку.

— Хорошо, — говорит Нина, опустив голову, потом поворачивается и дрогнувшим голосом спрашивает: — Скажите, за что вы меня не любите?

— Я всех люблю, — суховато отвечает нянька. — Но у него большие дети, и им нужна настоящая мать, а не такая, как ты, девчонка.

* * *

Вдоль стены снежной крепости мерно шагают часовые.

С деревянными винтовками, немного сутулясь, они ходят навстречу один другому. Потом останавливаются у костра. Часы гулко отбивают четверти.

Первый часовой прислушивается:

— Уже должна быть смена.

— Смена не придет, — отвечает второй часовой, грея над огнем руки. — Никого дома не отпустят.

— Не те времена. Теперь отпустят.

Часовые поворачиваются. По тропке плечом к плечу шагает смена. Большие валенки в калошах четко, с протяжкой отбивают по скрипучему снегу шаг за шагом. Караул сменяется.

— Все спокойно? — спрашивает третий часовой.

— Пробежала собака. Пролетела ворона. Орда спит, и караулить нечего, — отвечает второй.

— Порядок! — говорит первый часовой. — Комендант молодец! Комендант знает, что делает!

— Коменданту хорошо, комендант спит под теплым одеялом! — ворчит третий.

— Комендант проверяет караулы… — говорит,

выходя из-за куста, Тимур и, заметив смущенное лицо третьего часового, жмет ему руку: — Ты пришел, ты не подвел, Гриша. — Он выпрямляется. — Встаньте по уставу! Плечи не гни! Стой свободно и гляди в оба!

Из пролома каменной стены высовываются недоуменные лица Вовки и Юры.

— Он сошел с ума! Такой мороз… Брр!.. — жмется Вовка. — Вон кошка подохла. А у них опять сменяются часовые… Мне домой пора. Отец ничего, а бабка вредная, и она может стукнуть по затылку.

— Вот тебе и разведка… — уныло шепчет Юрка. — Эх, заложить бы под стены крепости хорошую бомбу!

— Бомбу?! — Вовка оглядывается и, заметив драный валенок на снегу, хватает его: — Отвлекай часовых! Засекай время! Бомба сейчас будет брошена!

Вовка и Юрка крадутся к стенам крепости.

— Стой! Кто идет? — кричит третий часовой.

К нему подбегает четвертый. Оба настороженно вглядываются в темноту. А в этот момент с другой стороны перелетает через стену крепости и падает на снег драный валенок.

Не заметив его, часовые ходят опять четким

шагом вдоль стены.

* * *

Тревожно раскинувшись, бормочет что-то в полусне Саша. У него жар. Температура поднимается все выше и выше.

Стена над Сашиной кроватью увешана деревянным оружием. На столе у изголовья — цветок в стакане и коробочка. У коробочки замерли два оловянных часовых. Дальше, на краю стола, выстроился целый отряд.

Саша приоткрывает блестящие от жара глаза и смотрит на своих солдат. И вдруг оба часовых точным движением сходят со своих подставок и, приподняв с полу приклады винтовок, чеканным шагом идут навстречу один другому вдоль охраняемого пространства. Саша улыбается. Но вот лицо его насторожилось. Быстрым движением поворачиваются оловянные часовые, перехватывают винтовки на изготовку, приклад к плечу. Пятятся. Смешным клубочком один за другим подымается дым выстрелов. Часовые выхватывают из-за пояса бомбы, бросают их. Беззвучно вспыхивает огонь, вздымаются клубы дыма.

А когда молочный дым рассеивается, над поваленными часовыми протягивается чья-то рука,

открывает коробку и достает записку. Это нянька. Торопливо сует она записку в карман и оборачивается. У дверей стоит Нина в пестром халатике и тихо говорит:

— Анна Егоровна, идите, я посижу… Мне все равно не спится.

Нянька поправила Саше подушку, вышла и, прикрыв за собой дверь, торопливо разворачивает записку. На ее лице недоумение. Это чистый белый лист, без единой буквы.

А Нина взяла со столика термометр, покачала головой, подняла опрокинутый пузырек и присела на край кровати. Подняв откинутую, сжатую в кулак руку Саши, она замечает в кулаке бумажку, разнимает Саше пальцы, берет записку и читает: «Милая Нина, береги детей. Расти и сама. Прощай. Вернусь — все хорошо будет. Степан».

Лицо Нины загорелось волнением и улыбкой. Она положила записку в коробку, опять поставила около нее двух оловянных часовых. И, благодарная, опускает голову на грудь Саше.

Стоят опять на посту оловянные часовые.

* * *

Часовые у стен снежной крепости прислушиваются к звону башенных часов.

— Должна быть смена, — говорит один.

— Смена не придет. Их дома не отпустят, — возражает другой.

— Не то время. Теперь отпустят.

И тут же оба часовых поворачиваются, услышав мерный, чеканный топот тяжелых шагов по скрипучему снегу. Идут Коля Колокольчиков и еще один мальчик, укутанный с головы до ног.

Караул сменяется у раскрытых ворот. Вдруг Колокольчиков бросается внутрь крепости, поднимает драный валенок и, заикаясь от волнения, кричит прямо в растерянные лица часовых:

— Ротозеи! Я пост не приму! Я доложу об этом коменданту!

* * *

На снежной лесной поляне все перекорежено. Возвышается какое-то полуразрушенное железобетонное сооружение. Лежит вверх колесами пушка.

Лыжник в белом халате пересекает поляну

и ныряет в чащу леса. Его окружают черные деревья, зубья скалистых камней. Вокруг угрюмая тишина.

Лыжник бежит. Зацепил халатом за сук, рванул, остановился и снимает халат.

Сверху раздается вдруг каркающий голос:

— Гляди под ноги, не задень провод!

Лыжник поднимает голову и видит наверху в ветвях артиллерийского наблюдателя. У него резкое лицо, орлиный нос, на шее — бинокль, в руке — телефонная трубка.

— Ворон-птица! Капитан Максимов у вас на батарее? — спрашивает лыжник.

Наблюдатель резко, как крылом, махнул рукой, показывая направление, и поднес бинокль к глазам.

* * *

Внутри полуразрушенного финского дота два красноармейца и шофер Коля пьют чай на дощатом столе возле железной печки.

Телефонист принимает телефонограмму, записывает и через ровные промежутки повторяет:

— Давайте… давайте…

Коля вынимает из кармана бумагу, спички, махорку и оловянного солдата. Он ставит солдата

на стол и, свертывая цигарку говорит:

— Война нелегка. Жена далека. Кругом шинели летят шрапнели. Давай, солдат, табаку покурим.

Красноармеец-башкир отхлебывает чай и усмехается:

— Большой человек с маленький игрушка играет… Смеяться можно.

— Смейся, — отвечает Коля. — Это солдат волшебного войска… Не понимаешь? Ну, как бы по-вашему?… Колдун, что ли?

— Жулик? Так будет?

— Эк, хватил не по той мишени… Этого солдата мне подарил один генерал. У него солдат ученый: он говорить умеет. Скажи, солдат, почему Абдул Муртазин пьет чай без сахару?

Коля пускает густой клуб дыма, который почти закрывает его лицо, и тонким голосом сам отвечает:

— Стоял в секрете и съел на рассвете.

Второй красноармеец хохочет. Телефонист грозит всем кулаком.

— Он у меня еще и не то может! — гордо говорит Коля и снова наклоняется к оловянному солдатику. — Раз, два, три, четыре, пять! — Он дунул, окутал солдата густым клубом дыма и заканчивает, обращаясь к башкиру: — Можешь

сахар получать!

Дым рассеивается. Рядом с алюминиевой кружкой башкира лежит кусок сахару.

Башкир добродушно улыбается…

Отодвинулась рогожа, заменяющая сорванную дверь. В клубах пара входит капитан Максимов. Все встают. Рогожа опять отодвинулась, входит лыжник. Его халат перекинут через руку. Лыжник подает пакет и рапортует:

— Товарищ капитан, посыльный лыжник штаба батальона Егоров прибыл в ваше распоряжение.

Максимов пробегает глазами бумагу.

— Почему вы без маскировочного халата?

— Зацепил, разорвал. Сейчас чинить буду. Товарищ капитан, вам от жены телеграмма. Попала на третью батарею случайно. Распечатана потому, что, меняя позицию, третья батарея передала ее по телефону на вторую.

Лыжник передал телеграмму, отошел и греет руки у железной печки.

— Мне… от жены? — удивленно переспрашивает Максимов, читает, улыбается и показывает телеграмму шоферу Коле.

Коля читает: «Саша поправляется, опять собирается штурмовать крепость. Мы для раненых

устраиваем елку. Все целуем. Жена Нина».

Капитан, показывая карандашом на подпись, тихонько говорит:

— Женя, Нина.

И быстро пишет что-то на телеграмме. Лицо его лукаво.

Красноармеец-башкир улыбается чуть хвастливо:

— У меня дома в Уфе тоже жена есть. Она мне тоже смешной писем пишет.

— Врешь, врешь! — говорит второй красноармеец. — Никакой жены у тебя нету…

— Невеста есть в Стерлитамаке, Лола зовут, — задумчиво и безобидно отвечает башкир. — Она мне тоже смешной пишет.

Максимов кладет телеграмму в конверт и протягивает его Коле:

— Не забудьте сегодня отправить.

Телефонист, окончивший приемку, молча передает капитану исписанный лист, подходит к печке, греет руки и, усмехаясь, спрашивает у лыжника:

— А у тебя есть Лола?

— Лолы у меня, я прямо скажу, нету, — отвечает лыжник. — Лола у меня после войны будет.

— Тебя убьют, потому что ты бегаешь без маски-

ровочного халата, — строго говорит телефонист.

Лыжник усаживается, расправляет халат, достает иголку и говорит серьезно:

— Убьют? Тогда, конечно, никакой Лолы не будет…

Капитан Максимов, прочитав телефонограмму, приказывает шоферу:

— Приготовьте машину. Едем в штаб участка.

Коля подтягивается:

— Есть приготовить машину, товарищ капитан!

— Товарищ посыльный, — спрашивает капитан Максимов у лыжника, — по опушке леса вдоль озера дорога не под обстрелом?

— Я проскочил, было тихо, товарищ капитан… Но я что? Тень… стрела… заяц…

— Заяц? — усмехается телефонист. — От таких зайцев волки на деревья скачут!..

* * *

Через лес пробираются два дозорных финских лыжника. Что-то услыхали, насторожились и направились к дороге, по которой едут в штаб капитан Максимов и шофер Коля.

Максимов молча смотрит вперед. Коля говорит, не поворачиваясь к нему, глядя на дорогу:

— Разрешите, товарищ командир, спросить? Почему вам дома картина у Нины не понравилась? А мне понравилась. Люди идут, цветы несут. Ребятишки по хорошей дороге на палках скачут. Весело… — Коля вертит рулевую баранку, машина прыгает. — А это разве дорога? Погибель! — говорит он, меняя тон, и искоса смотрит на озабоченное лицо Максимова. — Вы бы что-нибудь, товарищ командир, сказали… Очень мрачная вокруг территория.

А вокруг действительно мрачно: угрюмый лес, черный скелет сгоревшей избы, обломки скал, расщепленное дерево, причудливо-уродливые фигуры из снега.

— Да, на картине дорога красивая, — задумчиво говорит Максимов. — Только очень ровная, гладкая, без задержки, без боя…

— Как — без боя?! — восклицает Коля, резко меняясь в лице, дает тормоз и хватает пулемет.

Взрыв, дым.

Коля в снегу. Ручной пулемет лежит стволом на пне, и, перед тем как нажать на спуск, Коля кричит:

— Как — без боя?! Нынче без боя дорог не бывает!

Мчатся на лыжах белофинны. Капитан Макси-

мов стреляет. Коля дает очередь в полдиска.

В небе внезапно появляются два самолета, на крыльях у них красные «звезды». Настороженно смотрит вниз наблюдатель. Вдруг он делает резкое движение: он увидел, как внизу, на дороге, отряд лыжников окружает крохотную машину. Стремительно и круто ложатся самолеты на крыло.

Один из финнов бросает ручные гранаты. Коля падает навзничь. Максимов хватает пулемет и дает по финнам очередь. Потом он смотрит на пустой диск и стреляет из нагана в затвор пулемета.

Стремительно нарастает рев моторов: низко пролетая над дорогой, самолеты бьют сверху по финнам. Максимов тянет за плечи Колю. Тот неподвижен. Капитан становится на колени и, достав из простреленной сумки индивидуальный пакет, бинтует голову Коли. Закончив перевязку, он встает, сдергивает шинель с убитого финна, потом другую, третью и закутывает ими Колю. Потом становится на лыжи и, взглянув на компас, уходит.

Улетели своим путем самолеты. На дороге остались исковерканная машина и убитые белофинны. Близ дороги, укутанный шинелями,

лежит Коля.

А капитан Максимов мчится на лыжах под гору через лес. Внезапно он спотыкается и со всего размаха летит в снег. Лыжа сломана пополам. Максимов стоит по пояс в снегу и рассматривает сломанную лыжу. Отбросил ее, прислонился к дереву и ест снег.

* * *

По дороге идет, покачиваясь, башня с пушкой — бронемашина. Позади еще три. И на всех на них красные звезды. Водитель первой машины смотрит через узкую щель бойницы и видит, что на пустынной дороге рядом с убитыми финнами валяются полузанесенные снегом обломки легковой машины капитана Максимова. Броневик останавливается, выскакивают красноармейцы.

Коля услышал шум. Он приподнялся, открыл глаза и озирается. Рядом с ним лежит на снегу перчатка капитана.

* * *

Раздается громкий звонок. Это началась большая перемена. В школе обычная суматоха. В углу шепчутся две девочки — это Катя и Женя Алек-

сандрова.

Женя Максимова поймала за руку и теребит Вовку:

— Ты зачем утром опять в пальто к Саше ввалился? Он болен, к нему нельзя… Я знаю, я сама санитарка. — Она показывает на значок.

— Да… Но было спешно! Было важно! Было очень срочно нужно!

— «Спешно, срочно, важно, нужно»!.. — скороговоркой передразнивает Женя. — Я попрошу Юру или Петьку, чтобы они тебя срочно поколотили.

Вдруг, заметив шепчущихся девочек и как бы не веря своим глазам, изумленная Женя медленно выпускает руку Вовки, который улепетывает прочь. Но тут же его крепко хватает за руку Тимур.

— Стой прямо! Ногами не дрыгай и гляди мне в глаза! — холодно говорит он.

— Ну, глянул, — робко отвечает Вовка.

— И что ты там видишь?

— Ну, ничего… Синяк вижу, царапину…

— Не туда смотришь, смотри глубже…

— Ну, круги вижу… Зрачок, дырку…

— Ты видишь в моих глазах гнев! Кто высыпал ведро золы, а вчера бросил валенок и мерзлую кошку за стены нашей крепости?

Ага, молчишь! — Он хочет дать Вовке щелчка, но раздумал и усмехнулся. — Исчезни! Здесь нейтральная территория, но смотри не попадись мне на поле боя!

Тимур отпустил руку Вовки. Вовка мчится прочь и тотчас же попадает в лапы Юры.

— Стой! О чем ты шептался с Тимой Гараевым? — спрашивает Юра. — Ага, измена! Ты замышляешь предать родной двор и переметнуться к нему на чужбину!

— Нет, он не задумал на чужбину, но он хвастун, и он надоедает больному Саше, — с презрением говорит Женя Максимова. — Юрка! Значит, решено! Устроим для раненых елку?

Юрка поворачивается к Вовке:

— Ты смотри, пока об этом молчок!

— Я, братцы, никому... Я человек-камень... Человек-могила!

Женя Максимова подскочила к Кате и дернула ее за руку:

— С кем это ты всю перемену шепталась?

— Это Женя Александрова, одна девочка из шестого «Б». И она мне рассказывала, какое шьет к елке платье...

— Знаю я эту Александрову. Я стояла, я тебе мигала, моргала, а ты... Какое у нее платье? Из ма-

терии или из бумаги?

— Она не велела говорить… Она говорит, что ты задавала и что ты вместо нее просунула не в очередь пальто в раздевалке.

Женя остолбенела, потом всплеснула руками и говорит, задыхаясь:

— Я задавала? Я не в очередь? Вот клевета, какой еще не было на свете!

В это время гремит звонок, и Женя меняет голос на обыкновенный:

— Катя, не верь: никуда и ничего я не просовывала.

Она удивленно смотрит и видит, что Женя Александрова подошла и взяла Тимура за руку. Оба они смеются.

— Подумаешь, принцесса крепостного гарнизона! — говорит Женя с гримасой. — Саша выздоровеет, крепость возьмет, а их поколотит.

— Что ты, что ты! Какая принцесса? Она дочь броневого командира…

— Я сама дочь артиллерийского капитана, и это я, а не она придумала устроить для раненых елку.

— Ну, вот ты и задавала! Женька, сознайся, ну чуточку, ну вот столечко, а все-таки задавалочка.

* * *

В комнате отдыха, в отделении для выздоравливающих прифронтового лазарета, сидит за столом шофер Коля в халате; с повязкой на голове. Перед ним скомканная бумага и конверт. На столе стоит оловянный солдатик. Коля что-то чертит на белом листе бумаги. Обращаясь не то к сидящему напротив с книгой раненому, не то к солдату, он говорит:

— Когда я закрою глаза, чудная встает передо мной картина… Тепло… светло. Идут люди, а также ребятишки и красивые девушки. Песни поют… Несут цветы… Лимоны там, фрукты разные. Весело! А дорога перед ними… — Он зажмурился. — Дорога… лети, вертись, как круглый шар по бильярду! — Коля смотрит на лист бумаги, на нем довольно точно воспроизведена по памяти картина Нины, но человечки нарисованы очень смешные: очень уж широко открыты их поющие рты, слишком пышны в их руках букеты, и слишком беспечны их веселые лупоглазые лица. — И вот, когда возникает передо мной эта чудесная картина, то сразу представляется мне еще другая дорога: разбитая «эмка», дым, пустые обоймы. И на снегу перчатка капитана,

который укутал меня шинелями, чтобы я, Башмаков, не сдох и жил для общей, а отчасти и для своей пользы…

Раненый удивленно поднял от книги глаза на Колю и смотрит, как тот говорит, обращаясь теперь только к игрушечному солдатику:

— Странно! И что мне эта картина? Картон… Краска… Звук далекой музыки… Вроде как и ты, смешной солдат, чужая тень, простая оловяшка… Так почему же, когда я смотрю на вас, сжимается у меня за людей сердце?..

— Потому что ты сидишь с утра за бумагой, — говорит раненый с книгой. — Сейчас я позову сестру, и она отберет у тебя ручку и чернила.

Коля торопливо принимается писать снова.

Двое раненых играют в шашки; один, сидя в кресле, тренькает на мандолине и тихонько напевает:

Письмо придет – она узнает,
На щеку скатится слеза…
Горько-горько зарыдают
Ее прекрасные глаза…

Коля отрывается от письма и говорит раненому:

— Прошло всего четыре дня, а мне кажется, что

прошло четыре года.

Он задумался. Потом опять заговорил не то с раненым, не то сам с собой:

— Когда я вступал в партию, меня один человек спрашивает: «Чего тебе впереди надо?» Я отвечаю: «Чего всем людям: счастья...» Он говорит: «Про это в программе не написано. Наша цель — социализм и далее коммунизм в развернутом виде. А счастье — понятие неопределенное и ненаучное...» — «Нет, — говорю я, — для отдельного типа действительно так. Кто его угадает, что ему в жизни надо? Одному — жена, другому — изба, третий на рояле играть любит... Но чего всем людям вместе надо, это и научно определить невозможно».

Медицинская сестра проходит мимо:

— Товарищ Башмаков, что вы бормочете? Оставьте чернила и бумагу. Идите гулять или играть в шашки.

— Шашки — пустое развлечение. Это игра не для моего характера. Сестра, как бы мне получить из цейхгауза вещи? В гимнастерке лежит неотправленное письмо капитана.

— Вещи и документы вы получите послезавтра, когда пойдете в отпуск.

Сестра уходит, и Коля снова обращается к ра-

нему:

— Доктор сказал: «Странный случай в медицине. Если обыкновенного человека стукнуть по голове, он дуреет. В вас же швырнули бомбой, ударили головой о дерево, а вы сидите и рассуждаете, как настоящий философ».

— Он пошутил. Это он сказал для ободрения духа. — Раненый показывает на рваную бумагу: — Вот ты уж десять раз письмо рвешь и опять пишешь… Это разве философия? Это дурь!

— Я пишу семье моего погибшего начальника… Я пишу: «Девушка, зачеркните на вашей картине цветы. Капитан был прав, и нынче без боя дороги не бывает».

Раненый пожимает плечами:

— Доктор определенно пошутил. Случай в медицине самый обыкновенный…

Сестра подходит и говорит твердо:

— Больной Башмаков, оставьте ручку и чернила. Идите гулять. Отдыхайте или играйте в шашки.

Коля торопливо берет конверт, вкладывает в него исписанный лист бумаги и пишет адрес: «Ленинград, Красноармейская, 119, Максимовым. Лично для Нины». Быстро подходит он к стоящему тут же в комнате почтовому ящику.

И мгновение медлит.

Раненый с мандолиной громко запевает:

Письмо придет – она узнает,

На щеку скатится слеза…

Коля рывком бросает письмо в щель почтового ящика.

Играющие в шашки с треском заканчивают партию. Раненый, который читал, захлопывает книгу. Все они разом, дружно подхватывают:

И гор-р-рько-горько зарыдают

Ее прекрасные глаза…

* * *

Нина сидит на кровати около Саши. Она берет его за руку и говорит:

— Женя в школе, няня в магазине. Я вернусь скоро. Саша, я прошу тебя, к окну не подходи близко…

— Женька моих голубей не кормит. И там кто-то их к своему окну переманивает.

— Хорошо, я буду их кормить сама. Ты мне веришь?

— Почему папа не ответил на твою телеграмму?

— Почему? Очень просто: они, вероятно, перешли в наступление, и телеграмма его не застала на старом месте.

— А где у него было старое место?

— Я не знаю… Ну, где-нибудь в лесу, — Нина улыбается, — под елкой. Ты, Саша, сам командир и это дело лучше меня знаешь.

— Да, конечно, — благодарно улыбаясь, говорит Саша. — Они перешли в наступление. И я перейду в наступление тоже. Иди. Я тебя люблю, Нина.

Нина ушла, Саша подошел к окну, поцарапал по заснеженному стеклу пальцем и сделал круглую дырочку. Прилетают голуби и усаживаются на карниз окна.

В это время раздается звонок. Саша выходит в переднюю и видит, как сквозь щель просовывается письмо. Он поднял его и бежит в свою комнату. На лице его волнение. Он повертывает письмо. Глядит на свет. Ему очень хочется вскрыть письмо. Но на конверте подпись: «Лично для Нины».

Саша кладет письмо на подоконник и стоит у окна. Вдруг он замечает, что к одному из окон в стене высокого дома напротив слетаются на снежный карниз голуби. Через форточку просовывается рука и сыплет крошки голубям.

Голуби клюют. Тогда Саша в гневе поворачивает рукоятку оконного запора и распахивает обе рамы. Пар врывается в комнату. Саша высовывается из окна, шарит по подоконнику и тянет тряпку. А тряпка зацепила и тянет письмо. Тянет и оловянных солдатиков.

Саша кричит:

— Это кто моих голубей переманивает?

Снизу, со двора, удивленно наблюдает за Сашей Коля Колокольчиков.

Саша швыряет тряпку. Летит вниз письмо, и падают солдатики. Перегибаясь, с отчаянием смотрит Саша вниз, но письма не видно. Он поднял голову и замер, потому что в окне напротив он теперь видит изумительной красоты девочку. У нее белые, падающие кольцами на плечи локоны. Волосы схвачены обручем, от которого расходятся мерцающие лучи. На ней легкое, как дымка, усеянное звездами платье, и она пальцем показывает куда-то вниз. Там, внизу, за уступом, невидимое Саше, лежит письмо.

Саша высовывается глубже. Но тут в комнату вбегает Нина, хватает за плечи Сашу, оттаскивает от окна и закрывает рамы. Саша бросается в переднюю. У дверей Нина его задерживает.

Саша бормочет:

— Оставь! Пусти!.. Я уронил за окно письмо… Это письмо с фронта, от Коли, про папу…

— Сашенька… Саша… Мы письмо сейчас найдем. Мы его разыщем…

Саша, сразу ослабев, прижимает голову к груди Нины, глаза его закрываются, он бормочет:

— Письмо лежит в снегу… там в окне девочка, она звезда… Она вам покажет… Она его видит…

Нина в недоумении.

А загадочная девочка все еще смотрит через морозное окно. Вдруг она что-то внизу увидела и всплеснула руками.

* * *

Саша лежит в постели. Снова его томит жар. Температура снова все растет и растет. Неподвижно стоит в углу комнаты целый полк оловянных солдатиков, лежит на ковре у дверей котенок. И вдруг четким движением все солдатики сходят со своих оловянных подставок, маршируют и поют:

Спит, тревожным сном объятый,
Наш начальник до утра.
Оловянные солдаты,
Нам в поход идти пора.

Сон его не потревожа,
Разумеется само,
Отыскать ему поможем
Очень важное письмо.
Тра-та. Тра-та.
Тра-та-та-та.
Снега, сугробы и леса…
Оловянные солдаты
Разошлись на полчаса.

При этих словах все войско разделяется на несколько отрядов, которые вполоборота расходятся в разные стороны.

* * *

С винтовками на изготовку, по пояс в снегу торчат возле рваного валенка оловянные солдатики.

Стоит Тимур, рядом с ним — Коля Колокольчиков. В руках у Тимура распечатанное письмо.

— Оно лежало здесь… — показывает Коля и видит солдатиков. — Смотри, куда свалились из окна оловянные солдаты. — Он поднимает их.

— Зачем ты письмо распечатал? — спрашивает Тимур.

— Оно намокло и в кармане отклеилось. Я иду — дай, думаю, отнесу. А потом иду — дай, думаю, прочитаю.

— Это письмо тревожное. Письмо неясное. И я еще не знаю, нужно ли, чтобы такие письма доходили по адресу…

Тимур быстро прячет письмо в карман, потому что подходит нянька.

— Эй, вояки! Вы здесь ничего не поднимали? — спрашивает она.

— Да, они упали из вашего окна, — говорит Коля и протягивает солдатиков. — Это ваши солдаты?

— А больше ничего? Письма в снегу не было?

Мальчики молчат.

— Он бормочет: «Голубая звезда, она письмо видела», — задумчиво говорит нянька. — Бред, температура… Какое письмо? Какие звезды? А может быть… — Тут нянька пристально смотрит на мальчиков. — Вы глядите, я правду все равно узнаю!..

* * *

В кровати сидит Саша с книгой «Прорыв танками укрепленной полосы». Рядом с Сашей — Вовка. Саша читает:

— «После того как тяжелые танки пройдут

предполье, старший артиллерийский начальник должен перенести всю мощь огня в тыл, препятствуя продвижению вражеских резервов…» — Он бросает книгу. — Нет, это нам никак не подходит…

— Может быть, подойдет где-нибудь в другом месте… — нерешительно говорит Вовка и листает книгу.

— Нет, и в другом месте не подойдет тоже… Но крепость должна быть взята и разрушена! Прикажи Юрке поставить людей на лыжи, запасти лестницы, щиты, крюки, веревки…

— Да, но ты сначала не хотел этого сам. Кто велел гнать инженерную роту? Кто сказал, что мы не плотники, не столяры, а казаки?

— «Казаки, казаки»! У казаков разведка, а у нас?.. Неужели нельзя узнать, что этот комендант нам еще приготовил?!

— Я тебе говорю, он сумасшедший. Часовые сменяются вторые сутки, а за стенами что-то стучит у них, колотит, — уныло отвечает Вовка; и тут же радостно вспыхивает: — Есть идея! Молчи и не спрашивай. Я направлю в крепость свою агентуру.

— Какая беда, что я болен! Наступайте! Вызовите на помощь мальчишек из дома тридцать

шесть, из сорок четвертого. Мы им осенью помогали. Достаньте рогожи, доски! Нападайте, когда темно, к ночи… Нам стыдно! Их мало, а они над нами смеются и зовут нас то «Дикой дивизией», то «Большой ордой»… Нет папы! Был бы папа, он бы подсказал, посоветовал. Вовка, будь другом… — Саша показывает на окно: — Разыщи, чья там квартира. Там у окна сидела девочка. Она как звезда, в волосах искры, сама голубая. И кто со снега письмо про папу взял, она видела.

— Да! Но в этот дом ход… совсем с другого квартала: надо через парк, мимо крепости. А как ее, девочку, зовут?

— Ну вот, кабы я знал! А ты спроси: не у вас ли живет вот такая?

Саша пробует показать, как выглядит девочка: делает надменное лицо, крутит от головы к плечам пальцами, изображая локоны.

— Такая? — Вовка повторяет Сашины движения, потом неуверенно говорит: — Да, но если я даже найду квартиру и стану спрашивать, не живет ли здесь вот такая, то жильцы очень просто могут подумать, что я какой-нибудь ненормальный.

— Ну и пусть подумают. Экое дело!

— Обидно. Кроме того, меня по дороге изловят

часовые из крепости.

— Так ты не пойдешь? Для товарища? Ты трус!

— Кто, я? — Вовка смотрит на увешанную деревянным оружием стену. — Дай мне какую-нибудь саблю! — Снимает одну, гнет, швыряет. — Не та сталь… Вот эту. Дай пистолет. — Снимает со стены пистолет, важно жмет Саше руку. — Прощай!

Вовка уходит, но в дверях поворачивается:

— Вот такую? — Он чертит вокруг своей головы звезду и локоны. — Засекай время! Я тебе приволоку эту звезду сюда… За волосы!

* * *

Через четверть часа Вовка выводит во двор свою маленькую, четырехлетнюю сестренку. Она похожа на шар. На руках ее большие варежки, а на ногах неуклюжие валенки.

Вовка вынимает руку из кармана:

— Смотри. Это конфета… — Он вынул вместо конфеты чернильную резинку, увидел и запнулся. — Гм… Это не конфета. Но здесь будет конфета. Одна, две… Четыре! Иди вот туда. — Он показывает в сторону крепости. — Видишь стены, ворота? Иди. Махай прутиком, как будто бы ты гуляешь, а сама пой песню: «Тра-ля-ляй, тра-ля-ляй…» Они тебя не тронут. А ты смотри, в ворота заглядывай!

Потом все мне расскажешь. А потом я тебе за это дам… ну, там увидим что… смотря по заслугам. Иди! А мне, — он вздохнул, — звезду искать надо.

Вовка задирает голову на стену восьмиэтажного дома и считает окна:

— Первое, второе, третье, три уступа, два балкона, окно снизу третье, сбоку шестнадцатое. Раз два! Засекаю! — Он взмахивает саблей, оборачивается и видит перед собой вооруженного Колю Колокольчикова.

— Я дозорный крепости Колокольчиков. Кто ты? — холодно спрашивает Коля.

— Я… Вовка…

— Что у тебя в руке?

— У меня? У меня палочка.

— Врешь, это сабля. Стой и защищайся!

— Очень странно. Вы, кажется, хотели… перемирие…

— Мир для воинов, а не для диверсантов! Ты же ночью забросил к нам в крепость мерзлую кошку, а кто-то недавно высыпал за стену ведро с золой. За это мы должны тебя уничтожить!

— Золу не я. Это Юрка.

— Юрка будет уничтожен особо, а ты особо! Коля вынимает саблю, но тут же растерянно оглядывается, отскакивает и убегает прочь, по-

тому что с метлой в руке к ним приближается дворник. Он басовито кричит вдогонку Коле:

— Ты… разведка! Со двора выметайся! Вы меж собой воюйте, сражайтесь, но у меня чтобы все стекла целы были!

Завидев приближающуюся Женю Максимову, Возка нахохливается и важно сует саблю за пояс.

— Трус! Так я тебя и испугался. Жаль только, что помешал дворник… Женя, возьми мою сестренку. Пойдите с ней вон там погуляйте. Очень интересно. Вон стоит комендант Тимка. Ты подойди к нему и что-нибудь тыр… быр… тыр. Ну, ты умеешь… А я тихо, как тигр, проскочу мимо крепости.

Женя берет за руку девочку и критически оглядывает Вовку:

— Ты не тигр, а ты просто смешной ушастый кролик.

* * *

На небольшой площадке около парка толпится народ: здесь продают елки. Меж деревьев, направо от дороги, видна снежная крепость. За нею стена ограды большого дома. В сторонке стоят Катя и Женя Александрова.

— Ты Женя, и она Женя, — говорит Катя. — Я

вас помирю. Она очень хорошая. Ее отец тоже на фронте… И мы решили устроить для раненых елку. — Катя оборачивается и резко спрашивает подошедшего к ним вплотную Тимура: — Тебе что надо?

— Это Тимур, мой товарищ, — говорит Женя и тихо предупреждает Тимура: — «Большая орда» готовит к штурму лыжи, крюки, палки.

— Знаю.

— Ты всегда все сам знаешь! — слегка обижается Женя и, увидев приближающуюся к ним Женю Максимову, отворачивается.

— Ты что? — удивляется Тимур.

— Это идет одна девчонка. Ты ее, кажется, тоже знаешь…

— Это идет Женя Максимова. Знаю.

Он тянет Женю Александрову за собой, но она вырывает руку. Тимур подходит к Жене Максимовой. Они дружески здороваются.

— Тимур определенно помешался, — говорит Женя Александрова Кате. — Он ведет ее в нашу крепость, а она все расскажет своему брату!

Тимур подводит Женю Максимову и Вовкину сестренку к прекрасной снежной крепости с фортами, башнями и зубцами. За ним идет и Катя.

На одной из башен развевается флаг — звезда

с лучами. Ниже, в стене башни, часы — это вправленный в снег будильник. Над часами решетка. У ворот крепости стоит часовой. Внутри деловито суетится гарнизон. На уступах стен возвышаются пирамиды снежных снарядов. Между зубьями самодельный зеркальный перископ. В углу стоит что-то громоздкое, тщательно укутанное рогожей. Горит костер, над костром котелок… Коля Колокольчиков торопливо пьет из кружки чай и ест булку. У огня лежит большая собака.

Тимур показывает девочкам какое-то замысловатое орудие. Казенная часть его — это косой, покрытый льдом лоток, по которому уложены цепочкой круглые снаряды. Справа колесо с рукояткой. По ободу колеса широкие стальные пластинки. Это автопушка. Около нее возятся артиллеристы. Знакомя с ними девочек, Тимур называет номера расчета: замковой, наводящий, подающий, заряжающий.

— Сколько? — показывая на орудие, спрашивает Тимур.

— Проверял по часам: сто двадцать выстрелов в минуту, — отвечает замковой. — Была одна задержка — перекос снаряда. Но это вина их, — он показывает в сторону мальчишек, которые лепят снежки, — а не наша.

Замковой поворачивает круг, стальная пластинка оттягивается. Снаряд скользит по лотку и становится перед казенной частью. Пластинка с треском срывается, снаряд вылетает. На его место стал другой, потом третий, четвертый.

Целая очередь снарядов пролетает над головой Вовки, который осторожно крадется по тропке через парк. Вовка присел. А замковой в крепости дает еще несколько выстрелов, к полному восхищению Жени и Кати. Только маленькая Вовкина сестренка, не обращая ни на что внимания, опасливо смотрит на большую собаку.

Женя видит сооружение, покрытое рогожей. Хочет его приоткрыть. Но Тимур быстро задергивает рогожу:

— Простите, но этого нельзя. Это наша военная тайна.

Резкий свисток прерывает Тимура: часовой заметил пробирающегося меж деревьев Вовку. Часовой хватает снежок. Но Вовка уже за забором.

— Это сигнал, — говорит Тимур. — Теперь я попросил бы женщин с территории крепости удалиться.

Женщины — Женя и Катя — с достоинством откланиваются. Маленькая девчурка, не опуская

недоверчивых глаз, опасливо кланяется собаке.

— Послушай, — говорит Женя, — почему ты с нами так разговариваешь? Какие мы женщины? Какая территория? Какая тайна? Ты над нами смеешься!

С лица Тимура сходит суровая маска. Теперь это обыкновенное лицо задорного мальчугана, он улыбается.

— Я смеюсь, но не над вами. Мне весело. Твой брат — наш враг, и им не взять нашу крепость ни за что на свете! Что свистишь? — обращается он к часовому.

— Шпион проскочил. Вовка Брыкин.

— А Вовку надо изловить и вот на этой башне повесить! — говорит Тимур.

Но Вовка в это время уже поднимается по чужой лестнице. Немного помявшись на площадке у двери, он звонит. Высовывается здоровенный дяденька и молча ждет вопроса.

— Скажите, пожалуйста, не живет ли здесь одна девочка? — спрашивает Вовка.

Дяденька хладнокровно оборачивается и зовет басом:

— Варвара… тебя спрашивают.

Выходит очень маленькая девчурка в белом передничке, с вымазанными мукой руками. Она

отряхивает муку, потирая одной рукой о другую, и спрашивает:

— Ты ко мне, мальчик? Я занята.

— Это не то. Это с другого подъезда, — пятится Вовка и мчится вниз по лестнице.

Девчурка пожимает плечами, улыбается:

— Он меня, кажется, испугался.

Вовка останавливается перед другой дверью и звонит. Дверь осторожно отворяется. В щель просовывается рука. Рука хватает Вовку и бесцеремонно втаскивает в темную прихожую. Худенькая старушка теребит Вовку:

— Я тебя пустила на полчаса, а тебя нет два часа! Разбойник! Ты хочешь моей погибели!

— Нет, тетенька, я совсем не хочу вашей гибели, — заикаясь, лепечет Вовка.

— Ты кто? — изумляется старушка и зажигает свет.

— Я, тетенька, хотел спросить… нет ли тут у вас одной девочки!

Старушка выталкивает Вовку за дверь:

— Нет у нас никакой девочки! Хватит нам и одного мальчика!

Вовка снова пускается на поиски и звонит у третьей двери. За дверью слышна музыка. Кто-то играет на аккордеоне. Дверь распахива-

ется — перед Вовкой стоит Женя Александрова. На ней просторный длинный халат.

— Тебе что? — спрашивает Женя.

— Я хотел спросить… Не живет ли здесь одна девочка?

— Я живу. Я девочка.

— Ты? А нет ли какой-нибудь еще в другом роде? — говорит Вовка, критически оглядывая Женю.

— Девочки в другом роде не бывают, — усмехается Женя. — Девочки все в одном роде.

— Это конечно. Но я хотел спросить… нет ли у вас тут такой… покрасивей?

— Ты глуп, и что тебе надо, я не понимаю! — вспыхивает Женя, захлопывает дверь и уходит в комнату.

Там ее сестра Ольга играет на аккордеоне и тихонько поет:

Летчики-пилоты… Бомбы, пулеметы.
Вот и улетели в дальний путь…

Ольга кладет аккордеон и спрашивает:

— Женя, я не пойму: ты на Тимура сердита?

— Не знаю… Он переменился, — с горечью говорит Женя. — Что же? Разве он на самом деле командир или начальник?

— Я не знаю, как сейчас… Но большим командиром этот Тимур когда-нибудь будет… Это кто приходил?

— Приходил какой-то мальчишка, спрашивал какую-то девчонку…

Женя сбрасывает халат. На ней замечательное, в звездах, платье. Она подошла к зеркалу, надела белокурый в локонах парик с мерцающими лучами, расходящимися от светлого обруча.

Это и есть та «голубая звезда», которая так нужна Саше.

* * *

В коридоре военного учреждения перед каким-то командиром, подтянувшись, стоит Тимур. Рядом с военным молодой, еще неуклюжий призывник.

— Скажите, если человек убит, ранен или пропал без вести… об этом с фронта в письме писать можно? — спрашивает Тимур.

— Можно, но не нужно! — отвечает военный. — Об этом только после проверки и кому нужно мы сообщаем сами.

Тимур хочет еще что-то спросить, но вдруг в глубине коридора он замечает няньку, которая идет и осматривает на дверях таблички.

— Можно, но не нужно? Спасибо! — поспешно говорит он и козыряет. — Больше мне ничего знать не надо, — четко повернулся и вышел.

— Товарищ, одерните ворот, поправьте ремень, — говорит военный призывнику, показывая на уходящего Тимура. — Смотрите, как нынче мальчишки-пионеры ходят…

Тем временем нянька, найдя нужную комнату, разговаривает там с военным о Максимове.

— Значит, Степан не убит? — спрашивает нянька.

Военный сочувственно и огорченно пожимает плечами.

— Тогда он, может, в плену?

— Вряд ли. — Военный быстро поправляется: — Капитан Максимов значится пока как пропавший без вести… Дети у него есть?

— Двое.

— Вы пришли, и я вам сказал, но детям его я бы советовал пока ничего не говорить… Да и жене не надо…

— Жены у него нет… Невеста.

— Невесте я бы несколько дней подождал говорить тоже.

— Значит, без вести?

Нянька поднимает на военного свое старое

умное лицо и не то про себя говорит, не то спрашивает:

— Война?..

Военный, вставая, смотрит ей в глаза и, кивнув головой, твердо отвечает:

— Война!

* * *

Сидя за столом, заваленным ворохом бумаги, лент и лоскутков, Женя Максимова шьет маскарадное платье. Рядом в кресле сидит Саша, ноги его укутаны одеялом. Перед Сашей стоит растерянный Вовка.

— Ты подумай, она была в крепости и не хочет сказать нам ни слова! — с досадой говорит Вовка, показывая на Женю.

— Я была у коменданта как гость, а не как ваш разведчик! Понятно?

— Понятно, понятно, — сердито отвечает Саша и поворачивается к Вовке: — А что же твоя агентура?

— Моя агентура — просто дура! Я ее спрашиваю: «Что видела?» — «Собаку». — «Еще что?» — «У ней на лапах когти». — «Ну ладно, а еще, кроме собаки?» — «Мальчишек видела. На них собака не смотрит, а на меня глаза уставила и зубами

ворочает». Вот и поди с такой агентурой поработай!

— Лыжи, палки, рогожи, крюки готовы?

— Все готово. Сегодня к ночи от крепости останется один пепел!

— Я буду смотреть через окно. И если вы, трусы, опять отступите, я сам на улицу выскочу!

— Кто отступит? Мы? — Вовка протягивает Саше руку: — Считай, что крепость уже разрушена! Остались обломки… угли, дым, пепел. Вороны летают. Бродят собаки, волки… и жрут трупы…

Вовка важно уходит.

— Ой, и до чего же хвастун этот Вовка! — почти восхищенно говорит Женя.

— Женя, когда от папы последняя была телеграмма? — спрашивает Саша.

— Давно: две недели, — отвечает Женя, доставая из кармана телеграмму, и повторяет давно заученный наизусть текст: — «Ленинград, Красноармейская, 119, Максимовым. Пишите чаще, как здоров Саша. Целую. Папа».

— Пишите чаще, а сам ничего не пишет… Женя, Вовка не смог. Узнай ты, чье это окно.

— Ну как его узнаешь? Таких окон сто. А ход в тот дом с другой улицы… Ну, какая у окна примета?

— Там сидят мои голуби. Там живет такая девчонка. Она как звезда… Красавица.

— Голубь — примета летучая. Он то здесь, то там сядет. А красавиц в нашем квартале ни одной нету, — пожимает плечами Женя и, увидев вошедшую Нину, радостно кричит: — Нина, шей скорее мне платье! Скоро елка, и у всех все уже готово.

— Нина, ты моего папу любишь? — спрашивает Саша.

— Да. Очень! — просто и прямо отвечает Нина.

— Тогда найди ту девочку. Она видала письмо. Оно про папу…

— Сашенька, у тебя была температура, жар. Тебе, может быть, просто показалось?

— Нет! Это мне потом показалось… А сначала мне ничего не показалось…

— Не кричи. Смотри, какой горячий… — говорит, входя в комнату, нянька. — Дед твой был солдатом. Отец — капитан. А ты… ты, наверное, будешь генералом.

Нина внимательно вглядывается в Сашино лицо:

— Саша, у тебя глаза блестят, лицо горит. У тебя опять температура.

Пристально смотрит за окно Саша.

* * *

Вечером, в сумерках, за сараями торопливо собирается «Дикая дивизия». В воротах домов толпятся болельщики и любопытные. В одних воротах стоит Женя Александрова, в других — Женя Максимова.

В руках у мальчишек крюки, палки, веревки. На снегу лыжи. Большинство мальчишек укутано в самодельные маскировочные халаты из простыней, наволочек и передников. У некоторых на голове белые тюрбаны из полотенец. Особо великолепен Вовка. Куском материи у него закрыты грудь и живот, спина черная. В руке труба. В другой руке флаг с замысловатой эмблемой: разинув пасть, стоит на задних лапах полосатый тигр. Другой флаг развевается над башней крепости. На нем простая звезда с лучами — это эмблема Тимура и его команды.

Над часами на снежной башне опускается железная решетка. Из стены выдвигаются деревянные, покрытые льдом ворота и наглухо закрывают вход в крепость. Через одну из бойниц пристально смотрит Тимур. Рядом с ним трубач, Коля Колокольчиков. У автопушки выстроился артиллерийский расчет. Весь гарнизон наготове

стоит у стен. Все спокойны, но насторожены. В углу торчит какое-то сооружение, закутанное рогожей.

К крепости пробираются через кусты парка мальчишки «Дикой дивизии». Меж деревьев осторожно движется отряд лыжников. По пояс в снегу волокут мальчишки приставные лестницы.

Тимур повернулся, взмахнул рукой. Ребята из его команды сдергивают рогожу, под ней оказывается прожектор; он сделан из автомобильной фары. Ребята крутят колесо, и на стекло падает проволочная сетка. Прожектор поднимается над стенами. Вот блеснул яркий луч. И мальчишки, пробирающиеся через парк, падают в снег.

— Разведчик! Что же ты не узнал, что у них есть прожектор… — сердито шепчет Юрка Вовке и командует остальным: — Лежите, не шевелитесь! А ты, Вовка, беги назад, ползи, как кошка. Скажи штурмовикам и лыжному отряду, чтобы они незаметно перестроились и заходили с тылу.

Мальчишки волокут салазки. Тащат через сугробы лестницы.

Луч прожектора приближается. И снова все падают в снег. Но внезапно из репродуктора,

висящего в парке, раздается голос диктора: «Внимание! Объявляется воздушная тревога! Немедленно тушите свет и затемняйте окна!»

Луч прожектора гаснет. В темноте слышен обрадованный голос Юрки:

— Потух! Вовка, передай штурмовикам и лыжникам, чтобы шли своим прежним направлением.

— Они больше не послушают. Они ругаться будут.

Ревут гудки и сирены. В столовой у Максимовых Нина, выключив свет, торопливо опускает маскировочные шторы на окнах. В соседней комнате Саша бросается к окну и смотрит на стену дома напротив. Там быстро, целыми секциями, гаснут огни. Остается освещенным только одно окно, — и это — то самое, которое так нужно Саше.

Саша вскакивает на подоконник и распахивает форточку.

Со двора доносятся крики:

— Тушите свет!

— Чья квартира?

— Это двадцать четвертая.

А в это время в квартире у Александровых Ольга с намыленной головой стоит в ванной ком-

нате. Затрещал телефон, почти одновременно раздался оглушительный звонок в дверь. Ольга вылетает из ванной и бросается к выключателю. Свет тухнет. Саша спрыгивает с подоконника и выбегает, бормоча:

— Двадцать четвертая… двадцать четвертая…

Хлопнула входная дверь.

— Кто там? — тревожно спрашивает Нина и включает свет: шторы ведь уже опущены.

Никто не отвечает. В передней пусто. Нина бросается в комнату Саши. Саши там нет. Нина выскакивает на лестничную площадку и в страхе кричит:

— Саша! Саша!

* * *

Голос диктора объявляет отбой пробной воздушной тревоги. Дают отбой гудки и сирены.

Из крепости доносится голос Тимура:

— Огонь! Прожектор!

В панике пятится попавший под луч прожектора Вовка. Штурмовики, которые тащат крюки и лестницы, в замешательстве останавливаются. Луч прожектора медленно шарит по парку и вдруг освещает на тропинке меж сугробов Сашу, взлохмаченного, без шапки и без пальто.

Саша делает несколько шагов, но свет слепит его, и Саша, пошатнувшись, хватается за куст.

— Что за герой? — недоумевает Коля Колокольчиков. — Он идет прямо на батарею.

— Он не герой, он болен, — говорит Тимур.

— Командир с нами! — кричит в кустах Вовка. — Ура! В атаку! — И он трубит наступление.

Коля Колокольчиков в крепости трубит сигнал к бою.

— Не надо! — кричит Тимур и вырывает у Коли трубу.

Коля выхватывает из-за пояса пистолет и пускает ракету. Раздаются крики: «Ур-ра-а-а!!!» Из жерл орудий выбрасывается черный дым. Снежки вылетают из автопушки. Полоса снарядов бьет по одному из отрядов наступающих. Ослепленный прожектором и осыпаемый снарядами, отряд разбегается.

На тропке появляется Нина в легком платьице. Она в центре огня.

— Стойте! Стойте! — кричит Нина.

На тропу выскакивает Женя Максимова и сталкивается в упор с появившейся с другой стороны Женей Александровой.

— Труби отбой! Белый флаг наверх! — кричит Тимур.

— Какой отбой? — злобно восклицает Коля. — Смотри, они отступают!

— Вперед!.. Вперед, трусы!!! — кричит Саша отступающим мальчишкам.

Бросается к крепости, но оступился, зашатался и падает в сугроб.

Тимур вырывает трубу у Коли:

— Я комендант! Даю отбой! Прожектор на флаг! Белый флаг наверх! — Он трубит отбой.

В кустах Вовка, поднимая голову, говорит Юре:

— Смотри, кажется, наша взяла… Они сдаются!

Над крепостью поднимается белый флаг. Луч прожектора ползет за флагом.

— Ура! Наша взяла! Вперед! Смелее! — орет Вовка.

Со всех сторон мчатся ребята из «Дикой дивизии» на умолкнувшую крепость. Ворота крепости медленно раздвигаются. Выходит Тимур и бежит к Саше.

Нина хватает Сашу и прижимает его к себе. Женя Максимова рвет крючки, пытаясь снять шубу, но, прежде чем она успела это сделать, Женя Александрова набрасывает свою шубу на плечи Саше. При этом она говорит Жене Максимовой:

— Оставь! У тебя кофта, у меня свитер… Теперь моя очередь — пальто не в очередь!..

Ворвавшись под командой Вовки, «Дикая дивизия» громит крепость. Поленом ударяют по замку автопушки. Падает прожектор.

Коля Колокольчиков в отчаянии показывает Тимуру на крепость:

— Скажи, зачем? Что… Что ты наделал!

Он швыряет в снег трубу, ухватился за ствол дерева, плечи его вздрагивают. Он плачет.

Саша открывает глаза:

— Крепость взяли?

— Есть, командир! Взяли! — подскакивает Вовка. — Остаются угли… дым… пепел…

* * *

Утро. На разрушенных зубьях крепости сидит ворона. Над башней торчит обломок древка от флага. Внутри крепости все разворочено и засыпано золой. Валяются замок автопушки, сломанный прожектор, разбитый перископ.

Ворота крепости сорваны и прислонены к стене. На воротах — простая тимуровская звезда с лучами. Задумчиво стоит перед ней Тимур.

Сзади подходит Женя Александрова. С сожалением смотрит она на Тимура и тихонько поет:

Гори, гори… моя звезда…

Тимур обернулся. Женя насвистывает тот же мотив, потом продолжает петь, показывая на звезду:

Лишь ты одна, моя заветная…

Другой не будет… никогда.

— Зачем ты нарочно сдал крепость?

— Не говори об этом Саше. Мне от этого легче все равно не будет.

— Я с ним незнакома. А с его сестрой мы в ссоре… Глупо! Ссора нелепая. Она дочь артиллериста, я дочь броневого командира, отцы оба на фронте. Ты меня с ней помири. Я знаю, что ты с ней дружишь… Тимур, заходи сегодня ко мне вечером.

Она ушла. Тимур стоит. Ему тяжело, и он насвистывает:

Лишь ты одна, моя заветная…

Пара чьих-то глаз наблюдала за Тимуром и Женей через щель бойницы. Теперь из проломанных ворот медленно выходит Женя Максимова.

— Ты сдал крепость нарочно. Зачем ты это сделал? — говорит она.

— Твой брат был болен. Кроме того… Есть еще одна причина, но я тебе ее не скажу, Женя. Ты куда идешь?

— Я иду в тот двор. Ты не знаешь, кто живет в квартире номер двадцать четыре?

— Зачем тебе квартира двадцать четыре? — настораживается Тимур.

— Саша говорит, что там живет девочка, которая через окно видела, кто поднял письмо с фронта от папы.

— Он давно вам писал?

— А что?

— Так. У меня дядя тоже на фронте. Он редко пишет. Война — некогда.

— И нам редко… — Женя достает телеграмму. — Вот была последняя…

— Две недели. Это еще немного… Мой дядя и всего-то раз в месяц пишет, — врет Тимур.

Женя сует телеграмму за обшлаг рукава шубки. Она обрадована.

— Да? Значит, и тебе редко… Тимур, а все-таки зачем ты сдал Саше крепость?

Тимур подходит к ней вплотную, рука его трогает ее рукав:

— Так было надо. А может быть, и не надо… Нет… Надо!

При слове «надо» Тимур тихонько выдергивает телеграмму из-за обшлага шубки Жени Максимовой.

* * *

На столе перед Тимуром лежат две телеграммы. На одной написано: «Ленинград, Красноармейская, 119, Максимовым. Пишите чаще, как здоров Саша. Целую. Папа». На другой: «Ленинград, Пушкинская, 6, Тимуру Гараеву. Жив. Здоров. Поздравляю с Новым годом. Целую. Дядя».

Тимур обмакивает кисточку в пузырек с клеем, наклеивает на первую телеграмму полоску от второй. Получается: «Ленинград, Красноармейская, 119, Максимовым. Жив. Здоров. Поздравляю с Новым годом. Папа».

Затем он снимает со стены грубый брезентовый дождевик и охотничью сумку.

Через десять минут у дверей в квартиру Максимовых звонит очень странный почтальон. Он в брезентовом дождевике с накинутым на голову капюшоном, с охотничьей сумкой в руках. Щека завязана, как будто бы у него болят зубы. В руках разносная книжка.

Дверь приоткрывается на цепочке. Выглядывает нянька. Почтальон торопливо, чуть подавшись вбок, сует в отверстие телеграмму, карандаш с книжкой и хрипло говорит:

— Вот телеграмма. Распишитесь.

Нянька, расписавшись, сует ему обратно разносную книжку. Дверь захлопывается. Почтальон хочет уйти, но видит, что внизу по лестнице поднимается Женя. Испуганный почтальон взлетел этажом выше, прислонился к чужой двери и тяжело дышит.

Женя останавливается у своей двери, достает ключ. Вдруг за дверьми она слышит шум, топот и отчаянно-торжествующие крики. Женя остолбенела. Торопливо сует она ключ в скважину. Рука ее дрожит. Женя исчезает за дверью. Крик и шум усиливаются.

На площадке у дверей, прислушиваясь к этому радостному шуму, стоит очень смешной почтальон — Тимур. На его глазах слезы.

* * *

На дверях, напротив квартиры Максимовых, висит табличка: «Красный уголок». Рядом — плакат, изображающий елку и раненого красноармейца. Сверху на плакате надпись: «Слава героям!», снизу — «Добро пожаловать!».

Гремит веселая музыка. Дверь поминутно хлопает. Пробегают ребята в маскарадных костюмах. Внутри дети поспешно развертывают по стене картины и гирлянды зелени. Две девочки под-

метают пол. Нина, со сбившейся прической, в рабочем халате, командует ребятами, украшающими елку. В углу репетирует джаз. Он состоит из пятнадцати малышей, которыми дирижирует Вовка. Внезапно музыка замолкает, слышен чей-то вопль.

— Дирижер Брыкин, что у вас в оркестре за драка? — спрашивает, подбегая, Нина.

— Большой барабан поспорил с бубном. Он говорит, что крепость вчера мы не взяли. Он врет!

На лестнице слышны крики:

— Идут, едут! Приехали!..

— Приготовились, Вовка, греми! Звени! — командует Нина. — Чтобы все кружились, смеялись! Я сама с вами танцевать буду.

Оркестр грянул веселый марш.

— Но я еще не одета… Я лохматая, — спохватывается Нина и убегает.

Внизу, у подъезда, ребята подхватывают под руки приехавших на машинах раненых, помогают им подняться по лестнице. Некоторые раненые опираются на костыли.

Доктор Колокольчиков, стараясь освободиться от ребят, которые тащат его под руки, кричит:

— Молодые люди! Постойте! Пощадите! Я не раненый! Я сам доктор…

Вся лестница гудит от восторженных криков.

Саша Максимов у себя в квартире слышит эти крики и торопливо надевает валенки. Нянька накидывает ему на шею шарф. Саша его отстраняет.

— Доктор сказал, чтобы ты оделся теплее, возле елки не прыгал и через лестничную площадку не бегал, — внушает ему нянька. — Ты меня должен слушаться, как маму.

Женя подбегает к зеркалу. На ней нарядное фантастическое платье.

— Но, няня, раньше ты говорила, что он маму совсем не слушал!

— Он был маленький и ничего не понимал. А теперь он вырос и все понимает.

— Ничего он и сейчас не понимает.

— Ты, сорока, все понимаешь!

— Да, понимаю… — сквозь зубы говорит Женя и потирает шею. — Вот синяк. Мне из крепости снарядом попало. Ну, хорошо, я за это Тимура сейчас отчитаю.

— Как сейчас? — опешил Саша. — И это после вчерашнего… он придет?

— Я его позвала.

— Да… Но я уверен, что над ним все смеяться будут.

— «Я уверен… Я… я!..» — вспыхивает Женя. — Подумаешь, герой, Чапаев. А хочешь ли ты знать, что крепость вы не взяли, что Тимур сам дал сигнал отбоя, что, жалея тебя, он открыл ворота?

Саша взволнованно кричит:

— Неправда!

— Правда! Да об этом сегодня во дворе говорят все твои же мальчишки.

Саша после короткого молчания сбрасывает с ног валенки и отрывисто говорит:

— Дай сапоги.

Женя недоуменно смотрит на него и подает сапоги. Саша сбрасывает с шеи шарф и так же коротко и резко говорит:

— Ремень дай… папин…

Подтянутый, туго подпоясанный, с перекинутым через плечо ремешком, Саша входит в красный уголок и отыскивает Тимура. Тимур сдержан, Саша взволнован.

— Кто тебя об этом просил? — говорит он. — Какое тебе до меня было дело?

— Я сделал только то, что и ты был обязан сделать для меня.

— Я?.. Для тебя?..

— Да, ты для меня. Если бы, — Тимур запнулся, — у меня была беда и я был болен.

— Н-не знаю… — растерянно отвечает Саша.

— Не знаешь?.. — Тимур смотрит Саше в глаза и говорит очень твердо, как бы внушая: — Нет, знаешь! Ты сын командира, и ты своих жалеть должен.

Саша смущенно молчит. Тимур неожиданно рассмеялся. Сейчас у него очень простое, веселое лицо.

— Пойми, пусть это позже… Но когда-нибудь воевать-то будем рядом.

Все это слышит Вовка. Он застыл, подняв свою дирижерскую палочку. Потом отчаянно взмахивает ею. И джаз ударяет песню «По военной дороге». Ее дружно, весело и грозно подхватывают и ребята, и раненые.

Музыка доносится в квартиру Максимовых, где нарядная Нина торопливо причесывает волосы. Она смотрит на портрет Максимова, берет с подзеркальника телеграмму и прижимает ее к губам. Потом смотрит, и как будто змея ужалила ее в губы. Отскочила приклеенная полоска, и теперь виден прежний текст: «Пишите чаще, как здоров Саша. Целую. Папа». В полном смятении Нина комкает телеграмму.

Входит нянька. Нина, задыхаясь, говорит ей:

— Это телеграмма поддельная. Что со Степа-

ном? Вы меня обманываете?

— Как — поддельная? — Нянька как подкошенная опускается в кресло. — Значит, Степан не пришел? Не вернулся?

— Откуда? Куда? Говорите прямо. Я не девчонка.

— Дочка… оставь меня, — говорит нянька. — Я сама ничего не знаю…

Вбегает Женя и, не замечая состояния няньки и Нины, быстро тараторит:

— Нина, ну конечно, без тебя не может жить Сашка. И я не могу тоже. Весело. Очень весело! — Она удивленно смотрит на Нину и няньку. — Вы поссорились? И это под Новый год! Такой вечер! Нина, иди, тебе танцевать надо…

— Уйди, Женя. Я сейчас, я приду после…

— Хорошо, — небрежно говорит Женя, — тогда Саша сейчас сам прибежит за тобой, раздетый, через площадку.

— Кто через площадку? — рассеянно переспрашивает Нина, закрыв глаза, и, сразу опомнившись, вскакивает и бежит к двери:

— Нельзя через площадку!..

* * *

На елке веселье в полном разгаре. Тимур и Саша сидят рядом.

— Мы вам крепость восстановим, отремонтируем и тогда начнем войну сначала, — говорит Саша.

— Нет. Возьмите эту крепость себе. Это хорошая, надежная крепость, и она вам послужит еще долго…

— А вы?.. Что же у вас тогда останется?

— А мы… Мы себе найдем. — Тимур поворачивается к Коле Колокольчикову и хлопает его по плечу: — Что, старая гвардия? Мы себе найдем еще дело?

Нина, не обращая ни на кого внимания, пробирается к Саше. Кругом раздаются голоса: «Тише, тише!» Саша порывисто тянет Нину за руку и усаживает ее с собой рядом.

На эстраду выходит раненый красноармеец с забинтованной рукой. Звучит гордая музыка, и раненый поет:

Под треск пулеметов, под грохот и гул
Вставала из снега пехота.
Но самою первой навстречу врагу

Поднялась четвертая рота.
Четвертая рота второго полка,
Фланговый участок бригады…
Огонь пулемета, удары штыка,
Снаряды… снаряды… снаряды…
На серых папахах сверкает звезда.
Приказ командира короток.
Железобетонный тяжелый блиндаж
Штурмует четвертая рота.
Вперед же, товарищ! Смотри, как в огне
За все… за любовь и заботу…
Свой долг отдавая любимой стране,
Поднялась четвертая рота…

— Если бы меня пустили… приняли… — взволнованно шепчет Тимуру Саша. — Я бы пошел служить только в четвертую роту. И ты тоже?

— Нет. Я бы в пятую.

— Почему?

— Наша пятая еще лучше вашей четвертой будет! — задорно отвечает Тимур.

Саша вспыхнул, он хочет что-то возразить, но тут глаза его широко раскрываются. У дверей

в дымчатом платье со звездами, в белокурых локонах, стянутых обручем, от которого расходятся мерцающие лучи, стоит Женя Александрова.

Саша хватает Нину за руку:

— Это она! «Голубая звезда»! Пойдем спросим про письмо.

К Жене Александровой быстро подходит Женя Максимова.

Они внимательно оглядывают одна другую и вдруг разом улыбаются и берутся за руки.

— Скажи, кто тогда со снега мое письмо поднял? — спрашивает Саша.

— Кто? — Женя Александрова улыбается и повертывается к Коле Колокольчикову, но лицо у того смущенное, а Тимур строго смотрит на Женю, и в его глазах приказ: «Не говори». И, глядя в упор на оробевшего Колю, Женя отвечает: — Я того человека не знаю.

— Гей-ля-ля! — увидав Колю Колокольчикова, торжествующе кричит Вовка. — А все-таки дохлую кошку вам в крепость бросил я! — Он взмахивает палочкой, и джаз в бешеном темпе играет веселый танец.

Растерянная, подавленная, Нина отходит к окну. Опирается о широкий, заваленный игрушками подоконник и отворачивается, чтобы

никто из гостей не увидел ее слез.

Сверкает огнями елка. Мчатся танцующие пары, мелькают маски.

В сторонке, дружно разговаривая, стоят Саша, Тимур, Женя Александрова и Женя Максимова. К ним вдруг подбегает запыхавшаяся Катя.

— Стойте! Радуйтесь! — кричит она. — Вы сейчас увидите…

И в ту же минуту в дверях появляется нянька. А за ней, опираясь на палку, входит военный — шофер Коля. Нина смотрит на него почти с ужасом.

— Не бойтесь! Капитан жив, — говорит Коля, — и даже не ранен… Его в лесу нашла наша разведка. — Он протягивает оцепеневшей Нине письмо и добавляет: — Письмо запоздало, но вы ему будете очень рады…

Как завороженная берет Нина конверт. На нем адрес: «Ленинград, Красноармейская, 119, Максимовым. Для моей жены Нины». В конверте развернутая телеграмма: «Саша волнуется, почему не пишешь, все целуем. Жена Нина».

— Это ошибка, надо: Женя, Нина… — растерянно говорит Нина.

— Все правильно, — отвечает Коля. — Ваша телеграмма летала по телефону с батареи на ба-

тарею… Но капитан сказал, что ошибки нет и текст передан совершенно точно.

Коля Башмаков и Саша отходят к окну. Там, на подоконнике, среди игрушек, приготовленных для подарков, выстроились оловянные солдатики. Коля достает из кармана солдатика и ставит его на подоконник перед строем. Солдатик поцарапан, помят, но глядит весело.

Саша быстро выдвигает знаменосца, двух солдат с шашками на караул и командира, отдающего вернувшемуся солдату честь.

Коля смотрит на висящую на стене картину Нины.

— Что? Не та дорога? — смущенно спрашивает Нина.

— Прямо скажу, не обижайтесь: дорога не та. Круче повороты. Тверже люди. — Коля кладет руку на плечо раненому, который пел песню четвертой роты, и показывает на картину: — Не знаю, что они там поют, но, наверное, это мелодия для боя совсем неподходящая. Так ли я говорю, мой неизвестный товарищ?

— Я знаю сама. Я нарисую другую…

— Хотите, я вам дам идею? — улыбается Женя Александрова. — Нарисуйте вот их. — Она показывает на Сашу, Колю, Юрку, Тимура. — У них

каждый день мелодия самая боевая!

Вовка подбегает и быстро просовывает свою голову между Сашей и Колей.

— Да, но только не рисуй, пожалуйста, этого кошкометателя и пролазу Вовку, — поспешно добавляет Женя Максимова.

Тимур кладет Вовке на плечо руку:

— Почему? Ты погоди. Он будет славным гранатометчиком.

— Ну, если… так говорит бывший комендант самой лучшей снежной крепости, — разводит руками Женя Александрова, — то это будет совершенно точно.

* * *

Сверкает елка. Звенит веселая музыка. Кружатся вокруг елки в танце дети.

И вот через эту блестящую елку под нарастающий гул проступает другая — большая черная ель на снежной поляне. На нижних ветвях ее висят два котелка, три винтовки, белый халат, сигнальный флаг.

Чуть правее ели стоит батарея.

Командир поднимает руку — раздается залп.

Командир смотрит в бинокль и видит, как из снега встала и пошла пехота. Идет твердым ша-

гом. Он снова поднимает руку — могучий залп. Командир быстро поворачивается. У него простое, энергичное, чуть усталое лицо; сдернув перчатку, он вытирает оборотной стороной ладони влажный лоб.

Это капитан Максимов.

* * *

Последний раз перед зрителем возникает стройная снежная крепость. Над крепостью развевается флаг нового гарнизона.

Войско Саши у стен крепости прощается и с почетом провожает куда-то уходящее на лыжах войско бывшего коменданта Тимура.

Клятва Тимура (Киносценарий)

Слава

Обложка детиздатовской книги «Тимур и его команда». Книгу держит Коля Колокольчиков. Заикаясь и показывая на книгу, он говорит Квакину:

— Не люблю, когда врут! Здесь написано, что когда ты был хулиганом, то я стоял перед тобой бледный. Я никогда ни перед кем не стоял бледный. Это не в моем характере…

Квакин (добродушно):

— Ты стоял весь красный и языком лизал губы. Но вот нос у тебя, кажется, действительно был бледный…

Колокольчиков (обидчиво):

— Нос — это не я. Я… (Делает энергичный жест.) Это вот!.. Вся натура!.. (С досадой.) И художник также нарисовал непохоже: Тимур совсем не такой. (Показывает на обложку книги.) И уж никак

не такой! (Тычет пальцем на прикрепленный к стене рекламный киноплакат.) Тимур вот. (Разворачивает номер районной газеты с портретом Тимура.) Стоит прямо! Нос кверху! Смотрит гордо! Уж если кто в кино и был похож, так это ты да Женя…

Гейка снимает трубку телефона и говорит:

— Да… слушаю!

Над его столиком на картоне надпись:

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Внутри чердака все прибрано, механизировано и модернизировано. От прежнего загадочного беспорядка нет и следа. Вместо чурбаков стоят ветхие стулья. На стенах надписи:

СОРИТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ, НЕ БОЛТАЙСЯ БЕЗ ДЕЛА

Штурвальное колесо с протянутыми от него проводами.

Над ним тоже надпись:

БЕЗ ПРИКАЗА НАЧАЛЬНИКА ПОДАВАТЬ ОБЩИЙ СИГНАЛ ВОСПРЕЩЕНО

Гейка (недоумевая):

— Слушай, Симаков. Но ведь мы этой старухе только вечером наполнили двадцативедерную бочку. Что ей, в воде купаться, плавать? (Слушает.) Ах, это не ей… соседке… (Берет карандаш, бумагу.) Хорошо. Чей дом? (Готовится записать, но останавливается и говорит.) Дом двоюродной сестры красноармейца Муштакова… (С досадой.) Ну, знаешь… то двоюродная сестра, то троюродная тетка! (Подумав.) Принесите ей ведра четыре. Мы, в конце концов, не водовозная команда…

Положив трубку, зевнул. Смотрит в окно. Заинтересовался.

Через окно: поляна, площадка, играют ребята в волейбол…

Раздается звонок.

Гейка сердито плюхается в рваное кресло, хватает трубку, слушает, потом нехотя отвечает:

— Ничего нового. Все старое. (Выглянув в окно.) Вот идет почтальон, несет почту. Прикажете вскрыть или оставить до вашего прихода?

По узкой тропке между кустов идет почтальон. Общий вид сарая с флагом над крышей. Подошел почтальон к сараю. Крупная надпись:

ШТАБ КОМАНДЫ

Почтальон опускает письмо в висячий фанерный ящик.

Дергает ручку. Раздается звонок.

И почти одновременно ящик с письмами по веревке ползет наверх.

По дачной улице с портфелем идет Тимур.

Он шагает прямо, пожалуй, даже преувеличенно деловито. За ним с прохладцей, вразвалочку идут Артем и Юрка.

У поворота, в кустах за забором, — подозрительная четверка ребят вместе с их вожаком Фигурой. Вдруг четверка насторожилась: шагает Тимур.

Четверка слегка попятилась к забору, ребята принимают рассеянно-равнодушный вид. Один из них торопливо прячет за спину окурок.

Увидав ребят, Тимур остановился.

Сопровождающие его Артем и Юрка мгновенно подтянулись: не будет ли боя?

Но Фигура несколько иронически и в то же время опасливо стягивает с головы картузишко и, кланяясь, говорит:

— Знаменитому капитану почет и уважение…

Ничего не сказав, Тимур повернулся, шагнул, и опять вразвалочку двинулись за ним сопровождающие.

Выпятив грудь и скорчив гримасу, передразнивает Фигура тимуровскую походку и показывает ему вдогонку кулак.

Тимур оборачивается.

Фигура быстро делает вид, что эта гримаса относится к одному из его приятелей.

С полными ведрами наперерез Тимуру выскакивают Симаков и Левка.

Тимур (останавливая их):

— Почему днем? Почему не ночью — тайно?

Симаков (со вздохом):

— Тайно больше ничего не выходит. Вот вчера — темно, тихо. Мы с ведрами во двор, а нам из окошка (передразнивает): «Ребятишки, назад пойдете, калитку затворите… Вы что же, не могли поспеть пораньше?» (Тимуру, нерешительно.) Тима, давай наплюем на воду.

Тимур (недоуменно):

— То есть как это — наплюем на воду?

Симаков (запинаясь):

— Ну, конечно, не сюда… не в ведра, а вообще… (Уходит.)

Тимур:

— Вообще надо делать то, что тебе приказано! Кончишь работу, приходи к штабу. (Уходит.)

Бунт

Чердак. Звуки далекой военной музыки. Квакин и Коля Колокольчиков высунулись из окна и слушают. Гейка стоит не шелохнувшись. Музыка обрывается. Гейка поворачивает голову к большой карте Европы. Лицо его сосредоточенно, губы что-то шепчут.

Тимур за столом читает письма. Что-то прочел. Горделивая улыбка на лице Тимура. Он зовет:

— Гейка!

Гейка (не отрываясь от карты и не очень охотно):

— Есть Гейка.

Тимур:

— Иди сюда… Читай письма.

Гейка (не оборачиваясь):

— Знаю не читая: «Дорогой Тимур, нам очень понравилось все, что написано о вашей команде

в книге. Ответь, пожалуйста, правда ли все так было или кое-что присочинил писатель». Дальше хвалят тебя и ругают Квакина.

Квакин (оборачиваясь):

— Ой! Как будто нет хуже людей, чем этот Квакин… Тимур, Гейка угадал точно?

Тимур (несколько сконфуженно):

— Точно. (Прислушивается.) Кто свистит?

Женя (просовываясь в дверь чердака):

— Это я. Тимур, что за безобразие?..

Сует ему в руку маленькую районную газету с портретом Тимура.

Тимур (сконфуженно):

— Это действительно безобразие. Я вовсе никого не просил об этом.

Женя (тыча пальцем в портрет):

— Это не безобразие, хотя тоже безобразие. Но я не на это, а вот про это…

Внизу, под портретом, подпись:

«Пионеры обещают колхозу помочь прополоть огороды. Будут организованы две бригады — одна Гейки Рохманова, другая Жени Александровой».

Женя:

— Кто обещал? Я ничего не обещала. Я тебе сказала, что полоть не умею. Я повыдергаю их с хвостами подряд все, что нужно и не нужно.

(Запнулась.) Кроме того, если я буду копаться в земле, у меня засохнут пальцы, и Ольга не будет учить меня играть на аккордеоне…

Тимур:

— Это, конечно, самое главное! (Оборачивается и удивленно смотрит на подошедшего Гейку.) Ты что? Может быть, ты отказываешься тоже?

Гейка:

— Да! Щипать траву — это девчачье, а не наше, мужское, дело…

Тимур:

— А какое дело наше?

Гейка (вызывающе):

— Уже говорил. Наше дело — бой и строй… Перр-вая рота, напрраво! (Иронически.) А ты скоро заставишь меня щипать кур и вязать кружева для подушек!

Женя (обозлившись на Гейку):

— Очень глупо… «Девчачье»! Подумаешь, какой воин! (К Тимуру.) Что ты на меня уставился? Все равно ты ничего не видишь! (Горько.) Ты не видишь, что над тобой смеются. (Показывает на надписи и обстановку чердака.) Начальник! Кабинет!.. Телефон!.. «Не курите… Не сорите…» Ты загонял всех ребят своими приказами, а сам сидишь (швыряет газету) и любуешься своими

портретами!

Тимур бледен.

Он дышит тяжело. Он старается сдержаться и отрывисто, но еще пытаясь улыбнуться, говорит:

— Женя, что ты говоришь? Уйди! И сначала подумай… (Берет ее за руку.)

Женя (запальчиво):

— Была команда. Было весело. А теперь тоска. Бухгалтерия. Обыкновенная контора.

Тимур (в бешенстве):

— Контора?! Иди! Уходи прочь! Играй на своей перламутровой гармошке, белоручка…

Женя (сощурив глаза):

— Я… я белоручка… а ты… ты зазнавшийся барин! И это скажет тебе вся команда.

Она вырывает свою руку и одним прыжком подскакивает к штурвальному колесу, над которым крупная надпись:

БЕЗ ПРИКАЗА НАЧАЛЬНИКА ПОДАВАТЬ ОБЩИЙ СИГНАЛ ВОСПРЕЩЕНО

Тимур кричит:

— Оставь! Не тронь! Пустая девчонка!

Женя поспешно и резко поворачивает тяжелое штурвальное колесо.

Снаружи вздрогнули и натянулись веревочные провода.

Где-то под крышей чужого сарая грохнули жестянки… Звякнули бутылки… Затрещал сломанный будильник…

Чердак… Тимур возле Жени. С силой хватает ее за руку.

Внезапно перед Тимуром появляется Квакин. Он не дерется, а только отрывает Тимура от Жени и взволнованно говорит:

— Ты оставь… Ее ты не трогай.

Тимур рванул колесо… Что-то треснуло… Колесо упало. Звякнули еще раз под крышами бутылки, звякнули, упали и разбились. Бегут через пролазы заборов, через сады мальчишки.

Сад около сарая. Много ребят. Шум, свист, беспорядок. Заметно, что толпа делится на группы.

Квакин стоит, охраняя Женю.

Один из мальчишек пытается дернуть ее за косу и тотчас от тычка Квакина летит на траву.

Востроносая загорелая девочка Нюрка кричит Жене:

— Ты заграничная барышня, нарядная кукла… Ты все хочешь делать только по-своему!

Группа Гейки стоит против маленькой группы Симакова. Тимур идет к Гейке и на ходу говорит:

— Поднимай, собирай, бунтуй! Ты карьерист, а не пионер и начальник штаба.

Коля Колокольчиков подбегает сзади и в страхе кладет Тимуру руку на плечо.

Тимур, не оборачиваясь, отталкивает Колокольчикова. Коля отлетает прочь и горько, обиженно кричит:

— Так я же за тебя… Это ты своих? Своих-то!

Он отходит за деревья. Останавливается. Отворачивается. И кажется, плачет.

Тимур и Гейка.

Тимур:

— Ну?

Гейка:

— Ну?

Тимур:

— Не сошлись?

Гейка:

— Не сошлись!

Квакин (успокаивая взволнованную Женю):

— Мы соберем свою компанию… Подадимся в лес, на озера… собирать грибы, ловить рыбу… А какие места я знаю! Какие рощи!

Тимур и Гейка.

Тимур:

— Итак?

Гейка:

— Итак!

Тимур:

— Разошлись?

Гейка:

— Разошлись!

Тимур срывает надпись «Штаб команды» и бросает на землю:

— Так пусть же сюда никто… Пусть здесь ничего не будет!

Гейка командует своей группе:

— Пер-р-рвая рота, напр-раво!

Ребята довольно дружно поворачиваются.

Гейка (оборачиваясь):

— Так помни, Тимур!

Тимур:

— Помни, Гейка!

Ему тяжело. Он поднимает голову и видит Женю, которую уводит за руку окруженный своей группой Квакин.

На мгновение Женя оборачивается, она делает какое-то движение, как бы пытаясь пойти навстречу Тимуру.

Но ее закрывают, торопят…

И, опустив голову, Тимур быстро уходит в чащу кустов. За ним уходят Симаков и еще несколько

ребят.

Пусто на поляне перед сараем.

Выходит из-за деревьев заплаканный Коля Колокольчиков. Он смотрит на провисшие веревочные провода, на сорванную фанерную надпись «Штаб команды» и говорит:

— Разошлись… Все в разные стороны.

Потом совсем тихо, удивленно заканчивает:

— А какая была команда! (Пауза.) Какие люди!

В разные стороны

Река. На берегу Тимур. В руках у него дешевенький клеенчатый портфель. Сидя на траве, он расстегивает портфель, просматривает какие-то бумаги, развернул газету. Там его портрет, а под ним: «Ребята-пионеры обещали помочь колхозу…»

В гневе комкает Тимур газету, собирает охапкой бумаги, запихивает их обратно в портфель, вскакивает и швыряет портфель с обрыва в речку.

Шлепнулся портфель в воду. Рассыпались и поплыли по реке бумаги.

Плывет по реке лодка. Сидят в лодке Женя, ее подруга Таня. На веслах Квакин. В руках у девочек большие букеты полевых цветов. На голове у Жени венок.

Квакин (обращаясь к Жене):

— Когда я был хулиганом…

Женя:

— Врешь! Никогда ты не был хулиганом…

Квакин (обиженно):

— Был. Спроси у кого хочешь. Мы не только по садам шныряли… Были дела и почище.

Женя (хладнокровно):

— Все равно врешь. Не такое у тебя лицо. Нос не такой. Хулиган должен быть — вот… вот… и вот… (Делает три энергичных движения и гримасы.) А у тебя — вот… вот… и вот… (Делает три глуповато-добродушные гримасы.)

Квакин (обиженно):

— Очень странно! Как это не был, когда был? Конечно, у некоторых выражение бывает вот! (Делает надменное лицо, по-видимому передразнивая Тимура.) Но о них, мне кажется, вспоминать совсем некстати.

Женя (просто):

— Я, Миша, никого не вспоминаю…

Она сняла венок с головы, опустила его в воду. Плывет венок. Плывут корабликами белые тимуровские бумажки.

Сарай. Над ним флаг.

На чердаке разгром. Все развалено и растащено.

Поклевывая крошки, воркуют голуби. Вдруг

голуби взлетают.

Из темного угла чердака показывается Тимур. Он подходит к столбу, развязывает веревки, опускает флаг команды — звезду с четырьмя расходящимися лучами — и бережно прячет за пазуху. Еще раз оглянулся. Разор, разгром.

Спрыгнул Тимур с чердака и наткнулся на Колю Колокольчикова.

Тимур:

— Ты что?

Коля (заикаясь):

— Мы тебя ищем. Мы тебя ждем. Мы будем с тобой…

Тимур (обрадованно):

— Кто мы? Где ждете?

Коля (показывая на кусты):

— Ну, мы… народ… люди…

Быстро раздвигает Тимур кусты и видит: на поляне сидят Симаков, маленькая востроносая Нюрка (которой Тимур когда-то вернул козу), за руку она держит круглоголового братишку.

Тут же стоит белокурая шестилетняя девчурка (дочь убитого лейтенанта Павлова). Она держит в руках фанерного зайца.

Улыбка скользнула по губам Тимура. И он говорит:

— Гей, люди, люди! Чего вы от меня ждете? Теперь я больше никому не начальник.

Белокурая девчурка молча протягивает Тимуру фанерного зайца. Тимур берет девчурку на руки и, неловко улыбнувшись, говорит:

— Ну что же, люди! Будем начинать жить сначала.

Поле, огород.

Жарко палит солнце. Видны согнутые спины женщин, занятых прополкой.

Тимур босой, одет во все старенькое. На голове плохонькая кепка. Руки его черны. Локтем вытирает он лоб. Он берет с грядки кувшин с водой, пьет и затем через борозду передает его Коле Колокольчикову, который, стоя на коленях, выпалывает траву.

На Коле широкая дырявая шляпа из соломы. Глотнув воды, он передает кувшин дальше.

На этом участке работает всего человек десять мальчиков и девочек.

Возле маленькой загорелой растрепанной Нюрки сидит ее большеголовый братишка и тычет пальцем в какую-то букашку.

Поднялась, перепрыгнула Нюрка через грядку и, остановившись возле работающего Тимура, объясняет:

— Ты хватаешь лебеду одной рукой; бери двумя сразу. (Показывает.) А полынь не тяни за стебель, запускай пальцы в землю, дергай под корень.

Тимур:

— Хорошо, понятно!.. Я свою гряду окончу, приду к тебе на помощь.

Нюрка (удивленно):

— Да я в два раза скорее тебя окончу. Эту работу я знаю. Это тебе не колесо крутить. (Показывает.) Трын… брынь… зазвенело!

Она перепрыгнула к Коле Колокольчикову, сразу что-то заметила и наклонилась:

— А ты, дорогой, рассаду выдернул да и пхнул назад без корня в землю! Бригадир придет — стыдить будет. А меня бабка раньше за такие дела по ногам крапивой.

Раздается удар о подвешенный железный рельс — это перерыв. Кончают работу взрослые женщины.

На ребячьем участке Коля встает, пробует выпрямиться, гладит свою поясницу.

Медленно, вытирая лбы, поправляя сбившиеся волосы и отряхиваясь от земли, выходят на межу и садятся рядышком на траву мальчишки и девчонки.

Высоко в небе летят самолеты.

И как сидят ребятишки по меже, так, не сходя с места, один за другим ложатся спиной на траву и смотрят в небо.

Летят самолеты.

Нюрка (лежа возле Тимура):

— Далеко полетели?

Тимур:

— Не знаю.

Нюрка:

— Это простые или военные?

Тимур:

— Военные…

Нюрка:

— А война будет?

Тимур:

— Говорят, будет…

Нюрка:

— Нам что!.. Нас не возьмут… Нас это дело не касается…

Откуда-то из-под лопуха возмущенный голос Колокольчикова:

— Как не касается?! А еще пионерка! Это всех касается.

Нюрка (равнодушно):

— Сиди! Ты капусту зачем в грядку без корня втыкнул?.. А тоже — касается!..

Мужской голос:

— Здорово, ребята!

Все вскакивают и опять сидят на меже рядом.

Мужчина:

— Кто у вас тут старший?

Коля Колокольчиков (показывая на Тимура):

— Он старший… А она (на Нюрку) вроде как бы ученый специалист по капустной части.

Мужчина (Коле):

— А ты кто?

Коля (задорно):

— Я рядовой пионер, товарищ председатель. Чин небольшой, но весьма почетный…

Раздается удар молотка о рельс. Все поднимаются.

Мужчина (приглядываясь к измазанному, плохо одетому Тимуру):

— Ты Тимур?

Тимур (не очень охотно):

— Да… Тимур…

Мужчина (оглядывая небольшую кучку ребят):

— Почему же народу пришло так мало? Я слыхал, что у вас ребят много…

Тимур (горько):

— Все пришли… (Отворачиваясь.) Остальные… заняты, товарищ председатель.

Слышна громкая команда:

— Рота, кругом!

И видно, как на зеленой площадке у забора, возле которого сидит на лавочке старуха, человек двадцать ребят маршируют строем.

Гейка командует:

— Рота, стой!

Остановились ребята.

Гейка командует:

— Ложись!

Легли.

Гейка:

— Вставай!

Встали.

Гейка:

— Ложись!

Легли.

Гейка:

— Вставай!

Встали.

Гейка очутился рядом с сидящей на скамейке старухой.

Старуха поднимается. У ее головы на калитке вычерчена углем пятиконечная звезда — знак тимуровской команды.

Старуха спрашивает у Гейки:

— А что, сынок, разве воды в бочку вы мне и сегодня не принесете?

Гейка смутился, отвернулся и командует:

— Стоять смирно! Не шевелись! Вы кто? Военная рота! Ваше дело — строй, бой! (Меняя голос.) За мной, ша-агом марш!

Дружно топнули за Гейкой ребята.

Гейка, оборачиваясь к старухе, хмуро вполголоса говорит ей:

— Нет, мамаша, воды больше никому не будет.

Вдоль забора по аллейке идет усталый, измазанный Тимур. Он тащит два ведра с водою, за ним следом двумя руками тащит одно ведро Нюрка.

Слышен мерный, ровный топот и команда: «Ать… два… ать… два…»

Из-за поворота во всю ширину аллеи прямо навстречу Тимуру ведет свой отряд Гейка.

Увидал Тимура. Увидал усталую, немного смешную фигурку обтрепанного, чумазого Тимура.

У всей первой шеренги отряда удивленные лица.

Гейка (сурово):

— Ать… два… ать… два!

Отряд идет прямо на Тимура.

Тимур оборачивается и видит, что Нюрке нести

ведро трудно. Тогда он продолжает идти не сворачивая.

Большой отряд и Тимур с маленькой Нюркой сближаются почти вплотную.

Гейка не выдерживает и зло командует:

— Пол-оборота на-пра-во!

Отряд сворачивает и обходит Тимура и Нюрку.

Гейка (зло, но почти с восхищением):

— Упрямый… черт! (Кричит.) Пол-оборота нале-во!

Тимур, продолжая идти, говорит Нюрке насмешливо, но удовлетворенно:

— Кутузов! Барклай де Толли… Эк он команду рявкнул!

Музыка аккордеона.

На террасу поднимается полковник Александров. Аккордеон внезапно смолкает. Навстречу отцу выскакивает Женя. За ней — Ольга.

Женя бросается отцу на шею, виснет, болтает ногами и, счастливая, ревниво отталкивает Ольгу.

Ольга:

— Женька!.. Папа, что она меня к тебе не пускает!

Женя:

— Папа, ты как… ты к нам почему?

Отец:

— А что? Разве ты мне не рада?

Женя:

— Рада. Но ты говорил: нельзя… Тебе всегда некогда… (Смотрит на отца.) Папа, почему у тебя было три шпалы, а стало четыре? Ты теперь полковник? А ты генералом будешь?

Ольга (мягко обнимая отца и отталкивая Женю):

— Нет, не будет, потому что ты оторвешь ему голову или свернешь шею. Папа, ты к нам надолго?

Отец:

— Надолго!

Женя (обрадованно):

— О, как давно ты не приезжал к нам надолго!

Она не знает, как услужить отцу: хватает его фуражку, кладет ее на подоконник, берет из его рук плащ, полевую сумку. Ведет за руку в комнату, заглядывает ему в лицо и бормочет:

— Тебе будет с нами хорошо… (Оглядывается.) Ты будешь спать в моей постели… (Показывает.) Здесь мягче… А я лягу вот на этом диване. (Садится на диван.)

Широкоплечий полковник смотрит на ее тоненькую легкую кровать с кружевными обор-

ками и, улыбнувшись, говорит:

— Нет, дорогая, уж лучше на диване я лягу.

И сел с ней рядом. К ним подсаживается Ольга.

Полковник, освобождая Ольге место, берет с дивана книгу и, заглядывая в нее, спрашивает:

— Как дела с твоей железобетонной специальностью?

Ольга (со вздохом):

— Папа, завтра я должна уехать в город, у меня консультация. Из города я вернусь только послезавтра к обеду. (Торжествующе.) Но зато в понедельник у меня последний экзамен!

Утро. Яркое солнце. На веранде за чайным столом сидит полковник. Он в простой белой рубашке. Ольга ставит на стол завтрак. Она готовит яичницу, подчитывает учебник и укладывает свои книги и вещи в чемоданчик.

Женя подхватывает с середины стола тарелки с едой, пододвигает их вплотную к стакану отца, и вот на столе перед ним не остается и сантиметра свободного места.

Ольга подает еще тарелку. Женя хватает ее и ставит вторым этажом (больше некуда) на молочник.

Отец, оглядевшись, отодвигает посуду:

— Постой… постой! Ты меня совсем посудой за-

давила. Я не голоден. Я приехал из богатого края.

Женя:

— А из какого?

Отец (хитро покосившись на дочь):

— Спрашиваешь? А что не скажу — знаешь.

Женя:

— Папа, а там еще войска есть?

Отец:

— Есть.

Женя:

— Но лучше твоего танкового полка уж, наверное, нигде нету. Я так давно решила!

Отец (добродушно):

— Ну конечно, если ты так решила, то тогда нету.

Женя:

— А если бы сам нарком?..

Отец:

— Он? Он бы, вероятно, еще подумал.

Женя (со вздохом):

— Я не могу думать! Я уже сказала об этом всем своим друзьям и подругам.

Отец:

— У тебя друзей много? И конечно, из них Тимур первый?

Ольга:

— Ну как же… Женя, почему его и вчера и сегодня не видно?

У Жени растерянное лицо.

Отец (поддразнивая):

— Что же ты так вспыхнула? А я его по пути с другой девчонкой встретил… (После паузы, успокоительно.) Он был чумазый, и они несли в ведрах воду. Ты его позови сюда, Женя.

Женя встала. Она, по-видимому, хочет что-то сказать отцу, но Ольга не так поняла ее движение и остановила:

— Женя, погоди, не сейчас. Папа приехал надолго, и ты еще Тимура сто раз позвать успеешь…

Женя (вспыхнув):

— Я?.. Позвать… Ты ничего не понимаешь!

Полковник посмотрел на Женю.

На глазах у нее слезы.

Полковник:

— Женя, что с тобой?

Она быстро проводит пальцами по ресницам и говорит задумчиво:

— Ничего! Папа, на земле все говорят: «война и война…» Папа, посмотри, какое небо голубое! Мы будем ходить в лес… на речку… купаться… кататься на лодке… и ты будешь не полковник, не рабочий, не служащий, а просто папа. (Пыт-

ливо заглядывает ему в глаза.) Так не бывает? Ну, хорошо, пусть ненадолго, только на один месяц. Мы будем жить весело. Если у тебя есть деньги, ты подари мне патефон, мы будем заводить марши, танцы. Папа, я что-то говорю… говорю… а сама знаю, что это глупости. Но мне хорошо, и я при тебе не могу говорить иначе.

Ольга (укоризненно, отодвигая стакан):

— Женя, когда ты так говоришь, я не могу пить чай. Вот видишь, и папа ничего не ест тоже. Ты говори что-нибудь поспокойнее и попроще.

Женя (зажмуриваясь):

— Ах, это просто! Это все очень просто!..

Отец (меняя тему разговора):

— Мы попьем чаю, проводим на вокзал Ольгу и пойдем гулять. Ты покажешь мне ваш сад, ваш штаб, ты позовешь Тимура.

Женя (опять растерявшись):

— Его, наверное, дома нет. Они в колхозе на работе.

Отец (добродушно):

— А ты почему не на работе?

Женя (совсем растерявшись):

— Я… не знаю… там, наверное, уже есть люди… и больше туда не нужно.

Полковник (заглядывая Жене в лицо):

— Ты что-то краснеешь, путаешься. Женя, сядь и скажи мне правду.

Тропкой по роще-парку возвращаются с работы Тимур, Нюрка и ее маленький братишка. В руках у них прополочные тяпки.

В лесу слышен далекий свист.

Тимур (передавая Нюрке свою тяпку):

— Ты иди, а я пойду напрямик (показывает) рощей…

Нюрка:

— Завтра на работу опять в то же время?

Тимур:

— И завтра, и послезавтра. Людей у нас теперь мало, а что обещано, то будет сделано. (Взглядывает Нюрке в лицо.) Почему у тебя на носу ссадина?

Нюрка (беспечно):

— Эка беда, ссадина! Кабы на ноге или руке… А я не носом работать буду.

Тимур скрылся в кустах.

Нюркин братишка-малыш (показывая палец):

— А у меня, Нюрка, на пальце царапина.

Нюрка (добродушно):

— И тебе не беда. Ты все равно большой лодырь… (Насторожилась.)

В роще повторяется свист.

Тимур выходит на маленькую поляну. Окрик:

— Стой!

Тимур остановился.

Его окружает шайка под командой Фигуры.

Фигура:

— Ну, теперь мы тебе покажем!

Тимур смотрит на Фигуру и, пожав плечами, свысока спрашивает:

— А что ты, Фигура, со мной можешь сделать?

Фигура (озадаченно):

— Как что? Мы тебя изобьем по чем попало.

Тимур (после паузы):

— Бей! Но до смерти ты меня не заколотишь. А наши узнают, и тебе самому спуска не будет.

Фигура:

— Врешь! У тебя больше нет команды! Ваша команда кончилась, разлетелась... Теперь опять мы — сила!

Тимур:

— Кончилась? Разлетелась? Это наше, а не твое дело. Ну, бей! Видишь, я уже и глаза зажмурил.

Фигура (после колебания — ударить Тимура или нет, говорит грозно и удивленно):

— У тебя две жизни или одна? Ты со мной как разговариваешь? О чем думаешь?

Тимур трогает Фигуру за рукав и совсем неожи-

данно спрашивает:

— Фигура, ты стихи любишь?

Фигура (вылупил глаза, удивлен до крайности):

— Чего-о?

Тимур:

— Стихи. Ну вот, например:

Отец, отец! Дай руку мне…

Ты чувствуешь – моя в огне.

Знай, этот пламень с юных дней,

Таяся, жил в душе моей…

Скажи, Фигура, у тебя пламень в душе есть?

Фигура (опять вылупив глаза):

— Чего-о? Я тебя еще раз спрашиваю: ты когда со мной говоришь, о чем думаешь?

Тимур (продолжает):

Имел одной он думы власть,

Одну, но пламенную страсть…

(Деловито.) Вы меня бить будете? Так бейте, не задерживайте! (С досадой.) А то вам зря шататься, а мне завтра чуть свет на работу!..

Фигура (после долгого колебания, зло):

— Иди к черту!

Тимур:

— Прощай, Фигура… Стихи я тебе потом дочитаю… (Уходит.)

Повернувшись к ребятам и кивнув головой в сторону ушедшего Тимура, Фигура говорит:

— Вот упрямая порода! Что это он там бормотал? (Надвигаясь на одного из мальчишек.) А у тебя есть в душе пламень?

Мальчишка (гордо):

— Нет… этого нету…

Фигура (горько и зло):

— Вот то-то и есть, что нету!

Новые времена

Ровным строем катит по дороге к парку отряд мороженщиков.

Идет по дороге к парку отряд бутербродно-конфетных лоточниц.

Широкая, врезавшаяся клином в лес поляна с островками густой зелени. На пятитонке играет, поблескивая медными трубами, оркестр духовой музыки.

Кружатся танцующие пары.

Сквозь просветы между громоздкими белыми облаками светит солнце.

По опушке под деревьями и кустарником расположились веселые отдыхающие группы.

От опушки к чаще кустов, в тень, осторожно подъезжает легковой ЗИС.

Выскакивают из него с кульками, с провизией, с сумками взрослые и ребята.

Мимо ЗИСа идут полковник Александров и Женя.

Женя (неуверенно):

— Я… я думаю, что Тимура здесь нет… Они, наверное, опять на работе.

Полковник:

— А ты завтра пойдешь на работу?

Женя (отрицательно мотает головой):

— Нет. (Пауза.) Если они там, я к ним пойду сегодня.

На пне под кустом стоит патефон.

На траве, на скатерти, закуска. Тут же, прислонившись к дереву, сидит задремавший дедушка.

Молодой человек призывного возраста (наклонившись к молодой девушке):

— Идем! Мы только немножко потанцуем и вернемся обратно.

Девушка:

— Да, но тогда нужно разбудить дедушку.

Стоя напротив, они берутся за руки и, счастливо улыбаясь, смотрят в глаза друг другу.

Хруст шагов — и, испуганно разжав руки, они прячут их за спину.

Невдалеке показались полковник Александров и Женя.

Женя (прижимаясь к отцу):

— Папа, а ты мне патефон подаришь?

Полковник:

— Сказано.

Женя:

— Слово?

Полковник:

— Слово!

Женя (лукаво):

— А какое? Бывает слово пионерское, советское, комсомольское, красноармейское…

Полковник (полушутя):

— Мое — бронетанковое.

Женя (удовлетворенно):

— О! Это, конечно, тяжелое и верное слово!

В тени дерева около машины стоят два бледных человека… Один из них, напряженно слушая радио, машет рукой в сторону духового оркестра.

Оркестр продолжает играть.

Около ЗИСа стоит уже человек двадцать… Подбегают еще люди… И уже многие отчаянно машут оркестру руками. Но дирижер стоит спиною, он не видит, и оркестр продолжает играть. Ближайшие танцующие пары, обрывая танец, бегут к ЗИСу.

Кто-то дернул дирижера за ногу. Он останавливается, на его лице недоумение.

Он растерянно машет рукой, музыка стихает.

В лесу молодой человек призывного возраста и девушка. Он говорит ей решительно:

— Идем! Мы только немного потанцуем и придем обратно.

Девушка:

— Да, но тогда нужно подойти и разбудить дедушку…

Молодой человек озорно подкрадывается к патефону, поднимает мембрану и пускает пластинку.

Дедушка открыл глаза, улыбнулся и увидел, как счастливая пара выскочила на поляну и, чем-то пораженная, остановилась.

Перед ними безмолвно замершая поляна. Все, сколько ни есть людей, стоят не шелохнувшись лицом к ЗИСу.

Голос наркома из репродуктора:

«…Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города…»

Тревожный лязг металла о железный рельс.

Голос наркома продолжает:

«…Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие…»

…Рука с молотком тревожно бьет по рельсу.

Огород позади села.

Быстро поднимают головы женщины-полольщицы. И на тревожный звон бегут к селу.

Тимур, Нюрка, Симаков и другие ребята вскакивают с земли.

Тимур:

— Это не на обед… (Недоуменно.) Я не знаю, что это значит!

Нюрка:

— Это, наверное, пожар… Бежим… бежим… ребята!

Перескакивая через грядки, они мчатся к взрослым, бегущим к селу.

Опять поляна. Безмолвная толпа.

Голос наркома:

«…Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось…»

Село.

Перед репродуктором в толпе колхозников стоят Тимур и Нюрка.

Голос наркома:

«…Советским правительством дан нашим вой-

скам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины…»

Глаза Тимура становятся все шире и шире, и, не глядя, он прижимает к себе маленькую перепуганную Нюрку.

На столе календарь:

Воскресенье. 22 июня 1941 года.

Рядом с календарем лежат крепкие командирские пояс, ремни, полевая сумка и револьвер в кожаной кобуре.

Полковник Александров (одергивая надетые ремни) старается говорить ясно, спокойно, что ему не совсем удается:

— Жаль, что нет Оли. Но ты скажи ей, что я ее люблю, помню. Ты скажи ей, что мы вернемся…

Женя (подсказывает полушепотом и как будто безучастно):

— Не скоро…

Полковник сжал губы, чуть опустил голову, но, тотчас подняв ее, медленно, как бы подыскивая слова, продолжает:

— Ты скажи ей, что она — дочь командира… И что вы не должны обо мне плакать. Слышишь?

(Он трогает окаменевшую Женю за плечо.) Женя! Ты меня слышишь?

Женя (ровно, чтобы не сорваться):

— Слышу… (Пауза.) Мы… не будем… (И шепотом доканчивает.) Мы привыкли…

Но это неправда, ей трудно, она отворачивается, плечи ее вздрагивают.

За окном резкий гудок машины.

У подъезда дачи стоит ЗИС. В нем свободно только одно место, остальные заняты ожидающими полковника командирами.

Полковник берет Женю за руки и говорит ей совсем другим голосом, простым и взволнованным:

— Что мне тебе сказать еще, Женя? Вот я большой… уже седой. А я стою… смотрю… и что говорить, не знаю…

Женя хочет ответить, она мотает головой, машет руками и только потом бормочет:

— Ничего… ничего не говори, папа!.. Я все… все сама понимаю…

Она бросается к отцу…

…Возле стола у окна стоит Женя. Слышен стук…

Распахивается дверь. Входит взволнованная Ольга и, остановившись у порога, в страхе спра-

шивает:

— Женя! Где папа?

Женя ничего не ответила.

Не поворачиваясь, молча, медленно она поднимает руку и потом резко опускает ее вниз, в сторону окна.

Навстречу один другому несутся двое мальчишек… Расстояние между ними уменьшается. Но, еще не добежав один до другого, как бы что-то вспомнив, они останавливаются; поворачиваются и в том же темпе мчатся назад в противоположные стороны.

Бежит один из этих мальчишек, столкнулся с другим мальчишкой.

Первый мальчишка (растерянно):

— Ну что?

Второй:

— Ну ничего!

Первый:

— Ты куда?

Второй:

— Я… не знаю.

Бегут рядом.

Выскакивают из-за поворота две девчонки.

Первая девчонка:

— Мальчики, погодите, и мы с вами!

Первый мальчишка (зло):

— С нами… с нами… Мы никуда сами…

Обгоняя их, по улице рысью промчались два кавалериста.

Густая полоска кустарника разделяет две тропки. По одной шагает Гейка, по другой — Квакин.

В просвет между кустами они увидали один другого и сразу замедлили шаг.

Гейка (Квакину):

— Ты куда?

Квакин (обламывая веточку и небрежно обмахиваясь ею):

— Я? Гуляю… А ты?

Гейка хочет что-то сказать, но раздумал, потом махнул рукой и буркнул:

— Ну и гуляй своей… а я своей стороной!

Разошлись.

Сарай. Опущенные, провисшие провода. Возле сарая бестолково мечется несколько ребятишек.

Выглянули из-за забора сразу три головы. Увидав, что они не первые, нахохлились… И одна голова кричит сердито:

— Вы сюда зачем? Это не ваше место!

Пробирается кустами к сараю Квакин. С противоположной стороны пробирается кустами к сараю Гейка.

Столкнулись…

Гейка (Квакину):

— Гуляешь?

Квакин (сделав Гейке страшную гримасу):

— Гуляю.

Поворачивается и бежит к сараю…

За ним Гейка.

Поляна.

Увидав двух вожаков, мальчики бросились к ним навстречу.

Разом перепрыгнула через забор тройка. Подбегают еще мальчишки.

Квакин громко спрашивает:

— Где Тимур?

Чей-то голос:

— Нет Тимура!

Квакин смотрит на повисшие провода…

Он махнул одному из мальчишек рукою… Тот ловко взбирается ему на плечи, хватает руками и дергает за веревочные провода.

Звякнули где-то горлышки разбитых бутылок…

Машет впустую железная палка… Дружно звякнули жестянки.

На поляне уже много народу, но еще и еще подбегают ребята.

С заплаканным лицом, закрыв глаза, стоит у дерева Женя…

Шум, волнение, крики:

— Где Тимур, куда его черт носит?!

Вдруг шум смолкает.

Из-за кустов с тяпкой в руках выходит вернувшийся с работы Тимур. За ним Нюрка, Артем, Симаков, Коля Колокольчиков.

Раздается шум, свист, «ура». Крики:

— Да здравствует наша команда!

Гейка хватает за руку растерявшегося Тимура и хмуро говорит:

— Иди… иди… говори! Не ломайся!

У калитки дачи Александровых раздается команда:

— Взвод, стой!

С топорами, ломами, лопатами красноармейский взвод останавливается.

Лейтенант открывает калитку, поднимается по ступенькам террасы. Замялся.

Опустив голову на руки, сидит у стола Ольга.

Лейтенант кашлянул. Ольга обернулась, вскочила и, торопливо вытирая слезы, спросила:

— Вы к кому? Папа уже уехал…

Лейтенант (здороваясь):

— У меня к вам дело.

На поляне перед сараем много ребят; поодаль, наблюдая за ними, стоит несколько взрослых.

Придерживаясь рукой за круто приставленную к чердаку лестницу, взволнованный Тимур говорит:

— Что я могу вам сказать? Я не капитан, не командир… а такой же, как вы, мальчишка. Люди идут на фронт, и надо много работать… молотком, топором, лопатой, в лесу, в огороде, в поле. Была игра, но на нашей земле война, и игра окончена…

Среди собравшихся шум.

Тимур (звонко):

— Мальчишки и девчонки! Вот вы киваете головами, шумите: «Давай! Давай! Будем ворочать горы!» А пройдет три дня… (ропот) ну, три недели, три месяца — работа надоест, и выйдет, что мы не пионеры, а хвастуны и лодыри. (Ропот.) Мне говорить так горько, но лучше сказать сразу напрямик, чтобы потом никто не ныл и не хныкал. Давайте жить дружно! Нас много, а будет еще больше!

Резкий свист. Свистит Симаков. Люди оборачиваются.

В тени дерева стоит подошедший со всей своей компанией Фигура.

Тимур (командует):

— Отставить! Подходит подкрепление — «последний могикан», гроза садов и морковных огородов.

Тимур вытаскивает из кармана и развертывает старый флаг команды: пятиконечную звезду с опущенными вниз четырьмя лучами.

— И вот у нас уже целый пионерский отряд — и не одна, а три команды: Гейкин — весь поселок, у Квакина — лес и поле, а эти... (улыбнувшись и показывая на Фигуру) ночной патруль по охране покоя и общественного порядка!

Лицо Фигуры озадаченно.

Треск.

Как по волшебству, сдвигается с места целиком весь ветхий заборчик.

Теперь видно, что как он стоял, так его целиком выдернула из земли и, развертывая, отнесла в сторону шеренга красноармейцев.

Стоят лейтенант и Ольга. К ним бросаются ребята, Тимур, Женя.

Ольга (Тимуру):

— Свой штаб вы можете перенести к нам на террасу, а здесь, около сарая, будет стоять зенитная батарея.

На улице под деревьями стоят, одетые в чехлы,

пушки.

Окно незнакомого дома.

На стекле две пары рук быстро ставят «знак войны» — узкие, скрещенные наискосок и еще раз перекрещенные через центр бумажные полосы для предохранения стекол от бомбежки.

Внутри комнаты ловко работают, оклеивая окна, Женя и Таня.

Одеты они по-рабочему просто, волосы туго завязаны косынками.

Еще две девочки режут на столе полосы бумаги.

Грудной ребенок, сидя на полу, ловит и дергает, играя, свесившиеся со стола полоски.

Женя погрозила ему пальцем.

Оклеив окно, девочки выбегают во двор.

…Во дворе возле грядок много мальчишек с лопатами, ломами, топорами. Они сидят на досках, положенных на бугры свежевыкопанной глины.

Глубокая, идущая траверсами бомбозащитная щель.

Тимур с куском мела в руках стоит у забора. Тут же стоит его лопата. К нему подходит Коля Колокольчиков.

Тимур приказывает:

— Дай сигналы: «Внимание!», «Вижу врага»,

«Подать патроны».

Коля Колокольчиков поднимает согнутую правую руку ладонью вперед — пальцы на уровне головы, опускает правую руку. Вытянутую левую руку относит в сторону, опускает ее. Потом высоко, во всю длину, поднимает правую и крутит ею над головой.

Тимур (передавая мел):

— Хорошо! Напиши: «Вижу взвод».

Коля рисует.

Тимур:

— «Вижу роту с пулеметом и две пушки».

Коля к кресту прибавляет еще продольную черточку, потом менее уверенно ставит еще два знака.

Тимур, забирая мел, зачеркивает последний знак и говорит с усмешкой:

— Обедать будешь после. Пулемет на плане обозначается так. (Рисует.) Или вот так. А это у тебя не пулемет, а кашевар с походной кухней.

Гейка (поднимаясь, командует):

— Становись на работу!

Ребята хватают топоры, грабли и лопаты.

Один из них прыгает в узкую земляную траншею. Другие тянут доски, пилят и рубят крепежные стойки.

Женя (подходя к взявшему лопату Тимуру):

— Мы побежали. Мы пойдем к комсомолкам… шить мешки и брезентовые рукавицы. Там нас ждет Оля…

Тимур:

— Никуда вы не побежали. Собирай девочек, идите на огороды!

Женя (жалобно):

— Но, Тима! Мы только недавно оттуда… Нас прогнали… Квакин нагнал туда столько народу, что председатель нам велел уходить обратно. Если не веришь (показывает в сторону улицы), спроси у Фигуры.

Тимур (строго):

— Не зови его больше Фигурой, зови Васькой.

Женя (улыбаясь):

— Есть Фигуру звать Васькой!

Улица.

Фигура и с ним еще несколько мальчишек несут ведро, мочальную кисть и свертки бумаги.

Не держась за руль, лихо прокатил мимо них щеголеватый, в брюках гольф, паренек-велосипедист.

Ребята останавливаются у забора.

Приклеивают белый лист: «Приказ штаба противовоздушной обороны № 1». Второй лист — ло-

зунг: «Тыл, помогай фронту защищать Родину!»

Полюбовавшись на свою работу, Фигура сухой тряпкой разглаживает бумагу.

Щеголеватый паренек соскочил с велосипеда и, расталкивая ребят, читает приказ.

Фигура (давая тычка пареньку):

— Кати, кати!.. Не для таких лодырей про эти дела писано…

Паренек обиженно попятился.

Поле. Очень много голов склонилось над грядами.

Раздается русская песня, но слова ее не все знают, и поэтому поющие часто повторяют одни и те же строки:

Эх ты, степь моя…

Степь широкая,

Степь широкая

Да раздольная…

Квакин, поднимая голову, говорит Симакову:

— Когда я был хулиганом, я совсем не знал, что полоть капусту — это тоже трудно…

Степь широкая,

Степь раздольная…

Квакин выпрямился и говорит задумчиво:

— Когда я буду красноармейцем, тогда я буду…

Симаков:

— Ну, и что ты тогда будешь?

Квакин (гордо):

— А вот увидишь, что я тогда буду!

Ночь. Дачный поселок точно вымер. Тявкает собака.

Шаги.

Силуэт патруля. Это какой-то комсомолец и Ольга. Они с противогазами.

Чужая комната. Яркий электрический свет.

Старуха подходит и поправляет одеяло, закрывающее окно.

Рядом с окном этажерка. На ней спит кошка.

Старуха подходит к дивану, где спит возле игрушек малыш, берет его на руки и уносит.

Ночь.

Идут Тимур, Фигура и еще четверо из ночного патруля.

Тимур прощается с Фигурой:

— Вася! Я на тебя надеюсь… Ты смотри, не того… чтобы все было как надо!

Фигура (хмуро):

— Капитан! У меня или уже как не надо,

или уже все как надо. А на две стороны я никогда не работаю.

Разошлись.

Плывут светлячками затемненные фары.

Возле Фигуры бесшумно остановилась легковая машина. Открывается дверца, и виден силуэт головы человека. Человек спрашивает:

— Мальчики! Как проехать к штабу противовоздушной обороны?

Фигура (после паузы):

— Сначала скажи быстро, как зовут Ворошилова.

Человек, не запинаясь, отвечает:

— Климент Ефремович.

Фигура:

— Откуда он родом?

— Донецкий слесарь из Луганска.

Фигура:

— Первый поворот налево, второй переулок направо. Там вас остановят.

Машина отъезжает.

Голос из машины:

— Молодец! Ты хитер, парень!

Фигура (хмуро, своим ребятам):

— Пятнадцать лет все за хитрость ругали, а вот хоть один раз да похвалили!

Светлая комната.

Изогнувшись, прыгнула с этажерки кошка на закрывающее окно одеяло, вцепилась в него когтями и сорвала неплотно прибитый край.

Улица.

Узкий, но яркий луч света падает со второго этажа на патруль Фигуры.

Фигура бросается к дверям дома и стучит кулаками и ногами.

Другая комната.

Старуха заснула возле кровати ребенка.

Отчаянно колотят в дверь ребята.

Проворно по водосточной трубе, потом по карнизу лезет Фигура к освещенному окошку, добрался и громко стучит в переплет рамы.

Вдруг раздается зловещий вой сирены и паровозных гудков.

Воздушная тревога!

Ребята шарахнулись внизу от двери.

Фигура сверху кричит:

— Вы куда? Лезь через забор! Пробирайся в дом с черного хода!

Ударила зенитная батарея.

Фигура смотрит вниз, собираясь прыгнуть в темноту, но вот он выпрямляется и, придер-

живаясь раскинутыми руками за шероховатую стену, закрывает своей спиной узкую полоску света.

Удар!

Еще удар!!!

Прожектор…

Тени возле зенитки.

Женя проснулась. Вскочила. Надела на плечо противогаз.

Дрожащими руками схватила со стола и поцеловала фотографию отца, выбежала на улицу.

Удар!

Недалеко от входа в подвал-бомбоубежище, взявшись за руки, торопливо шагают цепочкой совсем маленькие ребятишки с няньками, очевидно из детского сада.

Один малыш тащит игрушечного слона и, задрав голову к небу, спотыкается.

Их встречают Ольга и дежурный — комсомолец.

Из-за его спины выглядывает лицо Жени.

Ольга (заметив Женю):

— Иди вниз. Здесь без тебя обойдутся.

Женя (хватает спотыкающегося малыша):

— Я сейчас, я только возьму вот этого!

(Берет малыша на руки.)

Гул приближающихся самолетов.

Удар.

Разрывы зениток.

Малыш (Жене, доверчиво):

— Это гром?

Женя:

— Да, это гром.

Опять удар и треск зенитного пулемета.

Малыш:

— Потом будет дождь?

Женя (пригнувшись и опасливо глянув на небо):

— Да, потом будет дождь.

Удар.

Длинная очередь из пулеметов.

Трассирующие пули в небе.

Малыш:

— А потом будет хорошая погода?

Женя, скрываясь за тяжелой дверью бомбоубежища, говорит торопливо:

— Да!.. Да!.. Потом будет очень хорошая погода.

Удар.

Стоит, заслоняя собой свет, Фигура.

Снизу, откуда-то из-под кустов, ему кричат:

— Васька! Скорее вниз прыгай! Что ты дума-

ешь?

Фигура (злорадно):

Имел одной он думы власть,

Одну, но пламенную страсть!..

Трусы! А что скажет наш капитан? Я ему обещал, что все будет сделано как надо!

Бегут взрослые дружинники.

Влезают через окошко в дом, и с улицы видно, как гаснет свет. Выстрелы стихают.

Фигура прыгает вниз, в палисадник.

К нему подбегают товарищи.

На лице Фигуры полоска крови.

Один из мальчишек в страхе спрашивает:

— Ты что? Ты ранен?

Фигура (гордо):

— Да, когда прыгал, зацепился щекой за бельевую веревку!

Возле террасы стоят лопаты, грабли, топоры, доски. По лестнице сбегает несколько мальчишек. Разобрали инструмент и убежали. На террасе возле Тимура — Гейка, Квакин, Колокольчиков, Женя, Фигура и другие ребята.

Вошел почтальон и внес квадратный запакованный в картон сверток.

Он говорит Жене:

— Распишись. Тебе из города посылка. А твоей сестре письмо.

Женя (расписываясь и волнуясь):

— Что это такое? (Берет письмо.) Почему письмо от папы не мне, а только Ольге?

На столе стоит патефон.

Женя (закусив губу, чуть не плача):

— Папа!.. Он вспомнил… Зачем? Мне этого теперь ничего не нужно…

Она отходит и, сдерживая слезы, смотрит в окошко.

Тимур рассматривает патефонные пластинки.

Вдруг лицо его насторожилось.

Он подносит к глазам небольшую прозрачную пластинку.

Потом, загадочно глянув на Женю, он осторожно заводит патефон и ставит пластинку.

Коля Колокольчиков (шепотом):

— Тима!.. Не надо… Она (на Женю) от музыки заплачет.

Тимур отмахнулся от Коли и пускает пластинку.

Недоуменно смотрят на Тимура притихшие ребята.

Крутится пластинка.

Стоит лицом к окну Женя.

Вдруг раздается ровный, знакомый голос отца.

— Женя!

Мгновенно Женя оборачивается и, ухватившись за подоконник руками, замирает с широко открытыми глазами.

Крутится пластинка.

Голос отца:

— Когда ты услышишь эти мои слова, я буду уже на фронте. Дочурка, начался бой, равного которому еще на земле никогда не было… А может быть, больше никогда и не будет. Если тебе будет трудно, не плачь, не хнычь, не унывай. Помни, что тем, которые бьются сейчас за счастье и славу нашей Родины, за всех ее милых детей и за тебя, родную, еще труднее, что своей кровью и жизнью они вырывают у врага победу. И враг будет разбит, разгромлен и уничтожен. Женя! Я смотрю тебе сейчас в глаза прямо, прямо… Я клянусь тебе своей честью старого и седого командира, что еще тогда, когда ты была совсем крошкой, этого врага мы уже знали, к смертному бою с ним готовились. Победить его обещались. И теперь свое слово мы выполним. Женя! Поклянись же и ты, что ради всех нас там у себя… далеко… далеко… ты будешь жить честно, скромно, учиться хорошо, работать упорно, много. И тогда, вспоминая

тебя, даже в самых тяжелых боях я буду счастлив, горд и спокоен.

Уже давно смолк голос отца, и с шипением впустую вертится пластинка…

Но, как зачарованные, стоят, не двигаясь, ребята.

Но вот Тимур подошел к Жене, смотрит ей прямо в лицо, а она тихо и взволнованно ему шепчет:

— Да! Но я не знаю как… Я не умею…

Тогда Тимур сжимает руки Жене и говорит горячо и звонко:

— Я клянусь, Женя. Я давно знаю. И я научу тебя этой клятве!

Над книгой работали

Руководитель редакционной группы *Анна Сиваева*
Ответственный редактор *Любовь Неволайнен*
Креативный директор *Яна Паламарчук*
Дизайнер *Юлия Широнина*
Иллюстрация обложки *Чаки Чаки*
Корректоры *Евгения Артемьева, Анна Быкова*

В оформлении обложки/макета использованы изображения по лицензии Shutterstock.com.

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
mann-ivanov-ferber.ru